ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

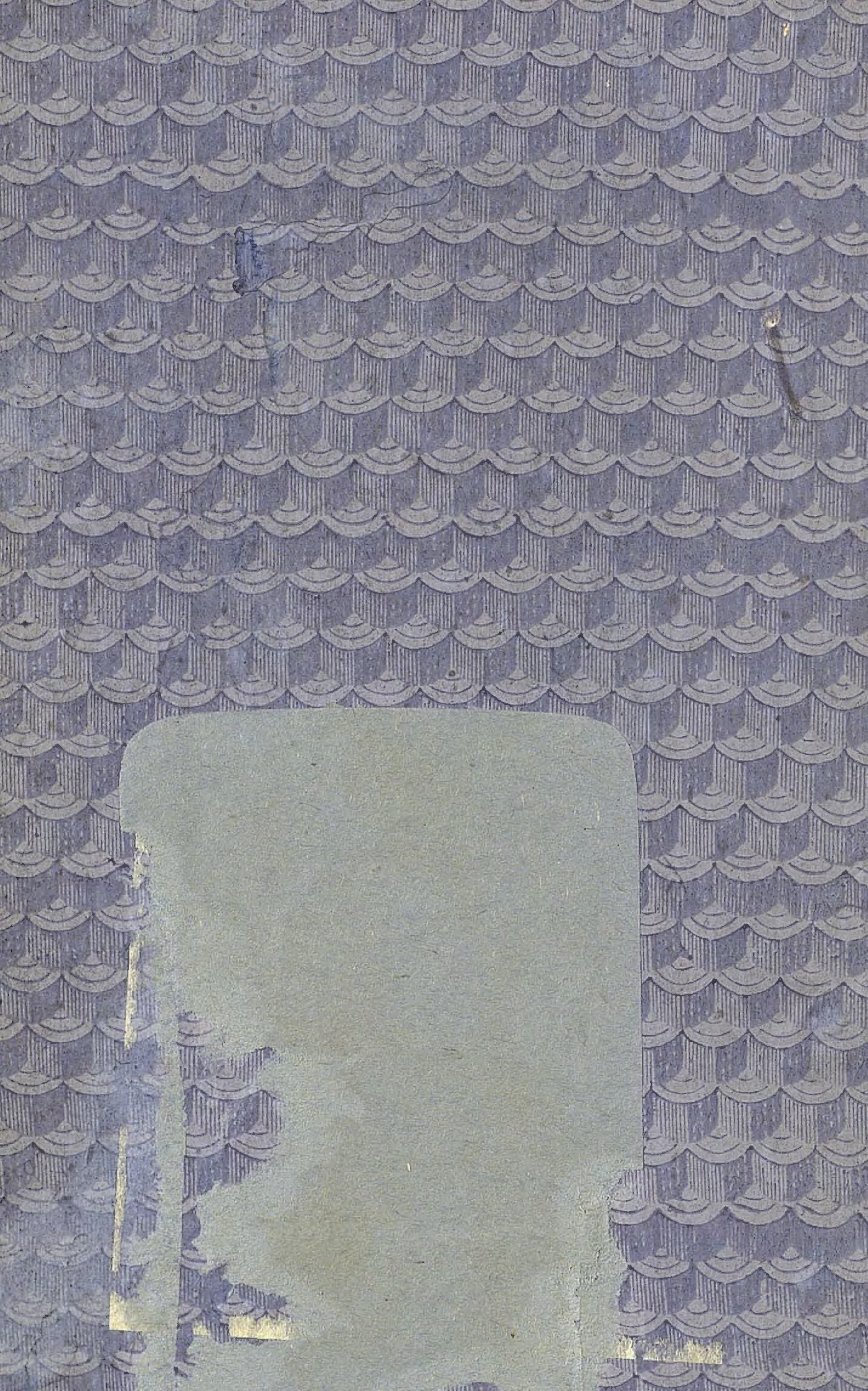
ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

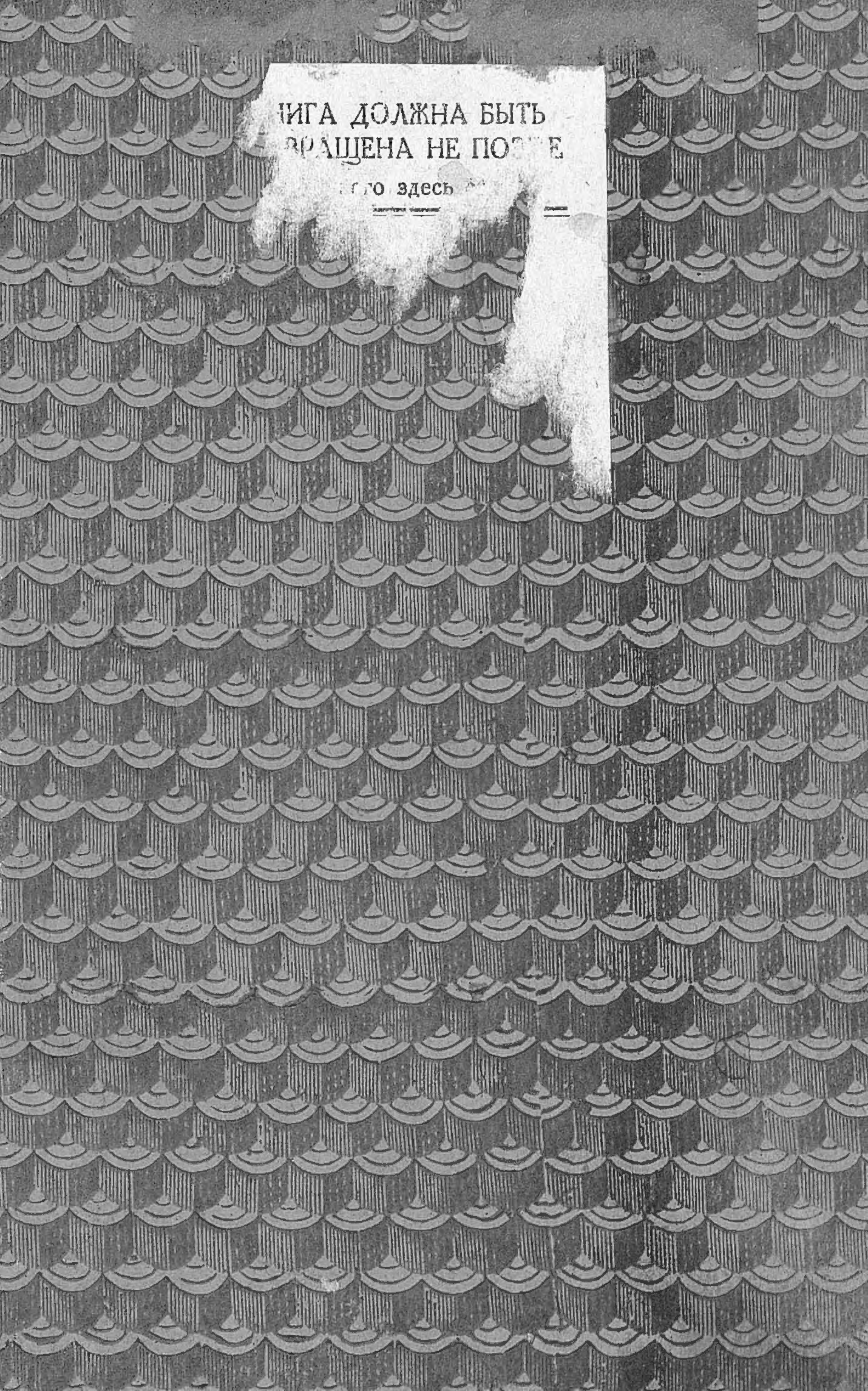
С. Г. ТОМСИНСКИЙ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОЙ РОССИИ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВРАЩЕНА НЕ ПО
го здесь

ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР

ПОПУЛЯРНАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ 1932

С. Г. ТОМСИНСКИЙ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОЙ РОССИИ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ 1932

★

Обложка работы А. А. Житомирского
Рисунок на обложке —
«Подвешивание за ребро»
(с картины Музея революции)
Технический редактор В. С. Решетников

★

Уполн. Главлита В—26572 Изд. № 1008 Зак. № 61. Тираж 63.500 экз.

Колич. наб. зн. в бум. листе 87.296. Стат формат $А_5$ 148×210. Колич. бум. листов $5^1/_2$

Сдано в набор 4/I — 1932 г. Подписано к печати 10/VII—1932 г.

Отпеч. в Интернациональной (39) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

ВВЕДЕНИЕ

История крестьянских движений в России самым грубым образом фальсифицировалась дворянско-буржуазными историками: одно движение («смута») изображалось как польско-литовская интрига, другое—(разинщина) почти замалчивалось, третье —(пугачевщина) изображалось как бессмысленный бунт. Революционным крестьянским движениям давались такие названия, как «смута» — для того, чтобы смазать их революционный характер и вообще сбить читателя с верного пути. Историей крестьянских движений наши классовые враги пользовались для того, чтобы разжечь национальную вражду к полякам или к татарам и культивировать легенды о патриотизме духовенства, о роли святых и чудотворцев в «спасении России», т. е. власти бояр и помещиков.

Дворянско-буржуазная историография и публицистика создала теорию о реакционном характере крестьянских движений. Эту идею заимствовали, между прочим, меньшевики, которые считали крестьянские движения реакционными. Народники же только идеализировали крестьянские движения и переоценивали их значение. Они даже придавали большое значение традициям крестьянских движений и шли «в народ» в те районы, где некогда действовали Разин и Пугачев.

Исторической правде в глаза посмотрел наш заклятый классовый враг в лице П. Струве. В сборнике «Вехи» он связывает крестьянские движения с современностью: в событиях «смуты», по его мнению, чувствуется «что-то современное, слишком современное». Крестьянские движения он рассматривает исключительно как «воровские и анархические», передавшие свои

идеи в наследство революции 1905—07 гг., и призывает к беспощадной расправе с ними.

Энгельс заметил, что история крестьянской войны в Германии должна послужить краеугольным камнем всей новейшей истории Германии; также и история наших крестьянских движений должна стать краеугольным камнем истории феодально-крепостной России. Крестьянские движения периодически повторялись в России. Они пытались стать «повивальной бабкой» новой капиталистической общественной формации, но их попытки заканчивались неудачей.

Ленин прекраснейшим образом вскрыл силу и слабость крестьянских движений и определил их место в истории. Он на практике показал, какие великолепные результаты дает крестьянская война в сочетании с пролетарской революцией. Исторический анализ только подтверждает ленинские выводы.

Феодально-крепостная Россия знает три крестьянских движения, захлеснувшие почти всю страну и едва не стершие с лица земли все «благородное» дворянское сословие. Мы имеем в виду крестьянское движение конца XVI и начала XVII вв., названное дворянско-буржуазными историками «смутой», разинщину (1666—1672 гг.) и пугачевщину (1773—1775 гг.). Мы не будем касаться четвертого крестьянского движения — «хмельничины», происходившего на территории Украины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИЧИНЫ КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКИХ ДВИЖЕНИЙ КОНЦА XVI И НАЧАЛА XVII вв.

События, развернувшиеся в Московском государстве в середине XVI в., находятся в тесной связи с теми колоссальными сдвигами, которые происходили в Западной Европе. Открытие в конце XVI в. Америки, морского пути в Индию, развитие мировой торговли, захват и грабеж колоний, открытие и разработка золотых и в особенности серебряных рудников и т. п. процессы втянули в водоворот международных событий и Московское государство. «Открытие» англичанами Московского государства через Белое море, упорные войны Москвы из-за берегов Балтийского моря, захват ряда укрепленных пунктов в Сибири, упорное продвижение в районы татарских царств, вторжение в Придонскую степь, борьба с Польшей, — все это стоит в тесной связи с колониальными захватами западно-европейской торговой буржуазии.

Разложение феодализма сопровождается рядом революций в Западной Европе. Крестьянские войны в Германии, борьба Нидерландов за независимость, английская революция вызывают большой отклик в Польше, Украине и Московском государстве. Поражение крестьянской войны в Германии и перемещение торговых путей к Атлантическому океану ускоряют процесс реставрации феодальных отношений в Восточной Европе: в Польше, Литве и Московском государстве власть переходит от «старого» феодального боярства в «новым» феодальным группам, которые приспосабливали свои хозяйства к рыночным отношениям. Приход к власти «новых» феодалов связан с окончательным закрепощением крестьян во всей восточной Европе.

ОПРИЧНИНА

Ко второй половине XVI в. независимые и полузависимые феодальные (удельные) княжества, расположенные вокруг Москвы, окончательно потеряли свою независимость. Мелкие разрозненные рынки объединялись вокруг крупных торговых пунктов; последние в свою очередь тяготели к Москве, расположенной в центре речных и, следовательно, торговых путей.

Московские «новые» феодалы и купцы были уже достаточно сильны для того, чтобы покончить с независимыми крупными торговыми центрами — Псковом и Новгородом, разгромить татарские царства и подчинить Москве оставшиеся полузависимые уделы. Московский великий князь стал крупнейшим монополистом в области землевладения и торговли.

Крупнейшие феодалы не только скупали земли слабых и разорявшихся соседей: они давили на них своим государственным и финансовым аппаратом. Крупные феодалы (т. н. «великие князья»), присоединяя к Москве территории зависимых феодалов (уделы), присваивали себе значительную часть земель из удельно княжеских, боярских и церковных владений. Так, например, Иван III при разгроме Новгорода присвоил себе значительную часть его территории. Такой захват части завоеванной территории самим царем или его феодалами был обычным явлением. Иностранец Флетчер писал: «к царским доходам можно прибавить также конфискации имущества тех, которые подвергаются опале. К ним же относятся чрезвычайные налоги и поборы Иван IV обыкновенно говорил: народ сходен с его бородой — чем чаще стричь ее, тем гуще она будет расти, или с овцами, которых необходимо стричь, по крайней мере, один раз в год, чтобы не дать им совершенно обрасти шерстью»...[1]

Наряду со светскими феодалами также и монастыри быстро увеличивали свои земельные владения. Так, например, Троице-Сергиевская лавра под Москвой в течение XV и XVI вв. скупала боярские помещичьи владения; монастырь становился крупной

---

[1] Между прочим, белогвардейский историк Р. Ю. Виппер в своей работе «Иван Грозный», 1922 г., оспаривает и осуждает сообщение Флетчера о том, что «русский народ расколот надвое, высшие и низшие классы ненавидят друг друга. А происходит это от жестокого и злонамеренного управления, от сознательной политики правительства, поддерживаемого хитростью своекорыстного духовенства, которые стараются держать народ в невежестве». Белогвардейцу Випперу в 1922 г., в эпоху обостреннейшей гражданской войны, надо было исторически оправдать диктатуру феодалов крепостников. Виппер обвиняет в фальсификации Флетчера, который изобразил Москву в качестве страны варварской, управляемой жестокими азиатскими приемами, невежественной, погибающей от застоя.

хозяйственной единицей, распоряжавшейся своими владениями в разных уголках государства. Сотни отдельных разрозненных хозяйств работали на монастырь, который вывозил хлеб на крупнейшие рынки государства. Монастырь сделался не только крупным хозяйственным, но и финансовым центром. Он стал ростовщиком, от которого находились в зависимости и крупные светские феодалы. История ряда других монастырей не составляет исключения. Не приходится распространяться о роли таких монастырей, как Кирилло-Белозерский, Соловецкий, которые ссужали большими денежными средствами и товарами великого московского князя и вели торговые операции с Западной Европой.

История роста хозяйств крупных московских феодалов — это история ряда войн, набегов, экспроприаций и захвата земельной собственности зависимых и полузависимых феодалов и в особенности крестьян. Централизованный государственный аппарат был связан органически с системой хозяйства «новых» крупных феодалов и купцов.

Со второй половины XV в. вместе с окончательным упразднением уделов сильно возросло число князей, оказавшихся на службе московского государя. Удельные князья, поступавшие на московскую службу, обыкновенно сохраняли за собой земли и вотчины, которые находились в их прежних уделах. В то же время они пользовались привилегиями в области суда и администрации. Хотя часто князья и крупные бояре продолжали владеть своими уделами в качестве наместников великого Московского князя и выступали в походы во главе особых своих удельных дружин, они, однако, уже не представляли серьезной силы. Удельные князья и старые родовитые бояре претендовали на руководство центральным и местным управлением вместе с великим князем (государем); но свои претензии они не были в состоянии подкрепить реальной силой и вынуждены были подчиниться Москве.

С начала XVI в. провинциальная администрация постепенно подчиняется центральной власти. В этом отношении весьма характерна отмена кормлений. В 1566 г. правительство объясняло отмену кормлений злоупотреблением воевод, которые «кормились» за счет местного населения. Дело было не в том, что администрация на местах действовала «яко волцы, гонители и разорители». Отменив кормление и назначив воеводам жалованье, правительство поставило их в зависимость от центрального аппарата. Одновременно государственные доходы подчинялись централизованной системе.

Это было не трудно сделать, так как местный административный аппарат часто ведал на местах хозяйственными функциями

центрального дворцового ведомства. Разветвленная сеть бюрократической государственной машины в XVI и даже еще в XVII веке в значительной степени была связана с хозяйственными функциями дворцового ведомства крупнейшего феодала; поэтому очень долгое время цари (не только в России, но и в Западной Европе) не были в состоянии и не хотели отличить свое собственное хозяйство от государственного.

Такое «собирание земли», т. е. концентрация и централизация земельной собственности и государственного аппарата, происходит быстрым темпом в течение первой половины XVI в. Развитие денежного хозяйства выдвинуло перед «новыми» феодалами ряд новых задач. Для того чтобы жить, они должны были обрабатывать землю систематически и интенсивнее и вступить в постоянную связь с рынком; а для этого нужны были деньги и рабочая сила. До XVI в. только единичные крупнейшие феодалы вели хозяйства, в которых была полностью налажена барщина. В этих хозяйствах крестьянин систематически работал определенное число дней в неделю (даже по 5-6 дней в неделю по данным иностранцев) на феодалов и, кроме того, платил ему оброк продуктами и реже — деньгами. Сельскохозяйственная барщина еще не стала господствующей формой эксплоатации крестьян, и для того, чтобы перевести массы крестьян на постоянную барщину, феодалам предстояло еще проделать огромную работу. Они должны были провести перераспределение земельной собственности внутри себя, поставить крестьян в положение «арендаторов», сидящих на чужой земле, и, наконец, окончательно прикрепить их к земле.

Какое же должно было произойти перераспределение земельной собственности между феодалами? Крупнейший московский феодал (т. н. великий князь) заканчивал «собирание земли», т. е. ликвидировал самостоятельные полузависимые хозяйственные и политические единицы. Существование таких самостоятельных феодальных организмов было серьезным препятствием по пути развития производительных сил страны. Затем надо было подчинить себе нарождавшийся слой мелких помещиков, с которыми нельзя было не считаться. Расширение территории Московского государства, захват новых земель к востоку и югу от Москвы, рост городов и новых колонизационных центров значительно увеличили силу нарождавшейся группы «новых» феодалов.

Эти «новые» феодалы пытались связать свои хозяйства с рынком. Под давлением этих групп и крупного купечества правительство Московского государства вынуждено было повести ряд войн за овладение берегами Балтийского моря и торговыми

путями на восток. Правительство Ивана IV, опираясь на крупных феодалов, связанных с рынком, и на широкие слои нового мелкопоместного дворянства и купечества, приступило к ликвидации «старого», удельного боярского землевладения.

Крупное удельное феодальное боярство разлагалось, теряло свои земельные владения и не было в состоянии приспособиться к новым нарождавшимся товарно-денежным отношениям. Оно пыталось расширить свое собственное хозяйство, перевести крестьян на барщину, т. е. на систематическую работу на себя, но ему это не легко удавалось. Удельному боярству трудно было перестроить свои хозяйства в связи с требованием рынка. Наряду со «старым» боярством, владевшим землею по наследству, нарождалась новая группа — помещики. Они сами захватывали и получали землю за военную службу. «Новые» помещики были заинтересованы в новых походах и войнах; это им давало возможность увеличивать свои земельные наделы на окраинах государства и в колониях. Но они были недовольны тем, что основной земельный фонд и вся рабочая сила еще находились в руках «старого» крупного боярства. Помещики стремились захватить в свои руки не только земельные богатства страны, но и политическую власть.

В течение XV и XVI вв. происходила борьба между удельными князьями, крупным старым родовитым боярством и нарождавшимся «новым» помещиком. Те помещики, которые легче и скорее приспосабливались к рыночным отношениям, в средине XVI в. перешли в решительное наступление. Эта борьба происходила под руководством Ивана IV Грозного. Сам Грозный принадлежал к богатейшим царям в Европе: его личный доход в четыре раза превышал доходы его современника — английского короля Генриха VIII. В борьбе со старым крупным боярством Ивану IV, крупнейшему феодалу, выгодно было опереться на мелких служилых помещиков.

Борьба Ивана IV подготовлялась публицистикой того времени. В царствование Грозного выдающимся теоретиком московского абсолютизма был царский «холоп» Иванец Семенов, сын Пересветов. Он был непримиримым врагом боярства, идеологом восходившего поместного дворянства, сторонником неограниченной власти монарха.

В литературном произведении другого автора—«Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев»—рекомендуется полное подчинение церкви царю и предлагается запретить монастырям владеть населенными имениями и «соединить всю русскую землю в одно государство».

«Беседа» представляла собой боевой памфлет против духовенства, которое владело 33 процентами московской территории. Задолго до решительного выступления против бояр в своих беседах с иностранцами Иван IV жаловался на бояр и духовенство; он заявил, что должен искоренить бояр для того, чтобы безопаснее и свободнее царствовать, опираясь на н о в о е неродовитое дворянство; он ненавидел бояр, мечтавших о возврате прежних времен, «когда им была свобода, а царю неволя».

С конца 40-х гг. XVI в. правительство Ивана IV предприняло ряд мер для ограничения прав «старого» удельного боярства. В 1549 г. провинциальное дворянство было изъято из подсудности местной власти. В 1550 г. из массы служилого дворянства было выделено компактное ядро «детей боярских и лучших слуг». Одновременно пересматривался судебник и составлялись «родословец» и «разрядная книга», которые умаляли значение родовитой боярской аристократии. К военной службе были привлечены не только поместные, т. е. владения молодых помещиков, но и вотчинные земли — владения феодалов, переходившие по наследству. Этот порядок не мог не парализовать силу удельных феодалов, земли которых раньше не облагались военным налогом и повинностью. Правительство установило также точные нормы поместного и вотчинного землевладения и увеличило площадь служилого землевладения за счет дворцовых, монастырских и черных земель.

Открытая и ожесточенная борьба Ивана IV с крупным боярством связана с учреждением в 1565 г. опричнины, т. е. «особого управления». Опричнине были переданы земли, конфискованные у князей и крупных бояр, и крупнейшие богатые торговые города, расположенные к северу от Москвы. Опричнина развернула большую работу: конфисковывала вотчины старого боярства, выселяла бояр со своих земель на окраину государства, казнила часть старых удельных князей и крупных бояр.

За десять лет, с 1565 до 1575 г., земли опричнины сильно возросли и уже охватили больше половины государства. Почти все уезды Замосковского края и весь Север перешли в опричнину; все торговые пути со всеми рынками были ею захвачены. В опричнину брались те уезды, где старые бояре сидели целыми гнездами. Мелкие помещики и служилые люди, связанные с опричниной, получили поместья в уездах, взятых в опричнину. Так, например, все поместные земли Горетовского стана Московского у. состояли из земель, отобранных Иваном IV у старых бояр и служилых людей и пожалованных новым людям; еще большая часть этих отобранных земель под видом порожних и оброчных была оставлена в непосредственном ведении прави-

тельства, — частью они доставляли государю доход своими оброками, а частью составляли запас для новой раздачи служилым людям. Самое же большое количество частных земель этого стана состояло в монастырском владении. Под угрозой конфискации бояре старались сбывать свои имения продажею в другие руки или фиктивно закладывать их в монастыри. Главными покупателями являлись большие и богатые монастыри, которым не грозила конфискация.

В 1557 г. правительство Ивана IV запретило служилым князьям и боярам отчуждать свои вотчины и отдавать их в монастыри. Закон 1562 г. ограничил права удельных князей, но еще не отнимал родовых вотчин ни у них, ни у их прямых наследников. В 1573 г. запрещено было отдавать вотчины крупным монастырям, малоземельные монастыри имели право получать новые вотчины не иначе, как с разрешения правительства и с санкции государя. Меры эти мотивировались бедственным положением государства, вследствие продолжительных войн, которые пришлось вести почти со всеми соседями. Власть духовенства была ограничена также и в церковном суде: в его состав были введены светские представители с правом обжалования решения перед светской властью.

В 1570 г. во время разгрома Новгорода Иван IV, разграбив местные церкви и монастыри, наложил на них огромную контрибуцию и отобрал у них все жалованные грамоты на вотчины.

Английскому послу Флетчеру, приехавшему в Москву в 1588 г., рассказывали, что еще недавно были в Москве лица из древнего дворянства, «которые владели по наследству различными областями с неограниченной властью, с правом судить в своих владениях без апелляции и даже не отдавали отчет царю». Знатнейшие княжеские роды при Иване IV еще располагали довольно большими земельными имуществами; но после Ивана IV, т. е. в конце XVI в., владения князей значительно уменьшились. Уцелевшие боярские вотчины обращались в поместья, т. е. во временные пожалования за службу. В конце XVI в. в Московском уезде поместья занимали 33% пространства, в Коломенском и Казанском — больше 50%, в районе Новгорода — больше 75%, в Рязанском уезде — больше 90%. Эти цифры уже говорят о степени упадка старого феодального боярства, владевшего вотчинами, которые переходили по наследству.

Опричнина пыталась лишить боярство политического значения: в Боярскую Думу был введен дворянский элемент, и этими мерами была «демократизирована» Боярская Дума.

Как повлияло учреждение опричнины на положение крестьян? Генрих Штаден, очевидец событий второй половины XVI в.,

сообщает, что крестьян удельных бояр насильно переселяли на земли опричников. При этом увозились или сжигались крестьянские дворы. Насильственный своз огромных масс крестьянства был связан с процессом закрепощения. Стало быть, конфисковывалась не только земля старого боярства, но и рабочие руки. Совсем не случайно право крестьянского «выхода» с начала 80-х гг. было приостановлено в своем действии специальными указами о «заповедных летах».

В переписке Ивана IV с князем Курбским, изменившим Московскому государству и перешедшему на сторону Литвы, находим развернутую программу двух борющихся групп. Курбский обвиняет Грозного в том, что он погубил всех потомков великого князя Владимира, побил «сильных во Израиле», данных от бога, т. е. старое боярство, отнял у бояр все до последней рубашки (срачицы) и погубил «град великий Псков»,— т. е. уничтожил остатки феодальной независимости, — и высказывается за восстановление старого феодального права. Эти мероприятия Грозный, — по данным Курбского, — осуществил тем, что «затворил царство русское, аки во адове твердыне», т. е. при помощи чрезвычайных диктаторских мер. В ответ на вопрос, за что Грозный истреблял бояр, «верных слуг своих», царь отвечает: «русские самодержцы с давних времен сами управляют царством, а не бояре и вельможи». Грозный подробно обосновывает идею подчинения духовной власти светской и преимущество абсолютной власти, неограниченности своей власти, своей ответственности перед богом и безответственности перед людьми. Далее Грозный указывает, что многоначалие «женскому безумию подобно», и решительно высказывается за диктатуру и единоначалие.

Террористические действия опричнины продолжались до начала 70-х гг. XVI в. Под влиянием татарского нападения на Москву в 1571 г. и экономического кризиса правительство Ивана IV частично восстановило то положение, которое было до опричнины.

Старое экспроприируемое боярство изображало Ивана IV как грозного сумасбродного тирана, совершающего ничем не оправдываемые бессмысленные преступления. Этот взгляд заимствован, между прочим, и рядом дворянско-буржуазных историков. Между тем, действия Грозного отвечали интересам нарождавшегося «нового» помещика феодала и крупного купечества, которые боролись за создание централизованного государства с единым национальным рынком. На пути стояло старое боярство, желавшее сохранить целость обособленных феодальных уделов и, следовательно, хозяйство с натуральным укладом. Новые помещики и крупные купцы могли выполнить стоявшие перед ними

задачи только при помощи чрезвычайных мероприятий — железной диктаторской власти. Эти задачи не были выполнены Грозным полностью; боярство сильно пострадало, но оно еще не было разгромлено; оно еще владело огромной земельной площадью и рабочей силой. Борьба была еще впереди — слово осталось за крестьянством и казачеством.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКИХ ДВИЖЕНИЙ КОНЦА XVI в.

Крестьянство было основной движущей силой всех революционных движений феодально-крепостной эпохи. Поэтому нам надо, прежде всего, выяснить его положение.

Дворянско-буржуазные историки поддерживали сочиненную ими легенду о том, что крестьянство издавна сидело на чужой земле. В начале XVI в. в России было около семи миллионов крестьян и, вероятно, не больше одной или двух сотен тысяч крупных и мелких бояр и помещиков. Совершенно непонятно, как могла очутиться на чужой земле такая огромная масса крестьян. Защитники интересов феодалов-крепостников оспаривали тот факт, что крестьянство сидело на своей собственной земле в центре страны до средины или до конца XVI в., а в колониях — до XVII и XVIII вв.

К концу XVI в. уже был завершен процесс экспроприации, захвата крестьянских земель в центре страны крупными светскими и монастырскими феодалами. Земля завоеванных областей обычно объявлялась собственностью феодального государя, и крестьяне оказывались на «чужой» земле.

Герберштейн, иностранный путешественник, посетивший Россию в начале XVI в., пишет о крестьянах следующее: «Крестьяне шесть дней в неделю работают на своего господина, а седьмой день предоставляется им для собственной работы. Они имеют несколько собственных, назначенных им их господами полей и лугов, которыми они живут; все остальное принадлежит господам. Кроме того, положение их весьма плачевно и потому, что их имущество предоставлено хищению знатных лиц и воинов, которые в знак презрения называют их крестьянами или черными людишками».

Положение крестьян все больше ухудшалось. В 1666 г.—т. е. черед 130 лет после Герберштейна,—иностранный врач Коллинс писал о том, что «строгое соблюдение постов полезно в России, иначе бы государство скоро разорилось: помещики отбирают у

крестьян все, что они приобретают сверх ежедневных потребностей». А Рейтенфельс, посетивший Россию в 1672 г., отметил, что работа на помещиков и подати совершенно изнуряют и разоряют крестьян.

Крестьяне реагировали на такую жизнь уходом от центра государства и от помещиков; но бегство спасало их только временно, так как в самых отдаленных углах страны они оказывались на земле, которая объявлялась «государевой собственностью».

Одновременно с расхищением помещиками крестьянских земель шло закрепощение крестьян. К концу XVI в. все крестьянство Замосковского края, т. е. центра страны и западных областей, фактически было закрепощено. Оно лишилось возможности свободно распоряжаться своим имуществом и права свободного перехода. Накануне «освобождения» крестьян в средине XIX в. помещичьи историки изображали дело так, что дворянское государство не поступило несправедливо с крестьянами в конце XVI в.: крестьянство, как и помещики, было закрепощено государством, которое одинаково заботилось об интересах всех классов. Даже более передовые буржуазные историки видели причину закрепощения крестьян в задолженности помещикам. Такое объяснение по существу оправдывало и легализовало создавшееся положение. Между тем, процесс закрепощения крестьян носил далеко не такой идиллический характер: он вписан в историю России огнем, железом и кровью. *Крестьянство было окончательно закрепощено, потому что оно потерпело поражение в великих революционных войнах со своими классовыми врагами.*

Со средины XVI в. усиливается вывоз сельскохозяйственных продуктов и сырья на внутренние и внешние рынки. Помещики стали расширять свои хозяйства, т. е. переходить к систематической барской запашке. Крестьяне переводились на барщину под надзором помещика или его приказчика. Для этой цели помещику нужны были земля и рабочие руки. Нельзя было бы заставить работать на помещика того крестьянина, который сидел на собственной земле. Не легче было бы превратить в крепостных тех крестьян, которые, кроме земли, владели рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Для того чтобы заставить крестьянина работать, надо было у него сперва экспроприировать землю. Поэтому уже к концу XVI в. многомиллионное крестьянство оказалось на «чужой» земле. Крестьянин мог найти выход в бегстве или в переходе к другим землевладельцам; но бегство рассматривалось как политическое преступление. Задолженность

крестьян в процессе закрепощения могла иметь только второстепенное значение. Те процессы, которые происходили в общественных отношениях и в экономике страны во второй половине XVI в., содействовали закрепощению крестьян.

Во второй половине XVI в., как уже было указано, Московское государство переживало глубокий экономический кризис. Он был связан с цепью сложных причин: кризис в Западной Европе, упадок Ганзы, падение Новгорода и Пскова в связи с перемещением торговых путей, поражение России в войнах из-за берегов Балтийского моря, начавшееся разложение натуральных форм хозяйства и т. п. обстоятельства вызвали глубокий кризис хозяйства. Упадок выразился в значительном сокращении экспорта и импорта, в упадке торговли, сокращении запашек и в значительном запустении сел и городов. В это время феодалы и крестьяне искали выхода из кризиса. Государство в эти годы издает ряд указов, ограничивающих право перехода крестьян, и вырабатывает особые жесткие меры в борьбе с беглыми. Кризис, с одной стороны, толкал крестьян на бегство, с другой — на работу на самых невыгодных условиях. В эти же годы обостряется борьба из-за рабочих рук между различными категориями феодалов.

В последнее время историки-марксисты дискуссировали, между прочим, по вопросу и о том, сидели ли крестьяне до XVII в. на барщине, или только платили оброк. В первом случае крестьяне должны были выполнять для помещика определенные задания в определенное число дней (пахать, сеять и т. д. 3—6 дней в неделю) под руководством землевладельца или его приказчика. Во втором случае крестьянин ограничивался платежом помещику денежных или натуральных повинностей; в этом случае за крестьянином сохранялась некоторая относительная самостоятельность в распределении рабочего времени и в продаже излишков своих продуктов. Со средины XVI в. в росте помещичьей пашни и в экспорте сельскохозяйственных продуктов, — как показывают свидетельства иностранцев, — совершился крутой перелом, который находился в связи с массовым переводом крестьян на барщину, т. е. на постоянную работу на помещика. Только в связи с этим процессом можно понять указы о закрепощении крестьян и бегство огромных масс крестьянства из центра на окраины. Надо отметить, что закрепощение крестьян происходило в эпоху деградации сельского хозяйства и крупнейшего кризиса во всех отраслях хозяйства. Единственным союзником беглого крестьянства было казачество.

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Во всех крестьянских движениях большую роль играло казачество. Запорожское и донское казачество принимало участие в крестьянских движениях конца XVI и начала XVII в., донское — в разинщине и яицкое — в пугачевщине.

На лесистых островах Днепра во второй половине XVI в. возникла запорожская Сечь. Каковы были социальные силы, питавшие казацкую Сечь? Французский инженер Боплан, служивший в Польше во второй половине XVI в., правильно разрешает вопрос об общественных группах, питавших Сечь. Он пишет: «Крестьяне находятся в жалком положении: они принуждены три дня в неделю ходить на барщину и за землю, смотря по величине участка, давать господину несколько четвериков хлеба, несколько пар каплунов, кур, цыплят и гусей. Сверх того, они возят дрова на господский двор и исполняют тысячи других изнурительных и несправедливых требований, не говоря уже о денежном оброке, о десятине с овец, свиней, меду и садовых плодов; по прошествии же трехлетья они отдают третьего вола. Одним словом, все, что только ни понравится их господам, крестьяне принуждены уступать, а потому и неудивительно, если эти несчастные не имеют у себя ни кола, ни двора. Но это еще не все: помещики, отнимая имущество у крестьян, располагают произвольно и их жизнью. Так неограничены вольности польского дворянства. Оно блаженствует, как будто в раю, а крестьяне мучаются, как в чистилище. Если судьба пошлет им злого господина, то их участь тягостнее галерной неволи. Многие от рабства спасаются бегством; *сильнейшие уходят в Запорожье — главный притон казаков на Днепре*. Пробыв там некоторое время, совершив один морской поход, беглые крестьяне увеличивают свои легионы до бесконечности».

Прилив беглых в Запорожье усиливается после объединения («унии») Литвы с Польшей в 1569 г. Огромные массы закрепощаемого белорусского, литовского и украинского крестьянства рвались в свободное Запорожье. Польское правительство предложило помещикам удерживать крестьян от бегства на днепровские острова и наказывать тех, кто продает казаку порох, селитру, оружие и даже хлеб. Под страхом смертной казни крестьянам запрещено было отлучаться от селений.

Запорожское казачество беспрерывно воевало с польской шляхтой, которая пыталась регулировать его состав, ограничивать права казацкого самоуправления и набросить на него крепостнический намордник; московское же правительство пыталось превратить казачество в орудие борьбы с Польшей. Украинское

казачество готово было пользоваться помощью московского правительства. Публицистика XVI—XVII вв., как и позднейшие историки казачества, поспешила создать легенду о казаках как о борцах за православие.

Тяга запорожцев к московскому правительству объяснялась далеко не религиозными причинами, как это дело изображали помещичьи и буржуазные историки. В XVI в. великорусское правительство еще не было в состоянии колонизировать южную степь и превратить колонистов юга в крепостных. Эта задача была разрешена только в XVII и XVIII вв. Запорожское казачество, страдавшее от нажима польской шляхты, охотно переходило на сторону России: колонист южных окраин еще пользовался большими привилегиями.

Польша, как и Великороссия, часто вынуждена была заигрывать с казачеством: она его превращала в орудие борьбы с Крымом, Турцией и Московским государством.

К концу XVI в. Запорожье стало наполняться беглыми также из Московского государства. Украинско-великорусские беглые стали угрожать феодальным общественным порядкам обоих государств. Польша поспешила воспользоваться революционным движением в Московском государстве для того, чтобы перебросить туда такое горючее вещество, как казацкие массы. Запорожское казачество, вместе с донским, готово было поддержать революционное движение великорусских крестьян. Вмешательством в русские дела Польша хотела отбросить от своих границ революционную массу и одновременно разгромить Московское государство.

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Кроме запорожцев в крестьянских движениях конца XVI в. принимали участие и донские казаки.

Донские казаки также составлялись из беглого крестьянства из Замосковного края и из Украины, из мелкой городской буржуазии, из стрельцов, мобилизованных для службы на границе государства, из ссыльных за участие в городских движениях, из бурлаков и гребцов, сопровождавших струги с хлебом на Дон. Казачий круг на Дону, — как и в Запорожье, — управлялся на демократических началах: всеобщим голосованием он выбирал атаманов, решал хозяйственные и военные дела и т. д. Московское правительство понимало, что оно должно во-время ликвидировать демократический строй беглого крестьянства.

До середины XVII в. правительство пыталось жить в мире с донским казачеством. Но когда со второй половины этого века

на Дон стекаются большие массы беглых крестьян, он начинает беспокоить Москву. Дон не желал выдавать беглых, помещики же нажимали на правительство, требуя возврата убежавших от них крестьян. Тогда, не дожидаясь санкции правительства, помещики самостоятельно организовали отряды для поимки беглых.

В 50—60-х гг. XVII в. значительно ухудшилось положение крестьянства метрополии. Частые продолжительные войны, неимоверно возросший налоговой гнет, катастрофическое обесценение медных денег, убыль городского населения, окончательное закрепощение крестьян и т. п. процессы усилили бегство крестьян на юг, в частности на Дон. Туда стекалось также население из Украины, где восстание крестьянства и мелкой городской буржуазии под руководством Хмельницкого потерпело поражение. Прилив населения обострил продовольственный кризис на Дону. Учитывая это, Московское правительство стало высылать казакам жалованье с большими перебоями и в уменьшенном размере. Кроме того, время от времени южным окраинным городам запрещалось торговать с казаками. Это делалось с целью «нажать» на казачество.

Казацкая масса на Дону не была однородной. В городах верховьев Дона жило преимущественно беглое казачество. На юге Дона («на низу») жило «старое, домовитое», т. е. зажиточное казачество, торговцы и ростовщики. Казаки вели обширную торговлю с Крымом, Турцией, Москвой, Украиной, Поволжьем, Кавказом и т. д. В 1615 г. казакам дана была свобода торговли за то, что «они служат великому государю, разъезжают по шляхам, стерегут перевозы, отбивают и проводят в украинные города русских пленных, провожают и встречают российских посланников в Турцию». Основные торговые операции были сосредоточены в руках низового казачества, т. е. казачества южной части Дона, центром которого был город Черкасск. Со второй половины XVII в. низовое казачество стало переходить к оседлой жизни, снаряжать на военно-торговые операции верховых казаков, расположенных у верховьев Дона. Последние, рискуя жизнью, должны были отдавать ростовщикам «низа» львиную долю торговой прибыли, и это, естественно, приводило к конфликтам. Зависимость казака от растовщика выражена в следующей песне:

Как растужится, как расплачется добрый молодец:
Голова ль ты моя, головушка, несчастливая, —
К бою-то, ко батальице ты наипервая,
На паю-то, на дуване ты последняя!

Низовое казачество стало даже переходить к сельскохозяйственной колонизации под покровом монастырей. Пользуясь рабо-

чей силой беглых, «домовитое», т. е. богатое казачество стало применять труд рабов, пленных и беглых крестьян.

По мере того как увеличивалось богатство и сила «низового» казачества, росли и его связи с Москвой. Московское правительство выдавало «низовым» казакам подарки, специальные вознаграждения и т. д. Союз казака-ростовщика, нарождающегося помещика с помещиком метрополии был направлен против «верхового» казачества, которое большей частью состояло из беглых крестьян. «Низовое» казачество пыталось удерживать казачество верховьев Дона от похода на окраинные города Московского государства и направляло все усилия на захват Азова — выхода в Черное море. Азов был захвачен казаками в 1637—1642 гг., но не удержан. Земский Собор 1642 г. обсудил вопрос, воевать ли за Азов с Турцией. Первым высказалось за войну духовенство. Крупная бюрократия («стольники и ближние дворяне») присоединилась к духовенству, но предложила послать на войну только добровольцев. Стрельцы выразили готовность воевать, но указали, что «их бедность ведома царю». Жители Нижнего-Новгорода и Мурома согласились выступить, если военные расходы покроет духовенство. Дворяне южных городов, соглашаясь воевать, указали, что они «от турских и крымских басурманов разорены московской волокитой от неправд и неправедных судов». Купечество указало, что оно обеднело от сильных поборов. Тяглые «людишки», жалуясь на разорение, указывали, что они из слобод разбрелись розно и дворишки свои мечут...» В конце концов московское правительство отказалось воевать не только из-за экономического кризиса, но и из-за боязни, что захваченный Азов станет плацдармом для объединения донцов с запорожцами.

После потери Азова ухудшилось экономическое и политическое положение Дона. Опасаясь союза с донцами, правительство предложило донским казакам не предоставлять политических прав запорожцам, приезжающим на Дон. Действительно, запорожцы не пользовались правом голоса на казачьих собраниях Дона; но это не помешало выступить запорожцам и донцам для совместных действий в «смуте» и в «разинщине».

Постоянные связи Москвы с Доном, снабжение его хлебом и оружием, ложились тяжелым бременем на пограничные южные города и деревни, которые жаловались и протестовали против тяжелых поборов и налогов, связанных с доставлением подвод, постройкой стругов и т. п. повинностью. «Пожалуй нас бедных,— писали служилые ряда городов, — и до конца разоренных, за наши службишки, не вели на нас того четверикового хлеба править и на правеже бить, чтобы нам, стоя на правеже в том чет-

вериковом хлебе и досталь в конец не погинуть и розно бы не разбрестись и голодной смертью, волочась меж двор, не помереть». Сотни служилых людей, не выдержавших налоговых тягот, убегали на Дон и готовили вооруженный отпор. Охрана южных окраин находилась в ненадежных руках. Крестьяне и городские торговцы отрывались от своей мирной работы и милитаризовались, т. е. превращались в стрельцов, которые вынуждены были нести изнурительную службу.

Казаки верховьев Дона, активно участвовавшие в крестьянских движениях конца XVI в., стали застрельщиками того революционного движения в XVII в., которое известно под именем разинщины.

Для понимания роли казачества надо еще раз отметить, что казачество — это беглое крестьянство; но все же нельзя не видеть разницу между крепостным крестьянством и казачеством. Значительные группы зажиточного казачества в колониях имели возможность превратиться в мелких и средних помещиков, в то время как крестьянство беспощадно экспроприировалось. Это обстоятельство необходимо учесть для того, чтобы понять характер как совместных действий казаков и крестьян, так и конфликтов между ними во всех крупных крестьянско-казацких движениях.

ПОЛОЖЕНИЕ МЕЛКОЙ ГОРОДСКОЙ БУРЖУАЗИИ В КОНЦЕ XVI в.

Крупные торговые города в конце XVI в. были расположены к северу и востоку от Москвы. Через северные города (Архангельск, Вологду, Великий Устюг, Ярославль и т. д.) велась торговля с Западной Европой; через города, расположенные к востоку от Москвы (Нижний-Новгород, Казань и Астрахань) зарождалась торговля с Востоком.

Крупная внутренняя и внешняя торговля находилась в руках царского дома и крупных феодалов. Царь, бояре и крупное купечество были крупнейшими монополистами. Крупные «гости» (купцы) были, большею частью, приказчиками или представителями дворцового, т. е. царского, хозяйства. Царское дворцовое хозяйство закупало товары по минимальной цене, часто выкачивало их при помощи налогового пресса и экспроприации. Иностранный посол Флетчер в конце XVI в. писал: «Простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян и разных властей, особенно в богатых городах, что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины, совершенно пустые; народ весь разбежался по другим местам

от дурного с ним обращения и насилий». Далее, рассказывая о том, как «зажиточные находятся в опасности не только лишиться имущества, но и самой жизни», Флетчер приходит к следующему выводу: «Вот почему народ, хотя вообще способный переносить всякие труды, предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания».

Население северных городов находилось в лучшем положении: эти города были богаче. Большое значение имело для городов то обстоятельство, что на севере почти не было крепостных крестьян. Черные крестьяне, не имея по соседству помещиков, жили свободнее.

Города, расположенные по южной границе Московского государства, находились в другом положении. Они состояли большей частью из населения, которое милитаризировалось, насильственно прикреплялось для несения военной службы и т. д. Города юга уже были переполнены беглыми крестьянами и казаками которые причиняли не мало беспокойства польской шляхте и русским помещикам. Этим объясняется тот факт, что в то время как города юга стали во главе революционного движения, жители городов севера шли, большей частью, вместе с контрреволюцией.

Население городов центра и севера страны было значительно диференцировано: на одном полюсе была крупная торговая буржуазия, на другом — наемные и крепостные рабочие, голытьба и ремесленники. Это классовое расслоение надо учесть при изучении хода революционной борьбы в городах.

НАРОДЫ КОЛОНИЙ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ КОНЦА XVI в.

К концу XVI в. Россия становится государством, владеющим огромными колониями. Во второй половине XVI в. окончательно подчиняются России Казанское, Астраханское и Сибирское царства. Территория мари, чувашей, вотяков, мордвы перерезывается военными поселениями и городками-крепостями, с которыми националы ведут ожесточенную борьбу. Со второй половины XVII в. колонизаторы направляют главный удар против Дона, Украины и Слободской Украины. К концу этого века почти непрерывная линия укреплений простиралась от Волги по верховьям рек Суры, Хопра и Вороны к устьям рек Битюга и Оскола, т. е. все национальные районы были окружены крепостями и сторожевыми пунктами. В XVIII в. Россия уже захватывает всю Украину, Крым, часть Кубани, Латвию и Эстонию, часть Польши, Бе-

лоруссию и Литву, всю Сибирь, часть Средней Азии, Аляску в Америке и т. д.

Колонии играли большую роль в экономике страны. В XVII в. сибирская пушнина, казанская юфть, поташ из владений чуваш и мордвы, полотно занимали большое место в вывозе за границу. Пушнина и поташ были своего рода золотой валютой, золотым фондом в торговых сношениях с иностранцами. В XVII и XVIII вв. из колоний вывозят хлеб, железо, парусное полотно, корабельный лес и т. д.

Московский центральный район становится промышленным. Разгромом промышленных центров колоний царское правительство превращает «окраины» в потребителей товаров метрополии.

В течение всего XVI в. велась борьба с татарами и другими народами Поволжья. В 1551 г. Московским государством окупируются водные пути по Волге, Вятке и Каме; окупация парализует всю жизнь Казанского ханства. Одновременно завоевываются горные черемисы-мари. В 1554 г. в Казани учреждается епархия и начинается насильственное обращение националов в православие.

К 1557 г. из 30—40 тысяч татар в Казани осталось не больше 6 тысяч; общее количество населения Казанского ханства уменьшилось более чем на половину. Часть ханских и помещичьих земель была передана государству, часть — церкви и наместнику края; оставшимися землями были наделены участники похода и татары, перешедшие на сторону России. В 1565—67 гг. уже были составлены писцовые книги на бывшие ханские земли; на основе данных этих книг можно установить, что русские помещики и церковь получили 1½ млн. десятин земли, что составляет 25 процентов территории, населенной татарами и другими национальностями.

Экспроприация татарского населения продолжалась тем же темпом: в 1593 г. были выселены из города Казани татары и разрушены все мечети. «Святители», захватывавшие землю «инородцев», были крупнейшими феодалами. Первый Казанский архиепископ Гурий[1] получил, кроме очень большого жалованья — 1 000 десятин земли, десятки мест для ловли рыб, слобод, сел, деревень «со всеми угодьи, с лесы и с луги и с озеры и с бортными ухожеи и с бобровыми гоны».

---

[1] Кстати надо напомнить, что именем Гурия было названо Казанское миссионерское общество, наиболее агрессивное из всех миссионерских обществ России. Оно пользовалось большой поддержкой председателя Совета министров П. А. Столыпина (1906—1911 гг.).

Но Гурий далеко не был исключением. Монастыри устраивались вблизи городов и окружались стенами и бойницами. Правительство смотрело на них как на стратегические пункты.

К концу XVI в. татары и прочие народы Поволжья были окончательно завоеваны Московским государством. «Бог не писарь, чтоб его бояться», говорили чебоксарские чуваши. Эта поговорка достаточно характеризует режим, установленный в колониях.

В истории колониальной политики царизма завоевание Казани в XVI в. занимает не меньшее место, чем балканская и дарданелльская проблемы в XIX и XX вв. Уже в XVI в. создается большая литература о «миссии» России на востоке и устанавливается культ иконы Казанской божьей матери.

«Казанский летописец» до 1917 г. служил для дворянско-буржуазных историков образцом, как следует писать историю народов. Автор летописца рассказывает о «торжестве христианства» и водворении его среди татар. Летописец проводит великодержавную точку зрения: русская земля была от начала Римской империи и поглотила варваров — болгар, черемис, татар и т. д. Разгром татар он оценивает как «дело самого бога, даровавшего русскому самодержавцу всемирную победу и славное одоление на презлое царство Сарацинское». Эта точка зрения вошла в «железный инвентарь» буржуазной историографии.

Почти одновременно с завоеванием Казани военные посты Московского государства все глубже и глубже врезываются в Сибирь. Завоевание Сибири надо поставить в связь не только с разгромом Казанских и Астраханских татарских ханств, но и в связь с новыми географическими открытиями европейцев и борьбой западно-европейских государств из-за открытых колоний.

Система колониальной политики России почти не менялась в течение трехсот лет. Д. Флетчер следующим образом описывает методы и приемы колониальной политики правительства: «О правлении русского царя, где бы то ни было,— в странах ли наследственных или завоеванных,—можно сказать следующее. Во-первых—у народа отнимают оружие и другие средства к защите и не позволяют никому иметь их, кроме бояр. Во-вторых—беспрепятственно отнимают у него деньги, товары и в течение нескольких лет не оставляют ничего, кроме тела и жизни. В-третьих—царь раздает и разделяет свои владения на многие мелкие части, учреждая в них отдельные управления, так что нет ни у кого довольно владений для того, чтобы усилиться, хотя бы даже имели другие средства. В-четвертых—области управляются людьми незначущими, не имеющими сами по себе силы и совершенно чуждыми

жителям тех мест, коими заведуют. В-пятых — царь сменяет обыкновенно своих правителей один раз в год, дабы они не могли слишком сблизиться с народом или войти в сношения с неприятелем, если заведуют пограничными областями. В-шестых — в одно и то же место он назначает правителей, неприязненных друг другу, дабы один был якобы контролем над другим, как-то: князей и дьяков, отчего вследствие их взаимной зависти и соперничества здесь менее повода опасаться тесных между ними сношений».

Одновременно с разгромом татарского землевладения создавались мурзы из среды татар, перешедших на сторону России; к началу XVII века они имели в Казанском уезде ряд поместий с крепостными. Верхушка татар-помещиков получила дворянское звание и была причислена к «российскому благородному сословию». Эта политика дала свои результаты: правительство на своей стороне имело часть татар-помещиков, помогавших усмирять национальные движения.

Итак, крепостническая и колониальная политика царизма объединила крестьян, казаков и мелкую городскую буржуазию в борьбе с феодалами-крепостниками.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА XVI И НАЧАЛА XVII вв.

ПРАВИТЕЛЬСТВО БОРИСА ГОДУНОВА (1598—1605 гг.)

15 мая 1591 г. в Угличе был убит царевич Димитрий, сын Ивана Грозного. До смерти Димитрия власть перешла к Борису Годунову; Федор Иванович (1584—1598 гг.), больной и слабоумный, был неработоспособен.

Борис Годунов, крупнейший землевладелец, был в состоянии в 40 дней вывести на свой счет 100 000 солдат. По данным дипломатических донесений Сигизмунда, короля Польши, Годунов имел ежегодный доход в 93 100 руб. (по курсу рубля XVI в.).

Годунов, как и Грозный, проводил политику в интересах мелкого дворянства. Указами 1601 и 1602 гг. он разрешил только мелким помещикам вывозить крестьян от одного владельца к другому. Этот указ не был в интересах крупного провинциального боярства и монастырей: они лишались возможности переманивать крестьян, в то время как бояре Московского уезда этой возможности не лишались. Годунов, повидимому, опасался сразу порвать с боярством всей страны. Есть основание думать, что еще до издания этих указов Годунов успел перевести в свое хозяйство достаточное количество крестьян.

Правительство Годунова пыталось привлечь на свою сторону и торговую буржуазию. Это выразилось в энергичной колонизации ряда торговых пунктов, в основании Архангельска, привлечении иностранных купцов, стремлении расширить торговые связи с Англией и т. д. Колониальная и внешняя политика Годунова протекала успешно; он закрепил за Россией территорию черемис-мари и удачно воевал со Швецией; по миру 1595 г. Россия получила Карелию.

Правительство Федора и Годунова подчинило церковь государству. В 1589 г. оно учредило должность патриарха, т. е. поставило правительственного чиновника во главе церкви; до сего времени православная церковь находилась в зависимости от церкви Византии. Духовенство было недовольно тем, что Борис ограничил права церкви на землевладение. В 1593—94 гг. правительство пересмотрело право монастырей на землю, и в результате многие монастырские вотчины были секуляризованы. Старое боярство преследовалось, ссылалось, лишалось имущества и т. д. Позднейшие указы царя Василия Шуйского обвиняли Годунова в антибоярской политике. Шуйский — по словам историка Татищева — писал: «Царь Федор Иванович по наговору Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал».

Ухаживая за мелким дворянством и купечеством, Борис ухудшал положение крестьян. Законодательство 1601 г. в несколько раз повысило размер уплачиваемых монастырскими крестьянами столовых запасов и на 39 процентов увеличило хлебный налог. Возмущение крестьян было вызвано не только частичными ухудшениями, а полным закрепощением, которое фактически осуществлялось. Указ 1597 г. установил пятилетнюю давность для исков «выбежавших крестьян», а помещики получили право искать крестьян, бывших в бегах более 5 лет, если дела о них были начаты в судах; в том же году была установлена обязательная регистрация помещиками своих крепостных в государственных учреждениях («в приказе холопьего суда» и т. д.). После того же указа 1597 г. кабальные люди не становятся свободными даже при уплате долга. Все эти мероприятия значительно ухудшили положение крестьян и казаков. Однажды, в 1626 г. московское правительство напомнило казакам об их неволе при царе Борисе, когда им «не вольно было не токмо к Москве приехать в окраинные города к родимцам своим приттить». Годунов затруднил крестьянский выход уже тем, что он принял за правило, особенно после введения писцовых книг (1592-1593 г.), считать старожильцами, лишенными права перехода, всех тех крестьян, которые были зарегистрированы на тяглых участках.

Разрыв между Борисом и дворянством начался во время голода 1601-1604 гг., когда помещики, не имея возможности прокормить своих крепостных, прогоняли их с отпускными и без отпускных, в надежде после голода снова вернуть их на свои земли. Изгнанные крепостные и полусвободные уходили на окраины государства с той целью, чтобы, конечно, больше не воз-

вращаться. В 1603 г. Годунов издал указ, обязавший помещиков, отпускавших крестьян, давать отпущенным отпускные; крестьяне, не получившие отпускных, получали право требовать их от «холопьего приказа» — учреждения по крестьянским делам. Этим указом Годунов обострил свои отношения и с мелким дворянством и не улучшил положения крестьян, на которых усилилась охота со стороны землевладельцев.

Крестьяне и казаки ответили восстанием. Сначала поднялись те группы населения, которым легче было подняться, т. е. запорожские и донские казаки.

Восстание казаков и крестьянства возглавлялось лицом, которое выдавало себя за убитого царевича Димитрия, подлинного сына Ивана Грозного. До сих пор совершенно не установлено, кто скрывался за этим лицом. Антимарксистская историография утверждала, что Димитрий — беглый монах, выдвинутый Польшей с целью разгромить Московское государство. Эта версия особенно поддерживалась в 30—60-х гг. XIX в., когда поляки боролись с Россией за национальное освобождение. В действительности, дело обстояло так: неизвестный, так называемый Димитрий, был выдвинут казацко-крестьянской массой; Польша же поспешила превратить названного Димитрия в орудие против Московского государства.

Весьма удачно проходило движение запорожских казаков и крестьян под руководством Димитрия. Войско Годунова терпело поражения или отступало без боя; под Новгородом-Северским 15-тысячная армия Димитрия разбила 50-тысячное войско Годунова, и хотя при Добрыничах Димитрий потерпел поражение, подоспевшая помощь от казаков дала, однако, ему перевес, и 20 июня 1605 г. казацко-крестьянские армии вступили в Москву.

Кто был движущей силой восстания? Кто помог Димитрию захватить Москву? Очевидец — иностранец Томас Смит — говорит только о роли «простого народа» и «черни». Он пишет: «Столь варварская жестокость, столь зверские поступки и бесчеловечные зрелища, как вообще все то, что было совершено в это время простым народом, конечно, не могли бы быть совершены никем иначе, как при содействии самого сатаны: они налагали свои насильнические руки на все, что им ни попадалось... Весь город был объят бунтом, и дома, погреба и канцелярии думных бояр были преданы разгрому; все, что им ни попадалось, они грабили, уничтожали и крали... Московская чернь, без сомнения, сделала все возможное, чтобы этоть день ни в чем не уступал парижской Варфоломеевской ночи, — настолько дья-

вольски яростны были ее внезапные решения. От разгрома уцелели дома только немногих, как, например, иностранных врачей и купцов с их близкими. Увы! Многие были доведены тогда до полной нищеты, так как их обнажали до-гола, и можно было видеть в то время целые толпы людей, которые, подобно Адаму при изгнании из рая, прикрывали свою наготу листвою, от стыда не только за свое бедственное состояние, но и за свои нечеловеческие мучения. В то время как родители упрашивали, дети плакали, женщины вопили, а более зажиточные подвергались истязаниям, жалкая голь и нищета господствовала. Чернь воображала себя на седьмом небе, воспользовавшись в волю тем, чего она была лишена целые годы».

Но чего же добилась и что получила «жалкая голь и нищета»?

ПРАВИТЕЛЬСТВО НАЗВАННОГО ДИМИТРИЯ (20 ИЮНЯ 1605—17 МАЯ 1606 гг.)

В июне 1605 г. правительство Первого Димитрия изложило свою программу: оно обещало боярству повышение по службе и возвращение прежних владений, дворянству и бюрократии — «царскую милость», гостям и купечеству — облегчение в пошлинах и налогах. О крестьянах и казаках в правительственной декларации ничего не говорилось. Только в январе 1606 г., т. е. через семь месяцев, правительство вспомнило о крестьянах: 7 января этого года был издан указ, который стеснял обращение крестьян в кабальные холопы. При Годунове, продавший себя крестьянин отдавался не только одному хозяину, но и его детям, и таким образом все потомство кабального осуждалось на закрепощение. Димитрий запретил такого рода кабалы: крестьянин мог отдать в холопство только себя. Указ 1 февраля 1606 г. лишал права помещиков требовать возвращения крестьян, если они не сумели в голодные годы их прокормить, — истцу отказать на том основании, что если не умел своего крестьянина кормить, то потерял на него право. Помещики сохраняли право на крестьян лишь в том случае, если могли доказать, что крестьянин у них не голодал. Наконец, Димитрий подтвердил, что беглого крестьянина разрешается искать не больше пяти лет.

Кроме того, правительство провело ряд мер в интересах мелких помещиков: так, помещики юга стали получать в центре

поместные земли и жалованье. Оклады служилых людей были удвоены. Враждебные Димитрию историки об этих раздачах рассказывают с большим озлоблением. «При сего царствии мерзостного растриги от многих лет собранные многочисленные царские сокровища истощились». В интересах южных же мелких помещиков он готовился к войне с Крымом.

ДИМИТРИЙ

(С портрета Луки Калиста)

Крестьяне были разочарованы половинчатой политикой Димитрия, духовенство возмущено конфискацией части монастырских имуществ. Городское купечество также жаждало свергнуть Димитрия, так как поляки, прибывшие с ним в Москву, могли бы оказаться опасными конкурентами.

Совершенно неверно считать названного Димитрия крестьянским царем. Правительство Димитрия пыталось не ухудшить положение крестьян, но оно совершенно не заботилось об облегчении их участи и даже не ставило вопроса об их освобождении. Димитрий отстаивал интересы мелких помещиков юга; его правительство в конце концов стало орудием польского правительства и оно не могло удержаться.

После небольших усилий Димитрий был свергнут, власть была захвачена боярством и крупным купечеством в лице боярина Василия Ивановича Шуйского.

ПРАВИТЕЛЬСТВО В. И. ШУЙСКОГО (1606—1610 гг.).

Правительство В. И. Шуйского в своей декларации обвинило Димитрия во многих преступлениях. Этот обвинительный акт проливает свет на классовую природу правительства Шуйского. Димитрий обвинялся в том, что он хотел уничтожить бояр, дворян и купечество. Уже первые декреты нового правительства окончательно убедили крестьян и казаков в том, что они имеют дело с царем бояр и крупного купечества. В. И. Шуйский дал обещание «всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати», т. е. он обязался не судить бояр без санкции Боярской Думы и ограждать имущественные интересы боярства и крупного купечества. Со времени опричнины боярство, наконец, получило возможность свободно вздохнуть.

В исторической литературе подробно обсуждался вопрос, была ли ограничена власть боярского царя. Когда Шуйский был провозглашен царем, то он заявил, что он ничего не будет делать «без общего совета», т. е. без Земского Собора. Таким заявлением он игнорировал Боярскую Думу. В этом конфликте бояре оказались сильнее: в официальной декларации, — как уже было отмечено, — он обещал действовать «с бояры своими». Современники замечали, что бояре в Москве имели больше власти, нежели царь. Боярское правительство немедленно распорядилось вернуть помещикам тех крестьян, которые убежали в 1602 и 1603 гг., а также увеличило срок сыска беглых с 5 до 15 лет. Боярская Дума в 1607 г. восстановила закон 1597 г., по которому прослуживший в холопстве полгода обязательно должен был дать на себя кабалу.

В. И. Шуйский, однако, боялся дойти до конца. Если в вопросах о закрепощенных крестьянах он занимал твердую позицию, то он проявил большие колебания в вопросах о кабальных, т. е. о задолжавшихся крестьянах. Помещики требовали превращения кабальных в полных крепостных, но правительство колебалось. Указ, изданный в мае 1609 г. восстановил пятилетний срок для обращения добровольного слуги в холопа, в сентябре же 1609 г. был опять восстановлен полугодичный срок для этого. Этот указ, ухудшавший положение крестьян, кажется, связан с победами объединенной армии Скопин-Шуйского и шведов и полным развалом в Тушинском лагере. В конце концов указы Шуйского ликвидировали свободу крестьянского перехода. Свою антикрестьянскую деятельность правительство мотивировало следующим образом: «от перехода крестьян причинились великие крамолы, ябеды и насилия».

Монастыри при Шуйском вновь стали увеличивать свои владения и расширять свои привилегии. Церковь поспешила отблагодарить Шуйского: в феврале 1607 г. патриарх «разрешил народ от клятвы, наложенной им за нарушение крестного целования (присяги) Борису Годунову». Торговая буржуазия получила льготы «во всяких податях», право беспошлинной торговли, пермскому купечеству было разрешено спекулировать хлебом в Сибири («продавати хлеб, как цена подымет»).

Желая разложить революционную армию, правительство в 1608 г. объявило свободу от холопства тем крестьянам, которые покинут лагерь «самозванца». Оно даже обещало признать свободными тех крестьян, которые получили свободу во время Димитрия Первого. Крестьянство не поддалось обещаниям и стойко дралось: оно не придавало значения обещаниям бояр.

Агитационный аппарат Шуйского работал энергично. В мрачных красках описывалась деятельность свергнутого Димитрия, якобы желавшего обратить всех православных в католичество.

Одновременно появился монах Варлаам, который показал, что сам Димитрий ему сознался в своем самозванстве. Василий Шуйский при жизни Годунова клялся в том, что царевич Димитрий зарезался сам, затем—что он спасся, и наконец—что его зарезал Борис Годунов. Став царем, Шуйский спешил убедить народ в самозванстве своего предшественника и в неосновательности новых толков. Для этого он послал в Углич за прахом Димитрия. Современники рассказывают, что Шуйский велел для этого убить мальчика, положить его в гроб и привезти в Москву; здоровые люди, подкупленные Шуйским, притворяясь хромыми и слепыми, ковыляли и приползали к телу Димитрия с мольбой послать им исцеление — и, о чудо! — «безногие» вдруг пошли, «слепые» — прозрели. Для того чтобы обосновать свое право на престол, Шуйский в своих манифестах указывал на свое происхождение от Рюрика и называл московский престол «отчиной прародителей наших».

В. И. Шуйский выражал интересы крупного родовитого боярства и купечества. Его среда недоброжелательно относилась к незнатному боярству: она отвела кандидатуру Филарета Романова на должность патриарха.

Мелкое и среднее дворянство, отстраненное от власти, не могло помириться с господством крупного боярства и купечества и продолжало бороться, но больше всего бярскому правительству угрожали казацко-крестьянские восстания.

КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКИЕ ВОССТАНИЯ

Во имя чего боролось крестьянство? К сожалению, до нас не дошла крестьянская литература того времени. Мы имеем косвенные данные о той цели, к которой стремилось крестьянство. Ереси XVI в. требуют освобождения крестьян, Ермолай Еразм, писатель эпохи опричнины, в своей работе «Правительница и землемерие» защищает интересы крестьян. Он указывает, что вельможи питаются не от своих трудов, в то время как ратаи находятся в печальном положении («в волнениях скорбных»). Автор признает, что вельможи нужны государству, но подчеркивает, что они нужны не в такой мере, как крестьяне, за счет которых живет боярство. В общем, по верному замечанию В. Ржиги («Летопись занятий Археографической комиссии, XXXIII), Еразм выступает с «народнической» концепцией. Еще резче против закрепощения крестьян высказывается Пересветов, который считает, что крепостной крестьянин — помеха на пути развития производительных сил. Если Ермолай Еразм, Пересветов и пр. публицисты апеллировали к «мудрости монарха», то крестьянство энергично боролось с оружием в руках. Оно поднялось во имя ликвидации феодальных отношений. Крестьянство центра страны боролось против феодала, который уже подчинил себе крестьян, превратившихся в крепостных. Крестьянство и беднейшее казачество юга боролись против помещиков, которые пытались превратить их в крепостных.

Движение крестьян и казаков возглавлялось Иваном Болотниковым и Петром («Илейкой»). Первый возглавлял преимущественно крестьянские отряды, второй — казацкие.

Иван Болотников в юности был взят в плен и продан туркам. В Турции он работал в оковах на галерах, бежал из плена и через Венецию пробрался в Россию.

Петр, Петрушка, Илейка—одно и то же лицо, названное царевичем Петром,—был незаконнорожденным сыном муромского торговца. Свое детство он провел в монастыре, затем был приказчиком в Нижнем-Новгороде, где продавал «яблоки с горшками». Из Нижнего он пошел вниз по Волге в качестве кормового казака, торговал кожами и сапогами на татарском базаре в Астрахани, где казачество выдвинуло его из своей среды, предложив ему называться царевичем Петром.

Крестьянство Украины и Тульского района присоединилось к Болотникову. Особенно важно было для повстанцев присоединение к ним города Ельца, где находились большие военные запасы. Петр же с казаками двигался с Волги на Дон, а к нему присоединились запорожские казаки, и с 10-тысячной армией он

двинулся в Тулу, оттуда послал часть армии на помощь Болотникову.

В октябре 1607 г. Болотников укрепился в селе Коломенском в семи верстах от Москвы. Осада Москвы продвигалась успешно, но в самую решительную минуту в лагере Болотникова началось расслоение. На пути к столице к Болотникову присоединились средние и мелкие помещики под руководством Ляпунова и Пашкова. Между союзниками начался конфликт, который был неизбежен.

Боярские «холопы», по данным Шуйского, разоряли церкви, издевались над иконами и хуже всего — призывали к истреблению боярства, дворянства и крупного купечества. Митрополит города Ростова сообщает о «восставшем мусоре, желающем проглотить пшениценосные класы». Автор «Нового летописца» — сторонник бояр, — писал в 1607 г.: «мы от своих рабов и крестьян поругаемы и убиваемы. Собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же украинские люди, стрельцы и казаки, и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам; бояр же своих домы разоряху и животы грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху».

Между тем совсем недавно (в 1932 г.) издательство Общества политкаторжан выпустило брошюру В. Н. Нечаева «Болотников», в которой (стр. 42-43) по-кадетски трактуется поведение Болотникова. Автор подчеркивает, что в программе Болотникова «не выпирали так на первый план погромные призывы, как это сделано в пересказе врагов Болотникова». Дальше Нечаев пишет: современники-иностранцы, писавшие об этом времени, далекие от каких-либо крайних воззрений, «не говорят решительно ничего по-своему дурного о Болотникове». Разве соответствует исторической действительности такое кадетское прикрашивание Болотникова?

Болотников из села Коломенского распространял по Москве прокламации, которые призывали к беспощадной расправе с боярами и дворянами. Крестьянско-казацкие войска боролись за ликвидацию боярско-помещичьего землевладения и феодально-крепостнических общественных отношений. Такая программа и тактика Болотникова отбросила армию средних и мелких помещиков (Ляпунова и Пашкова) в лагерь Шуйского: 15 ноября 1606 г. дворяне и дети боярские «поехали прочь от злых грабителей и осквернителей» к Василию Шуйскому. Крестьянская армия, по данным польских источников, овладела бы Москвой (они уже зажгли ее деревянную крепость), если бы не измена союзников. Это предательство дало возможность Шуйскому разбить Болотникова в Коломне и Туле. Болотников отступил к Калуге, кото-

рую обвел тыном с двойным рвом и выдержал осаду с 30 декабря 1606 г. по 3 мая 1607 г., когда он—вместе с армией Петра (Илейки)—вновь выступил из Калуги и добрался до Тулы. Правительство Шуйского мобилизовало 100-тысячную армию против Болотникова и Петра.

Осажденная в Туле крестьянско-казацкая армия дралась долго и упорно, но, наконец, была разгромлена и ее вожди казнены. Правительство В. И. Шуйского жестоко расправлялось с пленными революционной армии. Очевидец событий, голландец Масса рассказывает, что «каждую ночь в Москве пленных водили сотнями, как ягнят, на убой, ставили рядом и убивали, как быков, ударяя дубиною по голове, а тела спускали под лед в реку Яузу». «Новый летописец» отмечает, что восставшие живыми в плен не сдавались: «воры многие на зелейных (пороховых) бочках сами садяху и под собой бочки с зельем зажгоша и злою смертью помроша». Особенно свирепствовали отряды Ляпунова и Пашкова, выражавшие интересы мелких и средних помещиков, которые недавно были в союзе с Болотниковым. Армии помещиков перед крупным боярством искупляли свою вину кровью крестьянских масс. Вождь мелких помещиков Прокопий Ляпунов за «усердие» был назначен членом Государевой Думы («думным дьяком») и воеводой в Рязань.

Во время осады Тулы летом 1607 г. на юге покатилась новая казацко-крестьянская армия во главе с новым, вторым Димитрием. Димитрий действовал с отрядами Ивана Заруцкого, который по поручению Болотникова направился из осажденной Тулы мобилизовать новые силы для помощи осажденным. Армии Димитрия и Заруцкого удалось стать в с. Тушине (июнь 1608—декабрь 1609 г.) в 12 вер. от Москвы, но повстанцам не удалось полностью блокировать столицу: сообщение Москвы с Рязанской областью осталось в руках Шуйского.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ В СЕЛЕ ТУШИНЕ

Димитрий II укрепился в селе Тушине под Москвой, и боярское правительство окрестило сторонников Димитрия презрительным прозвищем «тушинские воры». Тушинский лагерь, державшийся больше 1½ лет, с первых дней был обречен на разложение. Вокруг «нового» Димитрия группировались польская армия, казаки, крестьяне и мелкие помещики; кроме того, в большом количестве к нему стали переходить средние помещики и, наконец, неродовитые бояре Москвы, которые враждебно относились к правительству родовитого боярина Шуйского. Последние шли

«ТУШИНСКИЙ ВОР»

в Тушино потому, что они не могли играть политической роли при правительстве крупных бояр; недаром, вождь мелких помещиков Ляпунов, изменивший Болотникову, принимал активное участие в свержении Шуйского. Глубокие классовые противоречия между группами в Тушине вызвали острые столкновения. Прежде всего, обнаружились разногласия между казацко-крестьянским и польско-дворянским лагерями. Казацко-крестьянские массы громили помещиков; помещики и бояре пытались договориться с поляками за спиной крестьян и казаков; несколько тысяч казаков организовывало восстание с той целью, чтобы пробраться к Болотникову в Калугу, но они были усмирены поляками.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГОРОДАХ

Правительство Шуйского поддерживалось купечеством и кулачеством северных городов, игравших большую роль в торговых операциях России с Западной Европой в XVI в. Летом 1609 г. торговая буржуазия Вологды, Перми, Ярославля, Великого Устюга и других городов взяла на себя инициативу в борьбе с крестьянско-казацким движением. Шуйский предложил купечеству Вологды организовать центр обороны в Ярославле.

Северные города,—в особенности Пермь,— помогали Шуйскому займами и пушниной, давали «волею своею для покою и избавы крестьянские» средства из организованного кулачеством займа, что дало Шуйскому возможность уплатить жалованье наемной армии. Крупный землевладелец и торговец Строганов на свои собственные средства организовал в Приуралье отряды против восставших крестьянских масс. В Великом Устюге во главе контрреволюции становится кабацкий откупщик Михалка. Все большее число городов охватывалось революционным движением. Когда в Ярославле «чернь» перешла на сторону Тушина, то «лучшие люди, подметав домы свои, разбежались». В городах кипела гражданская война. Псковский летописец говорит: «Большие люди шли на меньших, меньшие на больших». Псковские низы объявили, что они решительно будут бороться со шведскими интервентами, которые приходят на помощь боярам. Узнав о приближении шведов, псковские низы восстали 1 сентября 1608 г. и присоединились к Димитрию II, вырезав свое боярство и богатое крестьянство и конфисковав имущество своих классовых врагов. Городские низы выделили собственное «городское самоуправление».

К зиме 1609 г. правительство Шуйского поддерживалось только Москвой, десятком провинциальных городов и крупной Троицкой лаврой, остальные же города находились в руках повстанцев.

Когда казацко-крестьянские отряды ушли из Тушина, во время вступления в Россию польского короля Сигизмунда, Димитрий II еще пользовался поддержкой ряда городов юга и юга-востока России; свою ставку он перенес в Калугу. Сильную опору он имел в Астрахани, Вятке, Казани и в других поволжских городах. Во главе казацких отрядов на юге еще крепко держался Иван Заруцкий.

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Боярско-купеческая контрреволюция обратилась за помощью к иностранцам за 300 лет до наших белогвардейцев. «Патриоты» тогда, как и в наше время, готовы были продать собственную страну, лишь бы разгромить революцию.

Мысль об иностранной интервенции возникла одновременно в лагере Шуйского и у тушинцев. Не будучи в состоянии справиться с тушинцами, правительство Шуйского обращается за помощью к Швеции, и последняя оказывает поддержку контрреволюции 12-тысячным отрядом. За эту услугу Швеции были

обещаны побережье Финского залива, Карелия и право на Ливонию.

Союз Шуйского со Швецией был для польского короля Сигизмунда поводом для того, чтобы выступить против Московского государства. Уже в XVI в. были свои Иловайские (националистически-черносотенный «историк» конца XIX в.), которые выступали с активной погромной пропагандой против поляков. Польша в свою очередь считала Московское государство не только врагом Польши, но и «врагом всех свободных народов». В XVI в. Польша свою борьбу с восточным соседом изображала как борьбу за цивилизацию. К середине XVI в. польско-литовское государство принимает активное участие в европейской торговле. Борьба Москвы из-за берегов Балтийского моря и русско-шведский союз вызвали большую тревогу в Литве и Польше. Во всех международных конфликтах XVI в. Россия выступала против Польши: так еще Годунов предлагал разделить Польшу между Россией и Бранденбургом.

При помощи Димитрия I польско-литовское государство хотело вернуть себе Смоленскую и Северскую области и затем разгромить Московское государство.

Поляки охотно поддерживали первого и второго Димитрия также и по другим соображениям. Познанский воевода Ян Остророг выразил настроение всей польской шляхты, когда заявил: «молю бога, чтобы Димитрий остался в Московском государстве, чтобы он не возвратился к нам: ушедшие с ним военные люди страшнее неприятеля». Польская шляхта хотела отвлечь казацкую массу от своих границ к Москве. Литовский маршал Дорогостойский остался в одиночестве, когда он выразил сомнение в целесообразности похода Димитрия: он заявил, что если казаки задумали произвести переворот в Московском государстве, то могут возвратиться в Польшу, где они пожелают повторить «смуту».

В ответ на выступления шведов поляки в 1609 г. осадили Смоленск. В это же время бояре и дворяне Тушинского лагеря сговаривались с боярским правительством Шуйского передать Москву в распоряжение поляков и решили просить на московский престол малолетнего сына Сигизмунда, Владислава.

Боярский публицист того времени, Авраамий Палицын отмечает, что обращение к польскому королевству было вызвано страхом бояр и дворян попасть под власть «воров»: «лучше польскому королю служить, чем от своих холопов потерпеть поражение и в вечной работе у них мучиться». Одновременно бояре и дворяне рассылали по городам воззвания с предложением перейти на сторону Польши.

Договор 4 февраля 1610 г., заключенный представителями бояр и дворян с поляками, обязывал Сигизмунда не менять форм государственного строя, решать государственные дела вместе с боярами, «великих станов людей не понижати» и восстановить власть бояр, которая существовала до Грозного. Поляки обязывались заставить крестьян служить «боярам, альбо панам» попрежнему: крестьянам запрещалось право перехода, бегство заграницу и т. п. Духовенству же была обещана неприкосновенность его имущества. В договоре с Сигизмундом были статьи, обеспечивающие сохранение тех владений, которые дворяне получили от тушинских властей, причем король Сигизмунд дал особое согласие на признание этих владений.

Московский поход Сигизмунда привел к падению правительства В. И. Шуйского и тушинцев. Димитрий II с казаками отступил на юг.

После свержения В. И. Шуйского 17 июля 1610 г. власть перешла к правительству из семи бояр («семибоярщина»), перевес в котором принадлежал феодальной знати. Это правительство номинально держало в своих руках власть; в действительности же оно было совещательным советом при польском коменданте г. Москвы. Бояре, опасаясь казаков и крестьян, — по выражению С. М. Соловьева, — крепко держались за Владислава. В июне 1611 г. после двухлетней осады пал Смоленск, и поляки остались полными хозяевами страны.

РОЛЬ НАЦИОНАЛОВ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

С приближением к Москве казацко-крестьянских отрядов разрастались восстания националов против Москвы, часто вспыхивавшие до XVI в.

Наиболее глубокий характер приняло движение в Астрахани, где с перерывами оно продолжалось до 1614 г., т. е. до поражения Заруцкого. В Арзамасском, Алатырском и Нижегородском уездах мордва поднялась вместе с крестьянством. Борьба имела упорный характер. Объединенные силы русских крестьян и националов осадили Нижний-Новгород, и повстанцы, продержавшиеся в Нижегородском крае до 1607 г., отрезали Казанский и Пермский края от сообщения с Москвой.

В 1608 и 1609 гг. в Казанском крае происходили крупные восстания националов совместно с бурлачеством и казачеством, под руководством Петрушки (Илейки), который — по выражению летописца — разливал «зверохищный яд» свой. Мордва, мари-черемисы и татары восстали в Свияжском, Чебоксарском и

Козьмадемьянском уездах. Боярину Шереметеву в конце 1609 г. удалось разгромить движение националов; по данным очевидцев, «трупы убитых лежали на протяжении целых семи верст, армия Шереметева колола повстанцев, что свиней». Одновременно движение разгорелось на севере в Вятском районе. Здесь национальное движение не удалось, потому что казаки остались верны боярскому правительству. В январе 1611 г. в Казани вспыхнула гражданская война между крестьянско-посадскими низами и боярством. Казанская торговая буржуазия выдвинула определенную политическую программу: татары и казаки, опираясь на Димитрия и персидского шаха, вели переговоры о создании особого мусульманского государства. По поводу движения националов Сигизмунд писал в марте 1611 г.: «берегитесь того, чтобы московское государство не распалось. Псковичи пытаются организовать самостоятельное государство. Имеются сведения, что татарский край мечтает сделать то же самое при помощи персидского шаха. Черемисы (мари) и сибирские инородцы следуют этому примеру».

Националы не выступали единым фронтом: национальное дворянство и крупное купечество, испугавшись действий низов, выступили вместе с армией Шуйского или с «ополчением». Они часто встречаются в качестве усмирителей революционного движения.

В связи с ростом крестьянских движений татары-феодалы и купцы переходят окончательно на сторону контрреволюции. В конце декабря 1610 г. татарский князь убивает Димитрия в Калуге.

Крестьяне-националы боролись против метрополии за независимость, но поражение крестьянско-казацких восстаний решило также участь национально-революционных движений.

ДЕЙСТВИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Дворянско-буржуазная литература не мало писала о патриотизме купечества и дворянства и в особенности духовенства. Дело изображалось так, что русская церковь пожертвовала собой ради избавления страны от поляков и казацко-крестьянских армий.

Мы уже видали, как купечество северных городов поддерживало Шуйского. После свержения Шуйского крупное купечество не прочь было сговориться с иностранцами и вновь выдвигало на русский престол кандидатуру шведского короля. На помощь крупной торговой буржуазии в борьбе с революцией выступила Троицко-Сергиевская лавра, но неверно, что она была ини-

циатором по мобилизации сил против поляков. Лавра выступила с воззванием только тогда, когда армии купечества и кулачества северных городов уже приближались к Москве. Троицкая лавра осаждалась поляками с сентября 1608 г. до конца декабря 1609 г. «Патриотизм» лавры не трудно будет понять, если получить представление о ее богатствах. Экономическое положение Троицко-Сергиевской лавры с начала XVII в. было одним из самых цветущих. Ее владения были раскинуты по всей стране — в 50 уездах и в некоторых из этих уездов до 1620 г. она имела 20 приписных монастырей, обыкновенно принадлежавших ей со своими вотчинами. Лавре принадлежали даже целые волости. Число крестьянских «душ» во всех монастырских вотчинах в начале XVII в. было не меньше 40—50 тысяч. Лавра имела до 113 тыс. десятин земли только в одном Замосковном крае, а кроме того она владела мельницами, рыбными и бобровыми ловлями, лугами, озерами, пожнями, лесами, соляными варницами и т. д. В уездных городах лавра имела 94 подворья. По свидетельству Флетчера, лавра в его время ежегодно получала с своих земель и разных доходных статей до 100 тыс. рублей, более же поздние известия иностранцев говорят, что ее доходы равнялись 33 процентам царских доходов, а если взять вместе все сокровища и имения лавры, то они могли бы равняться царским доходам. Вполне понятно, что это государство в государстве не могло не бороться с врагом. Лавра откомандировала в Москву своего постоянного представителя Авраамия Палицына. Шуйскому было выгодно пребывание в Москве келаря (завхоза) монастыря, имевшего в Москве свое подворье, дворы, склады продовольствия и т. д.; ему, в свою очередь, важно было усилить лавру, как укрепленный пункт на севере, который мог бы задержать наступление тушинцев. С своей стороны «патриотическая» лавра ничем не хотела жертвовать ради «общего дела». Во время осады столицы московские «хлебные продавцы» заключили сделку о продаже хлеба по повышенной цене не только в Москве, но и в других городах. С этой целью они скупали хлеб и стали спекулировать, боярско-купеческое же правительство, понятно, не было заинтересовано в обуздании спекулянтов. Опасаясь народных масс, правительство Шуйского просило лавру выбросить на рынок хлеб по дешевой цене, но лавра из своих колоссальных запасов уделила только 50 четвертей, т. е. по существу только каплю в море. Также и Кирилло-Белозерский монастырь не даром помогал контрреволюции. Василий Шуйский в своей «похвальной грамоте» в 1609 г. обещает святителям «великое жалованье», приказывает «нужи и разоренья», т. е. убытки, покрыть и заверяет, что он начнет монастырь жаловать и лю-

бить «во всем выше прежнего». Монастырь должен был в свою очередь агитировать, чтобы крестьяне «от правды не отступали». Монастырь не сомневался в том, что правительство ему предано: Шуйский, захватив власть, немедленно (6 июля 1606 г.) разрешил монастырю беспошлинно провозить товары «к Москве и с Москвы, и в иные городы, к морю и от моря до монастыря, по всем мытом, перевозом, весне и лете и в осени». Аналогичные права были предоставлены почти всем крупным монастырям.

Среди делегации, отправленной 27 августа 1610 г. в Смоленск к польскому королю Сигизмунду, мы видим и представителя лавры Авраамия Палицына, который был одним из активных послов. Он присягнул Сигизмунду и возвратился в Россию уже в качестве «богомольца» польского короля, причем он вернулся в свой монастырь не с пустыми руками, так как получил от польского короля жалованье, новые владения, разрешение брать в Москве на каждой ярмарке «с продавца лошади две деньги» и т. д. Между прочим, Палицын в своем «сказании» об этом умалчивает. Вот что собой представляет «святой и праведный муж Палицын», о котором так гремела дворянско-буржуазная историография.

Не лучше вел себя и митрополит Филарет — Федор Никитич Романов, отец будущего царя Михаила. Он был одним из инициаторов приглашения на московский престол Сигизмунда и служил в Тушинском лагере. Старец Гермоген, который якобы возглавил борьбу контрреволюции, был только слабовольным оружием в руках боярской клики; между тем, о мужестве Гермогена и о его подвигах церковь при помощи буржуазных историков культивировала не мало легенд.

«Ополчения», выступившие против поляков, не пользовались бы таким успехом, если бы не имели поддержки казаков. Помещики в лице Прокопия Ляпунова опять блокировались с казацкими отрядами Заруцкого. Казацкая армия за время гражданской войны ничему не научилась; она вновь и вновь блокируется со своими врагами, которые ее каждый раз предают.

В 1611 г. стотысячная армия «союзников» подступила к Москве. Борьба с поляками окончилась неудачей. Армия из своей среды выделила временное правительство в составе Ляпунова, представителя от дворян, Трубецкого — от зажиточного казачества, и Заруцкого — от беднейшего казачества.

Бояре, сидевшие в Москве, видели в Ляпунове опасного врага, но еще больше их пугал Иван Заруцкий, «муж не без великие храбрости». Наличность в ополчении сильных отрядов донского казачества и множества крепостных крестьян внушало боярам серьезную тревогу. Поляки также пугали московских бояр

призраком Ляпунова — этого «большого вора и заводчика крови христианской».

Отношение бояр к новому временному правительству было известно Ляпунову, и он пытался пойти на соглашение с боярами.

Временное правительство выступило с декларацией, которая была направлена против казаков и крестьян. Оно требовало восстановления старых органов московской администрации («министерства» финансов, военного, полиции, юстиции и поместного приказа, наделения дворян землей), возвращения помещикам «боярских крестьян и людей», раздачи поместий и вотчин детям боярским, возвращения церкви конфискованной у нее земли, передачи поместного приказа (органа, наделяющего землей) в руки «дворянина из больших дворян», увода «с городов и из волостей атаманов и казаков», прекращения казаками вооруженных выступлений, запрещения казачьих приставств, т. е. расквартирования казаков в волостях. Кроме того, Ляпунов разослал приказ, в котором говорилось: «Где поймают казака—бить и топить, а когда, даст бог, государство московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим». Ляпунов решил не посылать казаков «ни в какие посылки» без дворянских комиссаров («дворян добрых») и сменить казацкую администрацию в городах. Дворяне пошли дальше: они стали подготовлять себе почву в провинции. Ляпунов разослал требование не выполнять приказаний, под которыми не имеется его подписи. В войске Ляпунова были и представители крупной торговой буржуазии ряда городов; следовательно, временное правительство было дворянско-купеческим. Наступление на казаков шло и с другой стороны. Тушинские верхи и московские бояре в договор с поляками (в 1610 г.) внесли пункт, который поставил вопрос о существовании «вольного казачества» на Дону, Яике, Волге и Тереке.

Казацкие массы ответили на помещичье-купеческую политику убийством вождя дворянства Ляпунова. По данным князя Пожарского, его убили «атаманы, казаки и холопы боярские, старые заводчики всякому злу».

После убийства Ляпунова фактически хозяином подмосковной армии на некоторое время остается правительство Заруцкого и Трубецкого. Временное правительство бояр в Москве («семибоярщина») в январе 1612 г. обращается с воззванием к северным городам: бояре советуют остаться верными польскому королю и мобилизовать дворянство на борьбу с Заруцким (вождем беднейшего казачества). В своем воззвании бояре описывают грабежи казаков Заруцкого, которые «хуже жидов», и восхваляют польскую шляхту как защитницу христианства.

Великодержавный историк С. Соловьев, оценивая эти события, оправдывает бояр. Он пишет: «чистое было смешано с нечистым, подле земских людей стояли казаки». Бояре и мелкие помещики объединились для того, чтобы бороться с «нечистыми», т. е. с революционным казачеством».

Заруцкий развивал энергичную деятельность: он послал отряд на помощь псковским низам, вновь восставшим под руководством Сидорки, и укреплял связи с южным Поволжьем и Доном. Крестьянство в это время осталось без вождя и действовало распыленными отрядами. Слабость Заруцкого состояла в том, что, возглавляя действия низового казачества, он отталкивал от себя крестьян. За подписью Заруцкого и Трубецкого имеется приказ крестьянам одной вотчины Вяземского уезда, предписывающий им «слушаться вотчинника, пашню на него пахать и доход вотчинников ему платить». Классовая борьба все же толкала Заруцкого на разрыв с Трубецким. В рядах казачества началось расслоение. Правая часть казачества, выражавшая, в лице кн. Трубецкого, интересы зажиточных групп, перешла на сторону контрреволюционной армии; левая группа, в лице Заруцкого, выражавшая интересы казацких низов, ушла в Астрахань с той целью, чтобы собрать новые силы для борьбы. Эта политика Заруцкого таила в себе величайшую опасность: вместо того чтобы итти вглубь метрополии и обратиться к крестьянству, он направился к казакам в Астрахань.

Трубецкой, вождь «старого», т. е. зажиточного, казачества, начал действовать против Заруцкого, опиравшегося на казацкие низы, и «домовитое» казачество все в большем количестве отходило к Трубецкому и к «ополчению».

Контрреволюция в городах также не могла примириться с тем, что под Москвой руководство перешло к Заруцкому, который был для буржуазии и дворянства страшнее поляков. Бояре, дворяне и торговая буржуазия объединились в единый фронт против казаков, крестьян и польской армии. В течение четырех месяцев контрреволюция успела организовать свои отряды и собрала большие средства.

Нижегородское купечество на первой стадии организации «ополчения» (контрреволюционных отрядов) осторожно подходило к казачеству. Оно пока воздерживалось от открытой борьбы с ними. В воззвании ополчение только ограничилось указанием, что «дурна никакова ворам делати не дадим».

«Ополчение» умалчивало о своих разногласиях с казачеством. Купечество еще боялось выступить открыто против казаков. Боярство, узнав о выступлении нижегородского купечества, подтвердило, что оно является сторонником польского ко-

роля Владислава, и требовало от контрреволюционного купечества, чтобы оно отмежевалось от казаков.

Казацкие низы не придавали никакого значения примиренческим настроениям нижегородского купечества. Заруцкий решил подчинить себе север. В конце первой половины февраля 1612 г. контрреволюционные нижегородцы отправили в Ярославль отряд, которому удалось войти в Ярославль до того, как туда пришел отряд Заруцкого. Захват Ярославля, а затем Суздаля был важной стратегической победой ополчения над беднейшим казачеством, и с этого времени нижегородская контрреволюционная армия уже открыто призывает к расправе с казацкими отрядами Заруцкого. Одновременно нижегородцы категорически требуют от подмосковного ополчения отказа от какого бы то ни было союза с казаками. В течение апреля и мая 1612 г. казаков выбили из северных городов и окружили в районе от Твери до Рязани; в критическом положении очутилось и казачество на юге. К нижегородцам примкнула буржуазия городов Поморья, Сибири и Замосковного края.

Укрепившись в Ярославле, контрреволюционное правительство — так называемое «земское ополчение нижегородцев» — составилось из представителей купечества, дворянства и духовенства с преобладанием представителей среднего дворянства и купечества. Среди этих групп не было разногласий в основном вопросе — о необходимости скорее разгромить казацкие отряды. С. М. Соловьев правильно замечает, что борьба купеческо-дворянской контрреволюции была направлена столько же, если еще не больше, — против казаков, сколько против поляков.

Как же в это время действовали казацкие отряды Заруцкого? Известно,— как мы уже отметили,— что, когда начало организовываться нижегородское «ополчение», Заруцкий пытался захватить Ярославль и поморские города, «чтобы не дать совокупиться ярославцам и прочим градам с нижегородскою силой». И с этой целью отряды наступали на Переяславль, Углич и Пошехонье. Заруцкий пытался разложить контрреволюционное «ополчение» агитацией, и, наконец, убийством вождя ополчения — Пожарского, что, однако, ему не удалось. В некоторых своих донесениях Пожарский прямо указывает на выступление Заруцкого как на причину своих медленных действий.

Энергичнее всего против поляков под Москвой действовали казаки отряда Трубецкого, который, как уже было отмечено,— выражал интересы зажиточных казаков, кандидатов в помещики. Борьба с поляками происходила еще на улицах Москвы, как вспыхнула борьба между отрядами Трубецкого и отрядами Пожарского, выражавшего интересы купечества и дворянства. Ка-

заки жаловались, что бояре сами обогащаются после сражений, а их оставляют «босыми, нагими и голодными»; казацкое воинство «негодоваша, глаголюше, называющие себя бедны и непожалованы». Недоверие Пожарского к казакам Трубецкого было так сильно, что он отказался расположить свое войско вместе с зажиточными казаками, которые могли бы разлагающе действовать на отряды контрреволюции; он отказался действовать вместе с казачеством в тех целях, чтобы позже развязать себе руки в своих выступлениях против него.

Имея против себя казацкие низы, контрреволюционные отряды Пожарского и Трубецкого протягивали руку боярам, сидевшим в Москве. В грамоте на Белоозеро о сдаче Москвы полякам заметна тенденция выгородить бояр,— «бояре-де сидели поневоле», — и когда Москва была взята, Пожарский старался выгородить бояр в глазах «ополчения».

«Ополчению» удалось легко разбить поляков. М. Н. Покровский указывает, что, задев интересы всех правящих классов и не имея на своей стороне народной массы, поляки дали повод легко столковаться тем, кто враждовал во все предыдущее время «смуты». В начале 1613 г. Москва была очищена от поляков, но временное правительство боялось казаков, которые чувствовали себя победителями и вели себя «непристойно». Летописец сообщает, что казаки после взятия Кремля «начаша прошати жалования беспрестанно», что они «всю казну московскую взяша», из-за «казны» они однажды пришли в Кремль и хотели «побить начальников», но дворяне не допустили до этого, и между ними «едва без крови проиде».

Имеются сведения о «чистке» казаков после изгнания поляков из Москвы. Бояре потребовали от казаков список «старых» казаков, с целью отделить их от крестьян и других «приставших к ним беспорядочных отрядов». Старых зажиточных казаков отделили от приставших к ним крестьян и других отрядов, с той целью, чтобы распределить добычу только между богатыми казаками. Удовлетворив казаков, правительство постаралось скорее очистить от них Москву, что и было достигнуто в 1613 г.

Михаил Романов уже царствовал, но казаки Заруцкого еще не сдавались. В мае 1613 г. отряды Заруцкого потерпели поражение под Воронежем, но они были еще достаточно сильны, если правительство призвало на помощь ногайских татар и старалось подкупить волжских и донских казаков. Только летом 1614 г. удалось ликвидировать отряды Заруцкого. В ожидании благоприятного оборота дел, Заруцкий задержался на Медвежьем острове на реке Яике; но надежда его обманула: его поддержала только незначительная часть казацкой бедноты, и при прибли-

жении московского отряда Заруцкий был выдан своими сообщниками.

ПРИЕМЫ АГИТАЦИИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ АРМИЙ

Контрреволюционное правительство широко прибегало к обработке общественного мнения и к «идеологическому воздействию». Этим объясняется появление бесчисленного множества «чудотворных» икон и «чудотворцев» в эпоху гражданской войны. Мы уже отметили, что Шуйский с большой торжественностью перенес тело убитого царевича Димитрия, которое в Москве превратилось в «чудотворные нетленные мощи». После подавления восстания в Астрахани в 1607 г. боярин Шереметев перевозит из Царицына в Казань тело астраханского архиепископа Феодосия, умершего в Царицыне на обратном пути из Москвы, где он принимал участие в торжестве перевозки из Углича «тела царевича Димитрия». Перевозка тела Феодосия из Царицына в Казань превратилась в «колоссальное погребальное шествие». Во время осады поляками Троицкого монастыря, сам «архангел Михаил заступился за свою икону» и т. д. Летом 1611 г. «ополченцы» распространили слух о том, что в Нижнем-Новгороде к какому-то Григорию явились во время сна «два сошедших с неба мужа» и предписали всенародный трехдневный пост. Культивировались «документы о чудесных видениях» во многих городах. Не случайно в это же время создается культ иконы Казанской божьей матери. В эпоху обостреннейшей борьбы с «инородцами» наиболее «чтимую и чудотворную» икону нашли в Казани. Одновременно распространялась большая рукописная литература, в которой восхвалялась доблесть Шуйского и ополчения и их «патриотические» подвиги. Недаром восставшие казацко-крестьянские массы уничтожали церкви и иконы. Не выдерживают критики рассказы о преданности православию казаков. Через пятьдесят лет после этих событий донские казаки писали в Москву, что они не нуждаются в церквах, так как «они люди полевые»[1].

---

[1] Через столетия после «смуты» дворянско-буржуазные историки спекулировали «святыми» В октябре 1889 г специальное заседание Нижегородской архивной комиссии было посвящено «святым» эпохи смуты. Докладчик Гациский и опоненты единогласно утверждали, что «нижегородцу Минину явился в сновидении именно преподобный Сергий, благословивший Донского на борьбу с Мамаем, когда Россия находилась в подобных же обстоятельствах, какие были в смутное время»... Никто из опонентов-дворян не сомневался в том, что к Минину во сне явился святой, что этот

«ИЗБРАНИЕ» ЦАРЯ

Царем был «избран» Михаил, сын Федора (Филарета) Никитича Романова, того самого, который был в Тушине главой церкви.

Поведение Романовых в эпоху смутного времени — неустойчивое и оппортунистическое — много способствовало успеху Михаила в 1613 г. В. О. Ключевский указывает, что вражда с В. Шуйским и связи с Тушиным доставили Романовым покровительство Димитрия II; Романов был популярен среди дворянства, богатого казачества и неродовитого боярства.

Романовы владели землей и крепостными во всех районах страны. Сохранилось от 1628 г. дело ельчан «всяких чинов людей» на Ивана Никитича Романова. Из этого дела видно, что вывоз чужих крестьян в имения Романовых достигал очень значительных размеров. В народной песне конца XVI в. дается следующая характеристика Романовым:

Кто церкву покрадет, мужика ли убьет,
А кто жива мужа жену уведет.
И уйдет во село в боярское
К старому Никите Романовичу
И там быть им не выдаче.

Стало быть, Романовы до захвата власти зарекомендовали себя как жестокие феодалы.

При выборе руководились тем, что царь молод; в 1613 г. царю Михаилу было не больше 16 лет. Один из бояр выразил настроение бояр и дворян, когда он заявил: «выберем Мишу Романова, он еще молод и разумом не дошел и нам будет поваден». По данным современников, Михаил был слабоумен и хил. Он всю жизнь так «скорбел ножками», что его возили или переносили на креслах, а псковский летописец указывал, что у Михаила Федоровича «не у бе ему еще толика разума, еже управляти землею». В дальнейшем летописец дает нелестную характеристику той группе придворных, которая окружала царя, обвиняя эту группу в том, что она «царя ни во что же вменяша, и не бояшеся его».

В дворянско-буржуазной литературе указывалось, что Михаил Романов был избран дворянством и казачеством. Эти мысли особенно подчеркивались в литературе к юбилею дома Романовых в 1913 г., так как дворянству и буржуазии важно было

святой был Сергий и что поэтому Минин спас Россию. Между прочим, такими «чудесами» наполнена почти вся историческая литература, посвященная юбилею дома Романовых в 1913 г.

подчеркнуть, что царь избран всеми основными группами населения. Между тем, царь был избран боярством, дворянством и крупным купечеством. Факты неоспоримо показывают, что с казачеством мало считались; до поры до времени его только терпели и при первой возможности значительные отряды казачества были удалены из Москвы.

То же самое относится к ограничительной записи, т. е. к вопросу, были ли ограничены права малолетнего царя при избрании на царство. Этот спор не имеет большого значения: власть бояр не была ограничена, она была только усилена. Большинство членов Боярской Думы времени первого Романова были крупные землевладельцы, которые увеличили свои земельные богатства. Роль самого Романова в системе диктатуры феодалов-крепостников не представляет никакого интереса.

После назначения Михаила Федоровича царем создается легенда о костромском крестьянине Иване Сусанине, который якобы спас царя от покушавшихся на его жизнь поляков. Историк Костомаров в свое время удачно разоблачил эту мистификацию: в 1613 году в Костромском крае не было никаких польских «шаек». Михаил жил в это время в Ипатьевском монастыре, т. е. в таком месте, на которое поляки не нападали. Однако эта легенда о том, как «мужик царя спас» культивировалась до последних дней жизни монархии [1]. Буржуазным историкам нечего было сказать Костомарову: в 1912 г. они писали, что «самое существование предания гораздо важнее его достоверности». Это замечание не трудно расшифровать: историк имеет право извращать факты, если это нужно для затемнения сознания народных масс.

ИТОГИ ПОБЕДЫ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

По поводу победы дворянства и боярства М. Н. Покровский пишет: «не успела смолкнуть канонада под московским Кремлем, как «черные» крестьянские земли массами стали переходить в дворянские руки; до весны 1613 г. было уже роздано не меньше 45 тыс. десятин земли дворцовой и 14 тыс. десятин земли «черной», роздано преимущественно вождям помещичьей рати, ее генералитету и офицерству». Несколько позже дошла очередь до рядовых — около 1627 г. имела место раз-

[1] Н. Костомаров писал: «Когда мы захотим обратиться к современным, первоначальным известиям о таком безмерно важном событии, то прежде всего поразит нас то, что ни в русских, ни в иностранных тогдашних сочинениях, несмотря на множество подробностей, хорошо очерчивающих эту эпоху, нет ни слова об этом происшествии».

ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ
В изображении оппозиционного художника XVII в.

дача поместий дворянской молодежи, еще землею не наделенной. Материалом для этого наделения послужили опять крестьянские земли, а отчасти и земли, конфискованные у других владельцев, только теперь конфисковали уже не «княжеские вотчины», а земли, взятые у побитых политических противников» Димитрием и польско-боярским правительством 1610—1611 гг. Пожалования дворян землей Василия Шуйского не возбуждали сомнений и были признаны правительством первого Романова.

С начала XVII в. стало расти новое дворянство: в списке крупных землевладельцев 1648—1649 гг. находим 69 процентов «нового» дворянства и только 31 процент потомков бывших удельных князей. «Новое» дворянство в союзе с боярством побе-

дило: оно захватило не только всю крестьянскую землю, но и окончательно превратило крестьян в крепостных. В центре страны уже не было свободных крестьян. Уложение 1649 г., окончательно закрепившее крестьян, фактически санкционировало лишь то, что уже твердо установилось после победы «ополчения».

Закрепив крестьян и взвалив на них и на мелкую городскую буржуазию все бремя налогов, боярско-помещичье государство освободило помещиков от податей, налогов, пошлин на мытах (таможенных заставах), перевозах и т. д.

Наряду с дворянством весьма значительные привилегии получило и крупное купечество; оно стало неподсудно местным учреждениям и судилось только в центральных учреждениях.

Государственная власть становится более централизованной. Непосредственной «властью на местах» был воевода, который действовал при помощи целого ряда подчиненных ему органов власти. В Москве восстанавливаются старые приказы («министерства») и создаются новые, которые руководят хозяйственными, судебными, военными, земельными и прочими делами.

В XVII в. созывались правительством Земские Соборы, которые имели представителей от землевладельцев, духовенства и крупного купечества. Собор 1654 г. был последним, так как последующие соборы составлялись из бюрократов, которые случайно находились в столице. Земские Соборы в XVII в. никакой роли не играли в политической жизни страны; они созывались очень редко, пользовались только совещательным голосом и не имели права вмешиваться в компетенцию царской власти.

Они созывались лишь до тех пор, пока нужны были дворянству, которое опасалось выступлений боярства. Созыв их прекратился тогда, когда правительство убедилось, что старое родовитое боярство изжило свои оппозиционные настроения; когда в 1662 г. городская буржуазия просила созвать Земский Собор для обсуждения затруднений, возникших в связи с денежной инфляцией, она получила отпор.

Боярская Дума XVII в., состоявшая исключительно из крупных бояр и бюрократов, участвовала в делах управления и по существу играла законодательную роль.

Наряду с усилением экономической и политической диктатуры феодалов-крепостников развивались приемы и методы соответствующего идеологического воздействия на массы. Уже в XVI в. возникла богатая литература, отдельные образцы которой дают яркую характеристику идеологии господствующих классов, «Домострой», т. е. сочинение об управлении домом, регламентирует каждый шаг дома, так как подчиняет работу членов

семьи строжайшей дисциплине, подчиняет их хозяину дома и вводит беспрекословное подчинение прислуги господам. Прислуга в присутствии господ не должна «ни кашлять, ни сморкать, ни харкать, ни плевать, вежливо стоять и по сторонам не глазеть». С духом «Домостроя» была связана и вся публицистика XVI—XVIII вв., которая проводила идеи монархизма и централизации. Писатели из среды духовенства исторически «обосновывали» преемственность и незыблемость боярской власти. Митрополит Макарий довел Степенную книгу до 1560 г., т. е. до самого Ивана Грозного включительно. В этих книгах устанавливаются «незыблемые» исторические начала от первых князей до Грозного. Для того чтобы подчинить церковь государству, в Степенной книге непрерывно сочетается житие «святых» с политической историей.

Одновременно и «святые» подчиняются определенной иерархической лестнице: устанавливаются «святые» разных категорий и разрядов, «угодники» центральные и местные. Все они были собраны в сборнике под названием «великих четьих миней». Сборники, составленные в средине XVI в., усиленно продвигаются в массы в XVII в.

Подчинение церкви государству было оформлено в 1589 г., когда было учреждено патриаршество, т. е. когда во главе церкви стал чиновник, фактически назначавшийся царем (государством).

В массу пускаются якобы народом сочиненные «сказания», явно тенденциозные и имеющие ярко классовый характер. По индусским верованиям главнейшие касты произошли от уст, от рук и от ног Брамы. В «народном сказании» люди зачались (родились) от Адама в следующем порядке:

Зачадились цари с царями
От честной главы от Адамовой;
Зачадились князья с боярами
От честных мощей от Адамовых;
Завелось крестьянство православное
От того колена от Адамова.

Эти идеи внедрялись при помощи специальных лубочных картин с соответствующей надписью:

Сим молитву деет,
Хам пшеницу сеет,
Фет власть имеет,
Смерть всеми владеет.

В букварях XVII в. воспевается розга, бич и жезл.

Розга ум вострит, память возбуждает
и волю злую в благо предлагает;

Учит господу богу ся молити
и рано в церковь на службу ходити.
Бич возбраняет скверно глаголати
и дел лукавых юным содевати.
Жезл ленивые к делу побуждает,
родителей слушати во всем научает!
В обращении к учащимся заключается утешение,
целуйте розгу, бич и жезл лобзайте!

В низшие слои был пущен «Синодик» — иллюстрированное издание, трактующее о загробной жизни. Это издание широко распространялось. Основное содержание синодика: человек должен «отвращать взоры от всего того», что радостно на земле; радостная жизнь — только на том свете. Эта литература была предназначена специально для «подлых», которым была обещана загробная жизнь взамен рабской на «грешной» земле.

Захватническая колониальная политика рано нашла своих апологетов. Уже XVI в. развивается теория о Москве, как о третьем Риме, т. е. как о центре мировой колониальной державы. Михаил Федорович «избирается» на царство на Владимирском, Московском, Новгородском государствах и на царствах Казанском, Астраханском и Сибирском.

В XVI в. создаются теории о генеалогической связи великих русских князей с императорами Византии; уже тогда историки и публицисты вводят термин «свято-русская земля», «свято-русские земли», «свято-русская империя»... Идея о Москве как о третьем Риме воскресла в эпоху Николая I и была затем опять развита К. Леонтьевым, идеологом реакционеров в годы аграрного кризиса (1880—1895 гг.).

В годы борьбы за Украину в XVII в. создается «исторический труд Синопсис», оправдывающий захват Москвой Украины и доказывающий, что с «незапамятных времен» Киев был составной частью славяно-русского государства. В России слабо прогрессировала не только политика царизма, но и историческая аргументация политиков. В 1911 г. для обоснования «исторической справедливости» выделения Холмщины из состава Польши докладчик Государственной Думы прибег к тем же аргументам, он писал: «нынешний Холмско-Подляшский (!) край на самой заре исторической жизни входит в состав русской земли. Это видно из слов летописца о том, что Владимир Святой занял те города, которые находятся в Холмщине».

«Синопсис» или «краткие собрания замечаний разных летописцев о начале славянского народа» возвеличивает «...славяно-русский» народ и доказывает, что его могущество начинается еще во времена Александра Македонского. «Славяно-русский» князь Одонацер взял Рим; «от славных дел своих, наипаче же

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ
К «СИНОДИКУ»

воинских, славянами или славными зватися начаша». А так как они везде были знамениты, отличаясь подвигами по всем странам, то от «россеяния по многим странам племени своего россеяны, а потом Россы прозвашася». Праотцем славяно-россов был Мосох, от которого назвались народы мосховиты и город Москва. В этой работе «установлена» древнейшая связь Киева с Москвой и происхождение московских князей и царей от Владимира Святого. Эта великодержавная схема XVII в. вошла полностью в работы историков Соловьева и Ключевского.

Феодально-крепостническая иделогия делает большие успехи в XVII в., она быстро проникает во все стороны общественной жизни: в церковную живопись, иконопись, церковную архитектуру, жития святых, сказания, обряды, музыку колокольного звона; все это подчинено одной цели — закрепощения и усмирения крестьянства и городских низов. Всякая малейшая попытка критиковать государственные порядки связывается с «чародействием», дьявольским наваждением, «колдовством» и беспощадно

искореняется. Правительство допускало к чтению только церковную литературу, которая отвечала потребностям классового господства феодалов-крепостников.

Книга мало читалась. Даже во время Петра I круг читателей был так незначителен, потребность в чтении так ничтожна, что даже немногие, печатавшиеся тогда, книги почти не находили сбыта и с течением времени, как ненужные, уничтожались. После всего этого трудно предположить, что грамотность была сколько-нибудь распространена среди крестьян и рабочих. Имеются некоторые косвенные данные: один крестьянин просил у Б. И. Морозова, дяди царя Алексея Михайловича, молитвенник для того, чтобы обучиться чтению. Кой-какие сведения мы находим у украинского поэта Климентия, жившего в конце XVII в.; он писал:

«И письменный люд ткачи—всех нехай разумиет же старый и молодой «Отче наш» в них умеет; А иний ремесленник и молитви не знает, и не хай же не ганьбит ткачов — тое соби знает».

Недоверие «к книжной мудрости» составляет одну из наиболее характерных черт феодалов-крепостников. В «Печерском Патерике» сохранилось сказание, в котором любовь к чтению рассматривается как одно из средств дьявола совратить человека с правильного пути.

Методы школьного обучения были еще крайне архаичны. Вот образчик школьного экзамена в XVII в.

Вопрос:	Ответ:
Стоит море на пяти столбах. Царь речет: потеха моя. Царица речет: погибель моя.	Море — чаша вина, 5 столбов — пять перстов. Царь — тело, царица — душа.
Какой вол корову родил?	Адам родил Еву.
Какой камень прибежище зайцам?	Камень — церковь. Заяц — люди.

Даже примитивная медицина заменялась колдовством и волшебством. Сумасшедшие рассматривались то как прозорливцы и подвижники, то как преступники против церкви и государства. Первые врачи появились на царской службе и не были доступны населению.

Крестьянство и крепостной рабочий задерживались на низшей ступени развития: они превращались в вьючных животных, между тем как животные помещиков пользовались гораздо большими правами, чем крепостные крестьяне.

Таковы были итоги победившей контрреволюции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИЧИНЫ РАЗИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ ПОСЛЕ РАЗГРОМА КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЙ

В первой половине XVII в. в жизни государства происходят значительные перемены: изживается сельскохозяйственный кризис, расширяется распашка новых земель в центре страны и в колониях на тучном южном черноземе и на востоке, окончательно сметаются остатки крестьянских (черных) земель в центре страны и восстанавливается фонд дворцовых земель.

Из России начинается вывоз хлеба за границу. В XVI—XVII вв. мировая хлебная торговля приобретает значительные размеры. Нидерланды, Франция, Италия являются потребителями хлеба, поставщиками — Восточная Германия, Польша и Россия. Кильбургер, шведский посол в Москве, сообщает, что Россия в середине XVII в. ежегодно вывозила до 200 тыс. четвертей хлеба, причем чистая прибыль от продажи составляла 60—75%.

Иоган де Родос, шведский комиссар в Москве, писал в 1651 г. своему правительству о богатых дубовых и мачтовых лесах России, о пеньке и льне, обыкновенно покупаемых голландцами для кораблестроения, о русском железе, более дешевом, чем голландское, о российских путях сообщений, дающих возможность проникнуть в Индию. В России, по его мнению, можно получать из первых рук все то, что голландцы и другие народы привозят в Европу для продажи: все нужные для кораблестроения материалы имеются в изобилии в России. Затем Родос указывает на добывание поташа и выкуривание дегтя, уверяя, что благодаря этому обширные пустыни при разработке из года в год превратились бы в обширные пашни. Родос подсчитал, что

экспорт русского хлеба должен в ближайшее время дать царской казне вчетверо больше, чем давал кабацкий доход.

Из России вывозили полуфабрикаты, как полотно, поташ, железо и т. д. Царская крепостная полотняная мануфактура в Москве вывозила за границу полотно в большом количестве. Поташ, вывозившийся из крупных боярских вотчин, был необходим в Англии и Голландии для мочки черного сукна и для стекольного и мыльного производства. Смола и деготь в XVII в. в большом количестве вывозились из России. Вся смола, получаемая в Европе, шла «через Ливонию из московских владений». Виды европейских товаров, ввозимые в Россию, были весьма разнообразны. Персидская торговля в русской внешней торговле XVII в. занимала после европейской второе место. Она удовлетворяла потребности самих русских и западно-европейцев, служа передаточным звеном между Персией, Индией и Западом. Между крупнейшими государствами того времени—Голландией, Англией, Швецией, происходила обостренная борьба из-за русского рынка.

С европейским рынком были связаны крупнейшие феодалы — царь, бояре и гости. Средние, мелкие феодалы и купцы большей частью вели потребительское хозяйство. Это необходимо подчеркнуть для того, чтобы получить верное представление о характере денежных отношений в России XVII в.

Во второй половине XVII в. создается в России крепостная мануфактура. Первые железоделательные заводы возникли в Тульском, Каширском, Олонецком районах и частично на Урале. Образование крепостной мануфактуры было обусловлено создавшимся внутренним рынком, обширными торговыми операциями, выходом России на европейский рынок и концентрацией капитала в руках купечества и дворянства. Крепостная мануфактура тем отличалась от капиталистической, что она была основана на крепостном труде и возглавлялась предпринимателями-крепостниками. В ней выросли многочисленные рабочие группы, переданные в наследство капиталистической фабрике. Крепостная мануфактура у нас сыграла ту же роль, которую играло ремесло на Западе: она обучила рабочего для эпохи капитализма. С ней же связан рост дворянского предпринимательства и крепостной крестьянской буржуазии. Значительная часть нашей промышленной буржуазии со своими капиталами органически вырастала из крепостной мануфактуры.

Горная и железоделательная промышленность была у нас основана исключительно на крепостном труде. К нашим заводам насильственно приписывались крестьяне, арестанты, беглые, пленные, стрельцы, солдаты и т. д. Часто и богатое крестьян-

ство экспроприировалось, приписывалось к заводам и превращалось в разряд рабочих. Крестьяне «бегали с женами и детьми». Оставшиеся отвечали за беглых круговой порукой.

Крепостная мануфактура в России была организована голландцами — передовым народом XVII в. Сравнивая технику в мануфактурах Голландии и России, не трудно притти к выводу об отсталости и несовершенстве наших мануфактур.

Для того чтобы получить представление о тех сдвигах, которые произошли накануне разинщины, познакомимся с техническими изобретениями в этот период.

В середине XVII в. заметны достижения в военной технике. Ручное огнестрельное оружие к концу XVII в., значительно усовершенствовавшись, сделалось менее длинным и тяжелым, а потому более удобным для употребления. В то же время появляются отдельные образцы ружей, заряжающихся с казенной части. Во второй половине XVII в. у нас появляются чугунные пушки наряду с медными. В этой же области замечается ряд нововведений в проведении укрепленных мест и маневрировании армии.

В то же время совершаются перемены и в судостроительном деле. Самыми крупными волжскими судами являлись «насады» или «струги», достигавшие 16 и 18 саженей длины, при осадке до 12 футов и грузоподъемности до 100—120 тыс. пудов. Путешественник Олеарий в середине XVII в. встретил между Нижним-Новгородом и Казанью большой струг, плывший из Астрахани, на котором находилось двести человек рабочих. При грузоподъемности в 400—500 ластов (4—6 тыс. бочек), такой струг проходил в день не больше двух миль. Тот же Олеарий сообщает, что из-за плохих судов «персы, татары и русские почти только плавают по ветру и не осмеливаются пускаться на средину моря». В 1636 г. на Волге и на Каспийском море появился «Фридрик», трехмачтовый корабль.

В 30-х гг. XVII в. было организовано судостроение в Твери, Нижнем-Новгороде, Дедилове, Казани и Астрахани. В конце XVII в. была введена каторга — новое гребное судно, на котором применялись принудительные работы, бывшие в то время в ходу в Европе и на Востоке.

Первая почта была учреждена в Москве в 1663 г. и ходила 2 раза в неделю в Вильну и Ригу. Раз в неделю почта отправлялась из Москвы в Новгород, Псков и Ригу, употребляя на этот путь 11 дней.

С начала XVII в. у нас начинают писать на столе; исследователи полагают, что до конца XVI в. у нас писали не на столе, а на колене. В это же время бумага вытесняет и заменяет пергамент и бересту.

В конце XVI в. устав и полуустав вытесняется скорописью, т. е. письмо отделяется от печатной буквы. Этот процесс отражает усиливающееся общественное разделение труда. В апреле 1563 г. началось печатание первой русской книги, но только со второй половины XVII в. начинается издание светских книг, раньше только переписывавшихся.

Эпохой перелома для России является вторая половина XVII в. и первая четверть XVIII в. Дальнейшие технические усовершенствования до конца XVIII в. уже не представляют собой принципиально нового и существенного. Передовая европейская техника упиралась в России в крепостнические отношения.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН МЕЖДУ ПОБЕДОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И НОВЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПОДЪЕМОМ

Разгром казацко-крестьянских движений коренным образом изменил положение крестьян: в Замосковном крае они были полностью закрепощены. В центре страны барщинная система хозяйства стала преобладающей. Крестьянин лишился гражданских прав и превратился в «говорящее животное»; он должен был выполнять барщину и, кроме того, ряд повинностей, которые отнимали у него очень много времени и сил.

Не все категории крестьян находились в одинаковом положении. В наиболее тяжелом положении находились помещичьи крестьяне, принадлежавшие крупным вотчинникам, работавшим на рынок; так, например, Б. И. Морозов владел территорией, равной среднему западно-европейскому государству. Около трехсот сел и деревень (не считая пустошей) в 17 уездах, тысячи дворов и многие десятки тысяч подвластного населения, железоделательные, поташные, винокуренные заводы, экспортная торговля, торговля внутри государства хлебом, вином, кожей, мехами,—вот размах деятельности Морозова (см. «Хозяйство крупного феодала-крепостника», изд. Ак. Наук, 1932 г.).

Крупные вотчинники урезывали продукт крестьян «сверх всякой меры»; почти ежедневная барщина на помещика, натуральные и денежные повинности фактически полностью экспроприировали крестьянина. Совершенно прав Ленин, который рассеял народнические иллюзии о самостоятельности крестьянского производителя в крепостную эпоху; не может быть и речи о самостоятельности крепостного крестьянина, который был полностью экспроприирован помещиком. Положение крестьян крупного фео-

дала иллюстрируется сохранившимися подробными данными о вотчине крупнейшего феодала XVII в. Б. И. Морозова.

Во второй половине XVII в. крестьяне платили крупному феодалу Морозову за пашню, сенные покосы, рыбные ловли, мельницы, амбары, лавки, лавочные места, полки, кузницы и т. д. Кроме того, крестьяне вносили феодалу на «столовой обиход» баранами, свиным мясом, гусями, сыром, сметаной, яйцами, курами, индейками, рыбой определенного веса и размера и т. д. Основная работа заключалась в пахоте, косьбе, жатве, молотьбе, в обслуживании рудников и поташных заводов. Крестьяне должны были выполнять дополнительные работы или вносить особую добавочную плату «на рождество христово, на богоявленьев день, на светлое христово воскресенье, на петров день» и т. д. Они обязаны были на свой счет содержать приказчика, «слушать его во всем и ни в чем не противиться и давать ему на три праздника по алтыну», распахать и засеять его надел и т. д.

Из переписки крупного феодала Морозова со своими крестьянами видно, что приказчик бил всех плетью, в то время когда феодал разрешил бить только батогом. Между тем плеть у приказчика «тяжела добре», и он ею вышибает глаза, даже «не сыскав вины». Крестьяне Морозова под страхом жесточайших наказаний обязаны были в воскресные дни посещать церковь.

С другой стороны, и приказчику попадало за малейшую оплошность. В таких случаях Морозов разговаривал с приказчиком на таком языке: «И ты дурак, блядин сын, ни та, ни ся, пьяница, неподобной бражник, все ходишь за брагою, а не за моим делом и мне не радеешь и прибыли не ищешь... Довелся ты за то жестокова наказания и правежу большого, да и так тебе, дураку, не велю спустить даром».

В лучшем положении находились дворцовые и монастырские крестьяне. Первые состояли в ведении дворцового ведомства, т. е. непосредственного царского двора. Богатое дворцовое хозяйство в некоторых районах уступало крестьянам в аренду дополнительные земельные участки и иногда давало им некоторые льготы при взносе платежей; но, с другой стороны, дворцовые крестьяне в XVII в., как и государственные в XVIII в., представляли резервный фонд, из которого помещики наделялись рабочей силой.

Наиболее благоприятные условия монастырских крестьян объясняются теми льготами, которыми пользовались монастыри до 1649 г. Торговля, промышленность, землевладение монастырей и патриарха были полностью освобождены от государственных налогов, таможенных пошлин, военных постоев и т. п. По-

этому крестьяне охотнее шли в монастыри или в патриаршие владения, которые пользовались еще большими привилегиями. Крестьяне часто даже уступали духовным феодалам часть своих земель, дабы удержаться около монастыря. Не следует забывать, что до второй половины XVII в. монастыри имели возможность удерживать у себя беглых крестьян, которые скрывались под видом черных попов или «спасающих свои души», но фактически работавших на монастыри.

Черные крестьяне исчезли в центре страны и сохранились только на севере, куда мало проникало помещиков: последним было выгоднее колонизировать черноземный юг.

Крепостное крестьянство не представляло однородной массы и было значительно диференцировано. Дворцовые и монастырские и помещичьи оброчные крестьяне вели торговлю по Оке и Волге; среди них попадались даже крупные купцы, торговавшие с заграницей. Ремесла были больше всего развиты в монастырях. Монастырские ремесленники обслуживали некоторые рынки. С другой стороны, среди крестьян были «худые» и «меньшие» как их определяла «фининспекторская» статистика того времени («писцовые книги»).

В другом положении находились крестьяне колоний, т. е. районов Волги, Дона, Слободской Украины, где жили татары, мордва, чуваши, мари, калмыки и т. д. В этом районе крестьянство в XVII в. переживало то же самое, что переживало крестьянство центра страны в XVI в. Рост государства, которое захватывало все новые и новые колонии, и распашка новых земель были неизбежно связаны с закрепощением новых групп крестьянства. В эту категорию попадали дворцовые и черные крестьяне, а затем огромные массы беглых из центра государства, которые успели осесть и обзавестись новым хозяйством. Новые колонизаторы вводили барщинную систему и увеличивали оброчные платежи. Уже одно появление монастырского хозяйства рядом с крестьянами ставило последних в зависимое положение, им приходилось или вновь обратиться в бегство, или дать закрепить себя полностью. Надо еще принять во внимание, что колонии управлялись на основе военного положения. На далекой «окраине» воевода был наделен чрезвычайными полномочиями, которые давали возможность местной администрации бесконтрольно распоряжаться крестьянами. Местная администрация в первую очередь наделялась огромными земельными участками или, вернее, она сама захватывала огромные земельные владения и была больше всего заинтересована в закрепощении крестьян. Положение крестьян в колониях ухудшалось тем, что их обременяли

военной сторожевой службой и работой по постройке крепостей на границах Московского государства.

Итак, окончательное закрепощение крестьян в центре и в колониях Московского государства явилось следствием разгрома крестьянских движений.

В чем же состояла сущность крепостнического хозяйства? Ленин на этот вопрос отвечает следующим образом: «крестьяне получали от помещика *н а д е л* для прокормления своей семьи, а за это должны были работать три дня (а иногда и больше) на помещичьей земле. Вместо того чтобы платить рабочему деньгами, как платят теперь повсюду в городах, платили *з е м л е й*. С надела, получаемого от помещика, крестьянин мог едва-едва прокормиться. И за этот корм крестьянин и сам и вся его семья должны были обрабатывать помещичью землю крестьянскими же лошадьми, крестьянскими орудиями или «инвентарем». Такова сущность крепостнического хозяйства: нищенский надел вместо оплаты за труд; обработка помещичьей земли крестьянским трудом и крестьянским инвентарем; принуждение крестьянина работать из-под палки помещика. При таком хозяйстве крестьянин и сам должен был становиться *к р е п о с т н ы м*, потому что без *п р и н у ж д е н и я с и л о й* ни один человек, сидящий на наделе, не стал бы работать на помещика».

Крепостничество *н е л ь з я* противопоставлять феодализму как особую общественную формацию. Характер и форма земельной собственности, методы и формы эксплоатации крестьян, способы присвоения и распределения прибавочного продукта в основном не были изменены до средины XIX в., т. е. за все время существования феодализма и крепостничества. Большая связь крепостников с рынком, развитие товаро-денежных отношений и даже перевод огромных масс крестьян на барщину ничего принципиально нового не внесло в общественные отношения эпохи крепостничества.

Не следует забывать, что начавшееся в XVI в. разложение феодализма не было закончено: в феодальных отношениях была пробита только незначительная брешь. В связи с медленным развитием хозяйства страны и относительно слабым включением экономики России в систему тогдашнего «мирового» хозяйства, феодальные отношения реставрировались в эпоху деградации, упадка хозяйства во второй половине XVI в. В Англии быстрое развитие капитализма скоро ликвидировало феодальные отношения; в России же существование феодализма затянулось на ряд столетий и приняло форму феодально-крепостнических отношений. Феодализм и крепостничество характеризуются крупным наследственным землевладением, внеэкономическим

принуждением, барщинной и оброчной системой хозяйства. Кабальные отношения, система внеэкономического принуждения, конфискация всего прибавочного продукта и даже значительной части необходимого, грабеж крестьян — вот основное содержание феодально-крепостнической эксплоатации. Напомним замечание Ленина о том, что в России крепостное право не отличалось от рабства.

Крепостное хозяйство, окончательно установившееся во второй половине XVII в., задержало экономическое развитие деревни и города. Посмотрим, в каком положении находились города в XVII в.

ПОЛОЖЕНИЕ МЕЛКОЙ ГОРОДСКОЙ БУРЖУАЗИИ НАКАНУНЕ РАЗИНЩИНЫ

Число городов в XVII в. значительно увеличилось. На Оке, Волге, Дону, Сибири и т. д. возник ряд новых крупных торговых центров. В городах появилось много ремесленников и кустарей, производивших не только предметы первой необходимости, но и предметы роскоши. В некоторых местах кустарная мастерская стала перерастать в крепостную мануфактуру. Городское население было значительно диференцировано и классовые противоречия постоянно прорывались наружу.

Города были расположены на земле монастырей, крупных бояр и государства. Монастырские и боярские города находились в лучшем положении, чем города, расположенные на землях государства.

В городах были различные группы населения: дворяне, стоявшие на верху общественной лестницы, посадские—мелкая городская буржуазия, которая торговала и занималась ремеслами. Города колоний были населены преимущественно военным элементом — казаками, стрельцами и т. д. Города районов Волги, Оки и Дона были переполнены голытьбой и бурлачеством.

Посадское население в XVII в. было наиболее обездоленной социальной группой: оно милитаризировалось, т. е. превращалось в стрельцов, разорялось от военных постоев и поборов и терпело лишения даже от крепостных крестьян крупных феодалов, которые являлись фактическими хозяевами в городах.

Со второй половины XVII в. положение городов начинает ухудшаться. Уложение 1649 г. окончательно прикрепило крестьян, запретило крестьянскую торговлю, ограничило торговые привилегии стрельцов. Новоторговый устав 1654 и 1667 гг. отменил торговые льготы иностранцев. Все это делалось в ин-

тересах крупного купечества и дворянства, которое попрежнему сохраняло свои монополии. Беспрерывные войны, непосильные налоги привели к денежной инфляции, обесценению медных денег. Война Голландии с Англией в 1652—1654 гг., затем участие Голландии в войне Испании против Франции в 1667-1668 гг. подорвали внешнюю торговлю России, пассивный торговый баланс заставил увеличить налоговое бремя.

Тяжесть налогов и обесценение денег иллюстрируется следующими данными: в конце XVI в. на соху (400 дес. земли) падало несколько десятков рублей разных налогов, в первой половине XVII в. — несколько сот рублей, а в третьей четверти — тысячи рублей.

С марта 1658 г. до июня 1662 г. курс рубля упал на 1400%, цены на предметы первой необходимости возросли с неимоверной быстротой. О недоборах на откупах и таможнях, обнищании, неимоверном налоговом гнете, разорении и голодной смерти доносили со всех концов страны. Массовое разорение волжских судовладельцев увеличило безработную армию бурлачества и т. п. голытьбы. Все это должно было обострить классовую борьбу в городах.

Союзником мелкой городской буржуазии в борьбе с феодально-крепостническим государством явились народы колоний.

НАРОДЫ КОЛОНИЙ ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ КОНЦА XVI И НАЧАЛА XVII вв.

Правительство воспользовалось разгромом крестьянских и национальных движений для широкого наступления на народы колоний. Территория черемис-мари, мордвы и чуваш была окончательно завоевана, но правительство еще не чувствовало себя уверенным на границах Замосковного края.

Для того чтобы укрепить опорные пункты, проводится ряд «сторожевых черт», т. е. пограничных укреплений. Земли националов захватываются государством, помещиками и монастырями. Обычно государство всю землю националов объявляло своей собственностью. Помещики получали землю за службу, «заслуги», самовольно захватывали или покупали ее за бесценок. Наиболее крупные земельные пожалования доставались монастырям. Нищие и убогие «святители» «наглостно», по выражению крестьян, выживали своих соседей крестьян и «инородцев». История монастырского землевладения есть история уничтожения, вымирания и изгнания ряда восточных племен и наро-

дов. Уже в XVII в. правительство принимает ряд мер для того, чтобы не дать возможность возникнуть промышленным центрам в колониях: уничтожаются ремесла и промышленность националов, ярмарки переносятся в пункты, населенные русскими, «инородцам» запрещается въезд в города, запрещается иметь при себе оружие и т. д.

Колонии, как источники сырья, играли большую роль в экономике государства. Уже в XVII в. правительство осознало значение Урала, где производились многочисленные разведки. Для того чтобы нераздельно господствовать в Сибири и подчинить себе Урал, правительство должно было укрепиться в промежуточных районах между Волгой и Уралом, Доном и Волгой. Крупнейшие города — Нижний-Новгород, Казань и Астрахань стали крупными форпостами для наступления на «инородцев».

В Нижний-Новгород, лежавший на границе метрополии и колонии, стекались товары: западно-европейские — через Архангельск, Москву и Ярославль, среднеазиатские — через Астрахань, сибирские — через Казань. В XVII в. Нижний-Новгород отвоевывает себе видное место в хлебной торговле. Жизненное значение Казани поддерживалось ее торговыми сношениями с Приуральем и Сибирью. В 1699 г. упраздняются таможенные заставы как в самой Казани, так и в пунктах, расположенных выше и ниже города.

Астрахань была центром торговли с тогдашним Востоком — с Персией и Средней Азией. На рынках Астрахани встречались купцы почти всех народов России, Западной Европы и среднего Востока.

Большое торговое значение имел район р. Суры, которая протекала через Симбирский, Саратовский, Пензенский, Казанский и Нижегородский края. Такую же роль играл район р. Цны, левого притока Мокши, протекавшей через ряд национальных районов. Мокша служила водным путем для оживленной торговли между юго-востоком и центром государства. Хлеб и прочее сырье этих районов вывозилось в метрополию и в Западную Европу.

Правительство принимает ряд мер для того, чтобы выжить националов из этих крупных торговых пунктов и сосредоточить посредническую торговлю в руках великорусского купечества. На помощь великорусскому феодалу и купцу приходит церковь при помощи армии миссионеров. После разгрома крестьянских движений усиливаются в национальных районах феодальные элементы: так, например, вокруг Казани возникает ряд новых

крупных монастырей (Воскресенский, Макарьевский, Семиозерный и т. д.).

Миссионерская деятельность церкви иллюстрируется следующими данными: рост церквей Замосковного края (за 1628—1657 гг.) равен 100:140, в средневолжских районах разинщины — 100:196, в нижневолжских районах — 100:305. Националы не оставались безучастными зрителями миссионерской пропаганды. В 1656 г. мордва оказала вооруженное сопротивление архиепископу Мисаилу, миссионеру среди националов Тамбовского района. Мисаил попытался сначала крестить Касимовского царевича Сейд-Бурхана и его родственников. Приняв после большого упорства православие, Сейд-Бурхан «послал разрушить все мечети». А так как царевич владел вотчинами в Тамбовском районе, то его обращение было первым подготовительным шагом для дальнейшего активного наступления.

Из сел Шацкого уезда Мисаил избрал станом своей миссии дворцовое село Конобеево (центо активных действий красных в разинщине). К «присуду» (району) этого села принадлежало несколько окрестных деревень, где в большом количестве жила мордва. В Ининой слободе собралось человек «с 200 и больше на лыжах с оскольем и рогатины и с луки и с топорками». В заявлении правительству мордва указывала на свои бытовые условия, при которых «им христианской веры не сдержать». «Мы ходим в дальние вотчины — писала мордва — по лесам на Хопер и на Ворону, едим всякое звериное мясо; жены наши русским языком говорить не умеют».

Скоро Мисаилу сообщили, что тамбовская мордва Верхоценской волости сама желает принять православие. Существенным мотивом, расположившим мордву к христианству, было ее опасение потерять свои старинные бортные владения по рекам Хопру, Вороне, Цне, Челновой и др. С построением Тамбова, Козлова и др. городов мордовские владения стали переходить в руки монастырей и помещиков. В 1666 г. «новокрещенные» Троицкого монастыря (Тамбовского уезда) показали, что их насильно обратили в православие. В 1655 г. Мисаил сообщил, что он насильно крестил 4 тыс. мордвинов в Шацком уезде, но продолжить свою затею он не смог, так как был убит восставшей мордвой.

Мордва не была исключением. Огнем и железом обращали в православие чуваш, татар, марийцев и т. д.

Одновременно правительство насаждало в колониях новых феодалов — великорусских помещиков или же иногда помещиков из среды татар. Некоторые немногочисленные группы татар полу-

чали дворянское звание, наделялись землей и пользовались особыми привилегиями, и в борьбе с революционным движением эти группы часто служили опорой правительства.

В конце XVI и начале XVII вв. вырабатываются те методы колониального грабежа и система управления колониями, которые просуществовали до революции 1917 г. Насаждение великорусского крупного феодального землевладения, разгром промышленности колоний, налоговый гнет, миссионерская деятельность, запрещение родного языка — все эти элементы вошли в практику колониальной политики царизма.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

После подавления крестьянского движения в начале XVII в. наступает относительное затишье до конца 30-х гг. Затем поднимается волна восстаний в городах — Москве, Пскове, Великом Устюге, Томске и т. д. Везде восстания имеют один и тот же характер. Мелкая буржуазия городов, — ремесленники, мелкие торговцы, «бобыли» и вообще городские низы, — выступают против крупного боярства, купечества и откупщиков. Восстания были вызваны тем, что крупные бояре и купцы, благодаря монополии и привилегиям, разоряли мелкую буржуазию. Кроме того, города конца первой половины XVII в. стали переходить из ведения монастырей и патриарха в распоряжение государства. Этот переход был связан с лишением льгот, которыми пользовались города, с закрепощением значительных групп городского населения и с переводом крестьян с посадов в деревню, где они также закрепощались. Одновременно с восстаниями в городах происходили и национальные движения в колониях.

Восстание в Томске в 1637-38 гг. имело характер обычного колониального движения. Восставшие в своих декларациях указывали, что все законные и незаконные поборы обходятся остякам так дорого, что для уплаты пушнины они должны были «жен и детей своих продавать и закладывать». Князь Иван Ромодановский положил лишнюю «тягу» на весь уезд: он велел доставлять в ясак «соболи с пупками и с хвостами, а лисицы — с лапами, и от того-де они разорились».

В 1639 г. в Москве узнали о большом движении в Якутии: якуты и тунгусы «многих русских промышленников побили». Титко Евдокимов «чинил оружие и обучал тунгусов стрелять по русским людям». В 1642 г. была охвачена восстанием вся Якутия; якуты протестовали против грабежа московской бюрократии

и колонизаторов, спаивавших и разорявших население. Нравы московских «промышленников», приезжавших за пушниной, изложены якутами в одной жалобе: приезжавшие промышленники задалживали всех «пашенных крестьян», у которых они насильно отбирали «всякие хлебные запасы за долг дешевой ценой». Эти же хлебные запасы они продавали в Якутском остроге «по своей мере дорогой ценой». Кроме этого, «промышленники» у якутских людей и их улусных людей увозили «тайным обычаем жен, детей и дочерей безъявочно» и продавали их в России в качестве крепостных. Институт работорговли царское правительство поддерживало в Якутии в течение XVII—XVIII вв. Якутский воевода Петр Головин подсылал по всем избам слушать ночью под окна «для того, чтобы узнать, кто что говорит для того, чтоб ему, Петру, во всех домах что делается было ведомо». «Шептуны» немедленно арестовывались и высылались в Россию. В 1645 г. воевода Петр Головин приступил к переписи якут для того, чтобы заставить их выполнять ясачные сборы. Воевода был недоволен тем, что многие «скотные якуты» не вносят ясак. Якуты отказались от переписи, «всех боярских и служилых людей перебили» и организовали большой вооруженный отряд. Петр Головин действовал по инструкции из центра, которая гласила: «улусных людей смирить и привесть под государеву царскую высокую руку в прямое холопство навеки неотступно». В 1648 г. правительство отправило в Якутию карательный отряд, который «огненым боем» должен был расправиться с якутами. В 1649 г. тунгусы жаловались на русских «промышленных и торговых людей», хищнически уничтожавших соболей. Они были недовольны воеводой Головиным, который «своей жесточью» чрезмерно обложил их. Воевода так ограбил якутов, что им «полново ясаку платить и взять негде». Правительство не обратило внимания на жалобу и предложило: «ясак собирать попрежнему бес поноровки».

Каковы были лозунги восставших? В 1642 г. боярский сын Парфен Ходырев выдвинул следующую программу действий: «платить худой ясак и неполный, уничтожить русских и зажечь острог». В программе переводчика Кузьмы Туркина имеется специальный пункт об необходимости убивать царских переписчиков. Более развернутую программу действия мы находим у Ивашка Жиркова: он предложил якутам конфисковать «государево стадо», бежать на Алдан, строить там «избы каменные», драться с русскими и совершенно отказаться от доставки ясаку. Восстание было подавлено при помощи артиллерии: «многих якутов побили», их имущество конфисковали и богатых купцов

взяли в качестве заложников. Якуты ответили бегством «в горы безвестные».

Наиболее ярким эпизодом является восстание туземцев в Сибири в 1662 г. Отряды восставших татар, башкир, мордвы и чуваш разорили все русские селения по р. Сылве (приток реки Чусовой) и сожгли Кунгур. Восстание подавлялось в одном конце государства и вспыхивало в другом. Волна восстаний покатилась по городам метрополии и колоний. Более серьезный характер приняло восстание в Москве и Пскове.

В Московском восстании 1648 г. принимала участие не только мелкая городская буржуазия, но и армия. От имени «всего народа» московское дворянство, городовые служилые люди, гости и торговые люди Москвы требовали «искоренения неправедного суда, смещения судей и, наконец, выборного суда». Общее собрание «всей земли» г. Москвы 10 июня 1648 г. требовало созвать Земский Собор. Правительство должно было выйти в отставку и произошла смена почти всех высших чинов администрации. Глава павшего правительства Б. И. Морозов, крупнейший феодал, был отправлен в ссылку, откуда он между прочим скоро вернулся и опять стал у власти. Были сложены недоимки с городов и уездов Новгородской Четверти за прошлые годы, а жители г. Арзамаса получили право беспошлинного въезда и рубки в лесах Б. И. Морозова.

Земский Собор был созван в 1648 г. «не по воле, боязни ради и междуусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради», т. е. под давлением народных масс. Созванный Собор оказался в руках помещиков; народные массы, боровшиеся за его созыв, только проиграли. Земский Собор принял постановление об окончательном закрепощении крестьян и о частичном ограничении прав церковно-монастырского землевладения. Городское восстание в Москве, закончившееся поражением, привело к укреплению позиции крупных крепостников и купцов.

Непосредственной причиной, вызвавшей восстание в Пскове в 1650 г., была спекуляция хлебом: правительство разрешило шведам закупить 20 тыс. четвертей ржи, но предварительно московские агенты скупили в Пскове хлеб с той целью, чтобы поднять на него рыночную цену.

Восставшие псковские низы арестовали представителя шведов, приехавшего за хлебом, и отправили в Москву делегацию с просьбой отменить вывоз хлеба из города. Восставшие псковичи, поддержанные новгородцами, арестовали представителей московского правительства, приехавших для расправы с «мятежом». Псковичи отправили в Москву вторую делегацию с обширными требованиями; делегация протестовала против дейст-

вий воевод, взяток, неаккуратной выдачи жалованья «служилым», игнорирования интересов псковского посада и в заключение требовала выборного суда. Московское правительство отклонило все требования делегации, но особенно резкий отпор встретила просьба о выборном суде.

Псковичи еще до получения ответа вооружились, создали собственную конницу и во многих местах город окружили баррикадами и укреплениями. Власть в городе перешла к выборному самоуправлению; из 16 человек революционного правительства трое принадлежали к духовенству, трое — к стрельцам, двое — к казакам, восемь остальных — к городской мелкой буржуазии.

В мае месяце правительство приступило к осаде и блокаде города. Во время осады города власть перешла к городским низам. Захватив власть, мелкая городская буржуазия конфисковала дворянские житницы и раздала армии хлеб. После поражения в июле месяце восстание вылилось в резню дворян, которые были обвинены в измене. Одновременно был арестован глава духовенства, архиепископ Макарий. Городские низы выступили также и против крупной городской буржуазии. Вспоминая в 1666 г. о псковских событиях, представитель правительства писал: «увидел я меж посадскими (городскими жителями) великие вражды». После трехмесячной осады Псков был взят; затем пошла обычная расправа с восставшими.

Движущей силой городских революционных движений были низшие слои городского населения и крепостные крестьяне. Савинка Коробин, предсказывая новый взрыв в Москве, говорил в январе 1649 г.: «а побивать-де мы станем не все сами, есть-де у нас много *ярыжек, которые у нас живут, от тех-де почин будет*». *Восставшая масса мелкой буржуазии не была в состоянии ни связаться с другими городами, ни найти союзника в лице крестьянства, ни выступить с широкими политическими лозунгами. Крупное купечество в союзе с дворянством без особых затруднений подавляло революционные выступления низов. Поражение городских движений привело к захирению городов; мелкая городская буржуазия тысячами убегала или ссылалась на Дон и Волгу. Города на очень долгое время были совершенно обескровлены.*

Дон, переполненный *бывшими* крепостными крестьянами и беглыми, пытался продолжить то, чего не удалось совершить мелкой городской буржуазии в восстаниях 1648—1650 гг.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗИНЩИНА
(1666—1672 гг.)

Дворянско-буржуазные историки создали и поддерживали легенду о «тишайшем» царе Алексее Михайловиче. Современники писали иконы «с Алексея, человека божия», а историки культивировали легенду о «тихом нраве царя». «Алексей, человек божий», почти в течение полвека был занят подавлением революционных движений. Кроме того, он порвал дипломатические и торговые сношения с революционным правительством Кромвеля и пытался организовать «крестовый» поход против английской революции.

Восторгаясь «тихим нравом» царя, дворянско-буржуазные историки в то же время не мало потрудились для того, чтобы извратить историю разинщины и дискредитировать это движение. От них мы только узнали, что Разин — изверг, разбойник, пьяница, утопивший персидскую царевну. Вопреки всей фальсификации, Разин, по выражению Пушкина, стал «подлинной поэтической фигурой русской истории». До чего он был популярен среди казачества, видно из того, что в 1919 г. даже деникинцы присвоили одному своему отряду имя Степана Разина.

Разинщина — название очень условное; революционное движение крестьян и казаков, известное под этим названием, началось гораздо раньше появления самого Разина и окончилось позже его казни. Наиболее серьезное движение происходило в тех районах, где самого Разина даже не было.

Разгром городских и национальных революционных движений не мог не усилить бегство крестьян на окраины государства и в колонии. Поражение восстания на Украине в 40—50-х гг. усилило бегство украинцев на Дон и в Слободскую Украину; в 60-е гг. XVII в. бегство еще более усилилось. В это время

дороговизна достигает неимоверных размеров. В течение 1665—1666 гг. цена медных денег упала в несколько сот раз; правительство принимало от населения только серебряные деньги, выдавало же только медные. Голод охватил ряд районов.

КАРТА ДВИЖЕНИЯ РАЗИНЩИНЫ.
(Составл. К. В. Кудряшевым)

Движение началось на Дону в 1666 г. Задолго до начала восстания в Москву доносили о том, что на Дону большое брожение. Буржуазные историки изображали выступление казаков как обычное разбойничье движение, что делалось в целях дискредитации революционного движения. Мы помним, что дворянство рассматривало революцию 1905 г. только как бандитское движение.

ПОРТРЕТ РАЗИНА

ВОССТАНИЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Разинщина была организована лучше, чем принято думать. В 1661 г. Разин ходил «молиться» в Соловецкий монастырь. Это паломничество было обычной разведкой: в это время монастырь готовился к восстанию против Москвы. Официальные документы подтверждают, что соловецкое восстание (1667—1676 гг.), организованное «трудниками» (т. е. трудящимися монастыря), обошлось не без участия разинцев. Соловецкие по-

СТЕПАН РАЗИН

пы на допросах показали, что на Соловках только тогда начались «самые поганые и богомерзкие дела, о которых не только писать, но и мыслить немочно», когда к ним пришли представители от Разина — участники движения на Волге. Главную роль в соло-

вецком восстании играли «трудники», трудящиеся, среди которых было много вольнонаемных рабочих. Соловки были богатой торговой колонией конца XVII в. и вели большую торговлю солью, экспортируя ее на внутренние и иногда на внешние рынки. Соловецкий монастырь был так богат, что он запасся хлебом и солью на десять лет и был в состоянии долго выдерживать осаду. Монастырь выступил против Москвы по тем же самым причинам, по которым выступала мелкая буржуазия городов метрополии и окраин, т. е. потому, что Москва ограничила торговые привилегии духовенства, пыталась ограничить его свободу торговли и облагала его большими налогами; трудники же протестовали против попыток превратить их в крепостных.

ОТРЯД ВАСИЛИЯ УСА

Второй серьезной разведкой разинцев была попытка донского казака Василия Уса поднять рабочих Тульской крепостной мануфактуры для удара на Москву. Василий Ус, позже игравший большую роль в среде восставшего казачества, был популярен на Волге. Его хорошо знало астраханское казачество, с которым он организовывал партизанские отряды в 40—50 гг. XVII в. В 1666 г. Ус организовал отряд в 800 человек и направился через Воронеж на Тулу. На запрос правительства о целях отряда Ус ответил, что он идет затем, чтобы узнать, где служить. Эта «справка» оказалась очень подозрительной. Тула уже была переполнена беглыми помещиками, которые почувствовали передвижение этого отряда. Рабочие тульских и каширских железоделательных заводов не поддержали Уса. Разрозненные единичные выступления рабочих не имели большого значения. Ус не решился дать боя и отступил на Дон, почти не будучи наказан правительством. Этот факт заставляет думать, что инициативная группа повстанцев организовала разведку для того, чтобы решить, куда направить удар. Когда восставшие убедились, что их попытка не увенчалась успехом, они повернули по пути наименьшего сопротивления — по Волге в Персию.

ПОХОД В ПЕРСИЮ

Казаки шли в Персию не только грабить; они шли туда для того, чтобы там поселиться, но, натолкнувшись на сопротивление персов, открыли военные действия. Буржуазные историки рассматривали поход в Персию как чисто разбойничье мероприятие; между тем это было не так. Казаки освободили в Персии значительную группу русских и украинских пленных и ув-

лекли с собой в Астрахань отряд персидской бедноты. Поход в Персию дал Разину некоторые материальные средства—деньги, оружие и проч.[1]. Вернувшись в 1669 г. на Дон в Кагальник, Разин приступил к организации похода на Москву.

Казаки выбрали обычный волжский путь. «Протокол» круга показывает, что восстание уже с первых дней отличалось своей организованностью; революционная армия делилась на кавалерию, пехоту и многочисленные отряды на стругах.

ПОХОД НА МОСКВУ

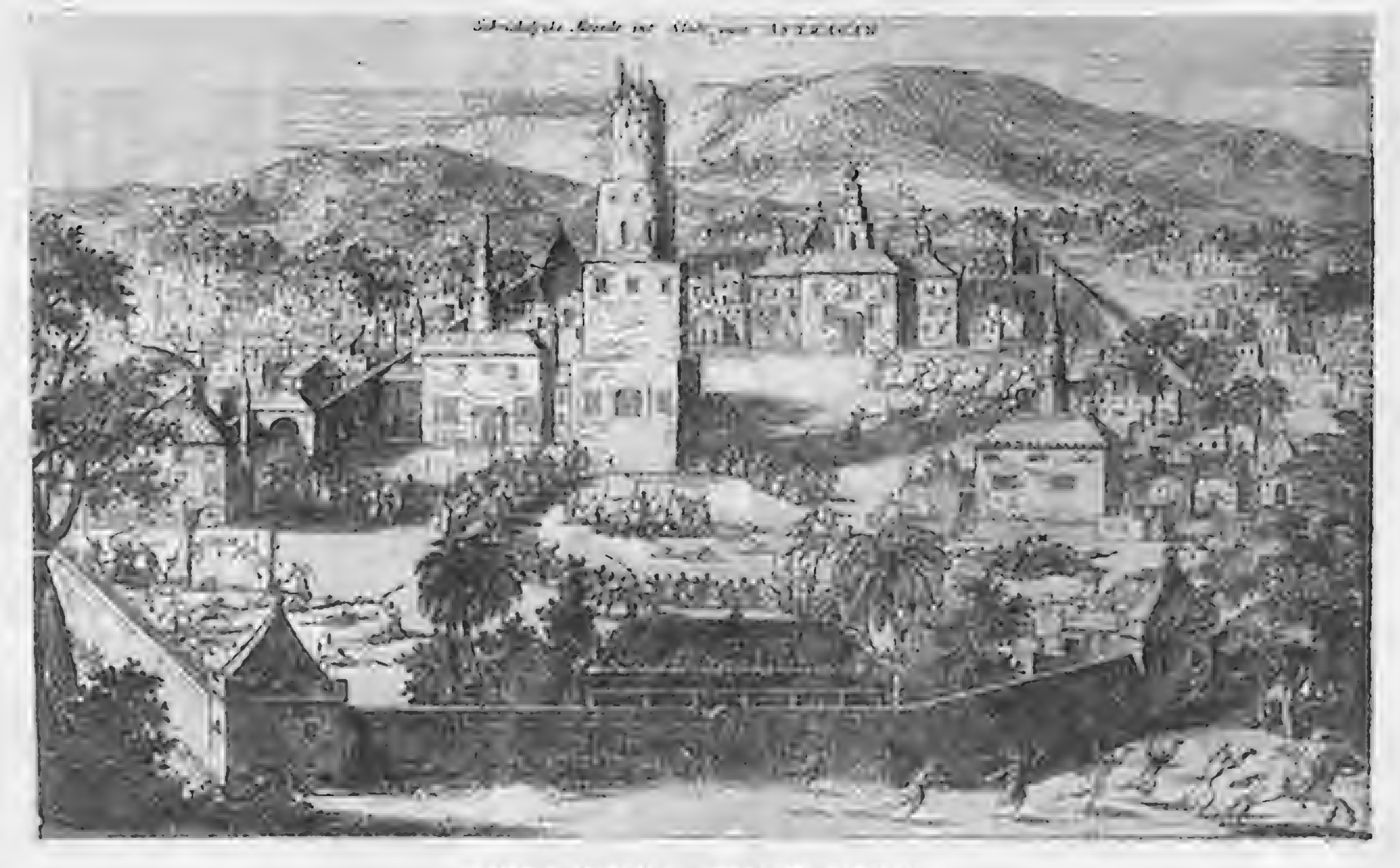
24 июля 1670 г. разинцы захватили Астрахань. Вот как иностранный очевидец Стрюйс описывает захват Разиным Астрахани: «Явился флот, состоящий из 80 судов. Сначала не верили, чтобы это был флот Разина, так как у него было мало времени снарядить его; но скоро убедились, что это был именно он, и, судя по виду его флота, можно было думать, что у него нет намерения возвратиться, ничего не совершив. Весь экипаж был в полном порядке, а каждая лодка была снабжена камнеметными мортирами и хорошими воинами, жаждущими добычи и с нетерпением ищущими удобного случая для выполнения своего замысла. Между тем начальник их не позволил им сделать ни одного нападения на неприятеля с единственной целью узнать положение дел в Астрахани. С своей стороны, воевода ожидал судов, посланных ему царем, без чего не решался что-либо предпринять. В то время Разин через своих шпионов узнал обо всем, что делалось, и так расположил умы в свою пользу, что нисколько не боялся приготовлений, предпринимаемых против него. Когда ожидаемые суда приплыли, воевода с полной уверенностью послал их против неприятеля, который вовсе не испугался их, а выразил удовольствие. В Астрахани воображали, что одной тени этого флота было достаточно, чтобы обратить Разина в бегство или тотчас же погубить, если бы он дерзнул выждать его. В самом деле, царский флот состоял из гораздо большего числа судов, нежели у Разина, да на них было 6 тыс. хороших воинов, которые без сомнения разбили бы его, если бы дело дошло до боя, но находчивый Разин прибегнул к хитрости, которая и удалась ему. В его шайке было множество преданных ему москвитян, которым он предложил про-

---

[1] Московское правительство, между прочим, отказалось возместить персам убытки, причиненные им разинцами, т. к. это «божье дело». Персы же резонно отвечали, что «это учинилось не от бога, а от холопов великого государя».

браться к врагам и обещать им все, что они пожелают, лишь бы они приняли его сторону. Так как те искали только случая оказать ему одолжение, то бросились туда, куда он посылал их, и подкупили воинов, которые изрубили старших начальников и предали ему остальных вместе с судами. Новый властелин принял их необыкновенно ласково, велел им выдать жалованье за два месяца вперед и произнес перед ними такую речь: «Наконец, друзья, вы свободны, а ваш поступок избавляет вас от притеснений господ. Ваши мученья так жестоки и тяжки, что нужно удивляться, как вы столь долго переносили их и не тяготились ими. Но правосудие господне избавило вас от них: его тронули ваши слезы. Он послал вам освободителя, избавившего вас от гнета, под которым вы стонали; он будет любить вас, как детей своих, и заботиться о вас, как отец. В благодарность за это я прошу у вас только искренней любви, непреклонной верности и непоколебимой твердости против коварства ваших врагов. Бог отдал вас под мое покровительство для того, чтобы уничтожить их. Помогите моим усилиям и верьте в счастливое окончание начатого». После этих слов москвитяне, тронутые щедростью, поклялись ему в том, что готовы следовать за ним всюду, что усердно и вечно будут служить и на самом деле докажут ему, каких слуг он приобрел. Слова эти сопровождались одобрением всего войска и общим криком: «Да здравствует князь! Да здравствует наш отец! Да поможет ему бог уничтожить всех мучителей!» Таким способом, привлекая при всяком удобном случае простых воинов, он был так любим ими, что они исполняли любое приказание его с радостью да еще разглашали везде, что он был единственный в мире человек, который достоин такого повиновения. Слух об его снисходительности к ним так быстро распространился, что менее нежели в пять дней он приобрел войско в 27 тыс. человек. По дорогам встречались толпы холопов и крестьян, шедших к нему. Только и речи было, что об истреблении дворян: каждый крестьянин, каждый холоп умерщвлял своего господина и приносил его голову Разину, который хвалил и награждал их с целью поощрять очищение земли от подобных чудовищ (так называл он дворян). Таким образом, поместья пустели. Так как благородное происхождение считалось главным преступлением, то дворяне должны были и для сохранения жизни спасаться в городах в холопском платье».

Поручив захваченную Астрахань атаману Василию Усу, Разин в конце июля 1670 г. направился из Царицына вверх по Волге. Саратов и Самара сдались ему без сопротивления. В начале сентября Разин вел упорные бои за овладение Симбирском. Хотя

ВЗЯТИЕ АСТРАХАНИ СТЕПАНОМ РАЗИНЫМ
С английской гравюры

в двух сражениях разинцы потеряли много убитых и раненых, но всетаки они оказались сильнее правительственных войск. Под давлением разинской артиллерии белая армия отступила к пригороду Тетюши с намерением соединиться с казанским воеводою Урусовым. Белая армия в течение 15 дней не имела возможности соединиться с Урусовым или получить от него помощь: все дороги на Казань находились в руках разинцев. Силы повстанцев увеличивались с каждым днем и достигали 20 тыс. вооруженных крестьян и националов. Узнав о прибытии к Симбирску помощи белым, Разин отобрал из своего войска лучшую часть— донских и симбирских конных казаков, перешел с ними реку Свиягу и напал на белых. Многочисленные кровавые схватки 3 октября 1670 г. закончились поражением разинцев. Даже, когда разинцы были разбиты под Симбирском, «крестьяне, чуваши, мордва и татаровя» открыли энергичные партизанские действия. Даже после бегства Разина на юг, вниз по Волге и на Дон, около Симбирска долго оперировали большие партизанские отряды. Восстание от Симбирска шло по Казанскому, Симбирскому, Пензенскому, Тамбовскому, Нижегородскому, Воронежскому районам и Слободской Украине; на севере восстание охватило Унжу и Ветлугу; оно нашло отклик даже в Коломенском уезде, Московского района.

В начале октября 1670 г. красные захватили два крайних пункта: Козьмадемьянск и Керенск. Козьмадемьянск открывал дорогу на Казань, на нагорную и луговую сторону Волги, и давал возможность угрожать Нижнему-Новгороду.

Керенск открывал дорогу в Рязанский район, т. е. вглубь метрополии. Разинские вожди Михаил Харитонов и Василий Федоров прибыли из армии Разина, стоявшей под Симбирском, прошли всю сторожевую черту и, захватив пограничный город Керенск, пытались поднять весь пензенский район. Из Керенска Харитонов и Федоров захватывают село Конобеево, откуда они хотели наступать на Шацк и Рязань. Бои на реке Цне и севернее, на реке Оке показывают, что красные стремились укрепиться на границе Тамбов—Козлов—Шацк—Темников—Арзамас. Эта укрепленная линия дала бы им возможность отстоять свой тыл между Волгой и Окой. С другой стороны красные действовали на линии Галич—Унжа—Козьмадемьянск—Ядрин—Курмыш—Алатырь—Усть-Узень. Здесь они пытались удержать в своих руках Суру. Поэтому ожесточенные бои шли на юге под Пензой и на севере у Курмыша и Ядрина. Восточный фронт красных в начале ноября был ослаблен падением Цывильска и Васильгорода. На этом фронте держался еще Ядринск, который уже не мог играть большой роли. Крепче держался западный

фронт восставших, в особенности Тамбовский участок фронта. Красные неоднократно пытались прорваться к Арзамасу, где находились главные силы белых, но эти попытки не дали положительных результатов. Красные пытались окружить Нижний-Новгород и Казань, хотели прорваться на Москву по Шацкой дороге. Разинцы не были в состоянии разгромить крупные неприятельские силы, собранные в Арзамасе, Нижнем-Новгороде и Казани.

Из-под Симбирска Разин ушел на Дон в город Кагальник. где после двухдневного боя 14 апреля 1671 г. был взят в плен и выдан Москве. После гибели Разина, Астрахань все еще находилась в руках восставших, под руководством Уса, который вместе с Шелудяком организовал новый поход на Симбирск. 29 мая 1671 г. революционная армия под руководством Шелудяка приступила к осаде Симбирска. В тот же день пришел следовавший за Шелудяком от Симбирска вспомогательный отряд в тысячу конных и пеших солдат; вслед за тем подплыла целая флотилия в 370 стругов с восставшими казаками из Астрахани. Красного Яра и Царицына. Революционная армия держала Симбирск целую неделю «в крепкой осаде». Но правительственная армия, состоявшая из наемных иноземных войск. разбила Шелудяка и загнала его в Астрахань, где он защищался до последней возможности, но царская армия одержала победу, и в ноябре 1671 г. Шелудяк вынужден был сдаться.

Осенью 1671 г. приехал на Дон представитель Москвы с жалованьем. Рядовые («молотчее») казачество обещало верно служить Москве, но «без крестного целования». Четыре дня по этому поводу продолжался казачий круг, который решил наказать смертной казнью тех, кто откажется от присяги, а их имущество «грабить». Для того чтобы показать свою верность, казаки должны были пойти на Астрахань, в то время находившуюся еще в руках Шелудяка. За время отсутствия Разина богатое («домовитое») казачество успело получить из Москвы значительную помощь и легко ликвидировало новую попытку выступить против Москвы и против нарождающегося донского помещика и ростовщика. После падения Астрахани, восстание было ликвидировано, хотя отдельные вспышки долго не прекращались.

УСМИРЕНИЕ ВОССТАНИЯ

На подавление революционного движения в короткий срок были брошены войска из сорока городов. Армия Юрия Барятинского, выступившая из Казани 15 сентября, к концу декабря 1670 г. очи-

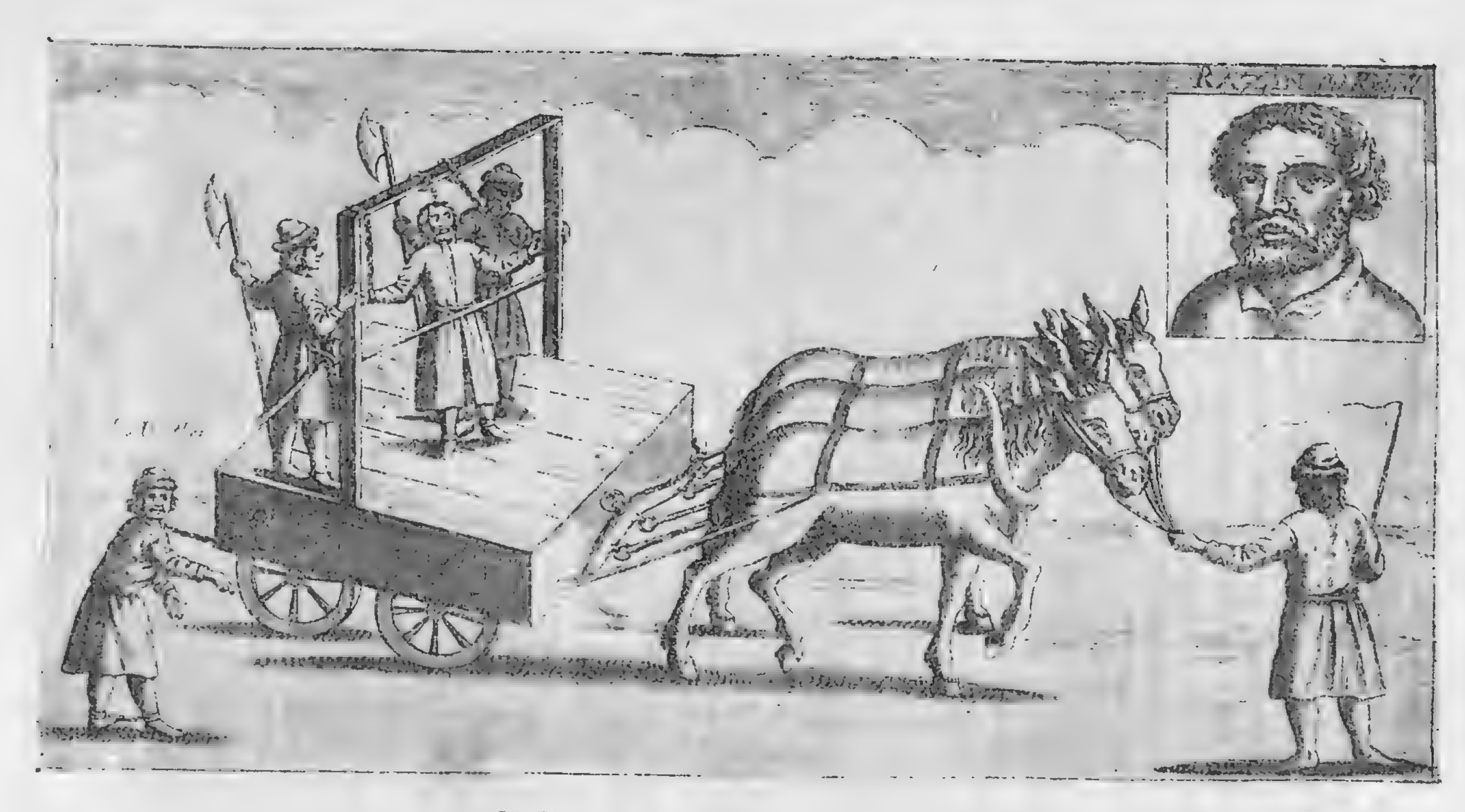
стила от восставших дорогу Казань—Симбирск—Саранск. Даниил Барятинский, посланный из Казани 17 октября по нагорной стороне Волги к Свияжску, Цивильску, Козьмадемьянску, к средине января 1670 г. справился со своей задачей — очистил дорогу от красных от Казани до Козьмадемьянска и освободил Козьмадемьянск. Обладание этим городом обеспечило правительству господство по обеим сторонам Волги. В Казанском уезде действовали 4 местные правительственные армии. Из Москвы были двинуты две армии на север — одна через Ярославль в Галичский уезд, вторая—через Юрьевец Повольский. Князь Юрий Долгорукий возглавлял крупную армию, сформированную из солдат сорока городов. Интересно отметить, что эта армия набиралась из городов, удаленных от района движения, так как вблизи лежащие города были заражены революционным движением. Армия Долгорукого была разделена на пять самостоятельных частей, которые действовали, главным образом, в Нижне-Новгородском и Тамбовском районах. Мобилизация таких крупных сил свидетельствует об огромном размахе революционного движения.

Расправа была беспощадная.

24 сентября 1671 г. Степан Тимофеевич Разин был приговорен к смертной казни. Приговор констатировал, что «вор, богоотступник, изменник Стенька Разин», забыл страх божий, изменил царю, «многие пакости чинил», «про спасителя нашего Иисуса Христа всякие хульные слова говорил, на Дону церквей божих ставить не велел», велел венчаться около вербы, многих «старых донских казаков побил до смерти и в воду сажал, в приказной палате государственные дела зжег», «такое надругательство чинил, чево нигде не ведется»... За такие «злые и мерзкие перед господом богом дела и за измену и ко всему государству за разоренье» бояре приговорили Разина «казнить злою смертью — четвертовать»...

Известие о разгроме разинцев обрадовало не только внутреннюю, но и международную контрреволюцию. Английский король Карл II в 1673 г. поздравил московское правительство, которое в 1655 г. помогло английской контрреволюции: Алексей Михайлович предоставил Англии заем в 40 000 р. пушниной. Московское правительство не могло забыть заявления Кромвеля о том, что дело Хмельницкого, вождя украинской крестьянской революционной армии в 1648 г., — дело английской революции.

Правительству удалось разгромить восстание, как уже было указано, не без участия наемных войск, среди которых были и англичане. Своя армия была совершенно ненадежна и не пользовалась симпатией населения: «где скажут великого госу-

СТЕПАН РАЗИН НА ПОЗОРНОЙ КОЛЕСНИЦЕ
С гравюры современника

даря войско побили, люди тому радовались, а как скажут, что воров великого государя ратные люди побили, и люди станут унылы лицом и печальны о воровской погибели». Между помещиками и воеводами происходили разногласия по поводу методов усмирения. Воеводы настаивали на большем числе казней, а помещики — на большем обращении пленных в крепостных. За каждую победу усмирители восстания награждались тысячами десятин земли, добавочным жалованьем, крепостными крестьянами и имуществом усмиренных.

У нас имеются данные об усмирении разинцев в двух пунктах: в Верхоценской волости, Тамбовского района, и в селах Лыскове и Мурашкине, Нижегородского района. В Верхоценском районе из 3 507 домов сожгли 679, т. е. больше 20 процентов; из 8 877 людей погибло 2 571, т. е. больше 30 процентов. По данным 1674—1675 гг. разыскано было беглых из Лыскова 246 мужчин и 212 женщин, беглых из Мурашкина — 274 м. и 225 ж. Из этих двух сел разбежалась *значительная часть взрослого населения*. Кроме того, 151 двор пашенных крестьян и 71 дворовое тяглое место были «выжжены в приход великого государя ратных людей». В Мурашкине были убиты и казнены 228 человек и с голоду умерло 29 человек. Белая армия не только казнила и сжигала деревни, но и реквизировала имущество крестьян: после переписи 1672 г. у мурашкинских крестьян осталось 155 голов скота, реквизировано же было 184 головы скота!.. Уцелевшие жители ютились «в шалашах и земляных ямах». В 1670 г. «лавки, амбары и полки пожжены без остатку». Торговое село Мурашкино было разгромлено. Во время восстания сгорели все кузницы, а «тех кузниц кузнецы побиты и померли, а многие сбежали безвестно». У «пашенных людей» не было хлеба; у 1 292 дворов из 2 224 «налицо ржаного и ярового хлеба» не оказалось, из 14 вытей запустело 13[1]. Книга по селу Мурашкину так и пестрит сообщениями: «место пустое», «кормитца в мире», «скитаетца в мире», «за бунтовство казнен смертью», «от ратных людей убит под Мурашкиным», «бежал с воровскими казаками», «пропал безвестно», «живут в яме», и т. д.

Но и восставшие не оставались в долгу. Недаром в «памяти веков» сохранилась «чудодейственная» сила разинцев: они уничтожили буквально все помещичье население ряда поволжских губерний.

---

[1] Выть—мера, колебавшаяся, в зависимости от района и почвы, в пределах от 8 до 15 десятин

КАЗНЬ СТЕПАНА РАЗИНА
С гравюры современника

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О РАЗИНЩИНЕ

Жесточайшая классовая борьба не забывалась в течение столетий, и это нашло отражение в народных песнях о разинцах. Современный исследователь сообщает, что границы распространения песни о Разине очень широки. Для записанных песен самым западным пунктом является Смоленская губерния; на восток песни распространяются далеко в Сибирь, вторгаясь в Томскую и Енисейскую губернии и Якутскую область; на севере песни о Разине имеют границей Белое море и далее — Сев. Ледовитый океан; на юге — Терскую область и Астраханскую губернию.

Народные песни изображают чудодейственную силу повстанцев следующим образом:

И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте:
Меня пулечка не поражает, меня ядрышко не возьмет.

Авторы этих песен приписывают крестьянскому движению скорее то, что им хотелось видеть. В этих словах, однако, было не мало правды: правительству дворян и крупных купцов пришлось потратить не мало усилий для того, чтобы подавить восстание.

ВОЖДИ ДВИЖЕНИЯ

Что собой представляли вожди движения? К сожалению, до нас пока не дошли биографические сведения о Разине; до восстания он был казацким старшиной, вел, по поручению правительства, переговоры с калмыками. Вожди восстания — бывалые люди того времени: это беглые крестьяне, страдавшие в крымском плену на каторге, убегавшие из плена и «гулящие» на Волге.

Из разинских полководцев выделяется атаман Васька Федоров, донской казак, солдат Белогородского полка, который руководил военными операциями на большой линии Саратов—Пенза—Ломов—Шацк—Керенск и поднял на ноги все крепостное крестьянство этого района. Василий Ус и Федор Шелудяк, биографии которых неизвестны, были крупными организаторами; уже после казни Разина они действовали на среднем и нижнем Поволжье, где им вновь удалось поднять большую революционную армию. Летом 1671 г. — как уже было указано — Шелудяк организовал второй поход на Симбирск на 170 малых и великих судах. Будучи разбит, он все-таки удачно вел переговоры с пра-

вительственной армией; ему удалось выиграть время для отступления к Самаре. Главком белой армии за эти переговоры из Москвы получил выговор: нельзя было переписываться с «ворами», называющими царских воевод изменниками и обращающимися с боярами «не так, как винные добивают челом», т. е. как преступники, которые не раскаиваются. Федор Шелудяк пытался даже заключить союз с Крымским ханом.

Интересными фигурами являются агитаторы. Некий черный поп Феодосий был арестован в каком-то монастыре и доставлен в Москву; он оказался беглым крепостным крупного феодала Ромодановского. Феодосий «в моровое поветрие постригся в монахи». Из ссылки он бежал на Дон, откуда ушел в Киев молиться, но по дороге был схвачен и продан крымским татарам в рабство. Из крымского плена он опять бежал в Москву, а из Москвы — на Дон. У Разина он стал «духовным отцом» и был назначен попом в Астрахань[1].

Лазаря Тимофеева, переводчика революционной армии, «пытали накрепко и огнем жгли великое время, а он ничего не сказал». Фрол Разин, брат Степана, рассказал: «брат его, Стенька, все свои письма поклал в кувшин, засмоля закопал на острове реки Дона, на траве под вербою, а та да верба крива, около ее густые вербы». Такое показание, конечно, не дало никаких результатов. Василий Дьяволков, переписчик Разина, скрывался под фамилией Кудрявцева и не плохо конспирировал: при обыске у него нашли «воровское еретическое письмо» в тетрадях и «воровские» письма «промежу молитв».

Некоторыми отрядами руководили женщины. Об одной из них известны некоторые подробности: это Алена, «еретица», жена крепостного крестьянина, возглавляла отряд в Шацком уезде. Белые армии не могли ей простить такой дерзости: ее сожгли в «срубе» на медленном огне.

Угнетенные крестьянские массы выдвигали из своей среды талантливых руководителей, которые знали военное дело не хуже правительственных специалистов. Когда присматриваешься к карте движения красных войск, то поражаешься их правильными действиями. Такое расположение действующих армий требует знания местности, хорошо поставленной разведки, связи и знания противника.

---

[1] Черные попы были крестьянами: они уходили от мира в монастыри, чтобы спастись от закрепощения. Церковный собор 1667 г., осудивший раскол, потребовал возвращения этих «попов» своим помещикам.

ТАКТИКА РАЗИНЦЕВ

В борьбе с белыми разинцы пользовались военными спецами, прибегали к принудительной мобилизации населения и лошадей, ввели суровую дисциплину, наказывали дезертирство, применяли разведку, вступили в связь с восставшим Соловецким монастырем, подчинили своему центру местные армии, вели переговоры о союзе с крымским ханом, калмыками, персидским шахом и с вождями украинских революционных армий.

Повстанческий агитпроп действовал не плохо. Это видно хотя бы из того, что прокламации революционной армии охватывали большую территорию: они достигали Соловков, Карелии, Украины, Москвы и даже попали в Ригу.

Штаб разинцев разрабатывал план действия, рассылал агитаторов, назначал время для выступления, мобилизовывал население, организовывал принудительные работы, заранее подготавливал оружие и т. п. Все эти факты опровергают басни помещичье-буржуазных историков о «бессмысленном бунте».

Какие же задачи ставили себе участники движения? Кто был движущей силой разинщины?

ХАРАКТЕР ДВИЖЕНИЯ

В движении участвовали казаки верховьев Дона, закрепощенное крестьянство на правом берегу Волги, националы, гребцы волжских судов, бурлачество и рабочие поташных заводов. Последние действовали в Лыскове, Мурашкине, Арзамасском и Тамбовском районах. Все они стремились стереть с лица земли помещичий строй, т. е. *они боролись за свободное развитие непосредственного крестьянского производителя.* Плеханов был неправ, говоря, что крестьяне боролись за возврат к старым феодальным отношениям: *борьба велась не во имя облегчения налогового бремени, не за уменьшение размеров эксплоатации, а за радикальное изменение системы общественных отношений.* Уничтожая воевод и помещиков, восставшие вводили казачье устройство, т. е. управление, основанное на буржуазном равенстве. Казачий круг символизировал новые общественные отношения; в казачьем кругу не было сословных ограничений, не было крепостных: в нем господствовало только имущественное неравенство.

Было бы неверно отрицать, что в разинщине совершенно отсутствовали лозунги имущественного равенства: во всех движениях эпохи феодализма в Европе имели место элементы коммуни-

стических лозунгов. Они были и в разинщине; в ней большую роль играли огромные деклассированные массы городов и деревень, вольнонаемная рабочая сила и т. п. Представитель правительственной армии в одном «увещевании к ворам» должен был указать, что «раб не может быть боле господина», и это указание, вне сомнения, было ответом на лозунг об имущественном равенстве. Песня, записанная о Разине в 1878 г., в общем правильно характеризует движение на верхней Волге и Оке, под Нижним-Новгородом, где было много «голи кабацкой»:

Степан, батюшка,
Ходит бережком,
Зовет детушек,
Голых, бедных!

Вы слетайтесь ко мне,
Собирайтесь скорей,
Кто в нужде и труде.

Слеза горькая,
Слеза горькая
Глаза выела.

С вами горюшко я
Поразмыкаю,
По Руси пойду,
Бояр вытопчу!

Борьба голытьбы была направлена не только против бояр, помещиков, но и против кулаков, ростовщиков и крупной буржуазии городов. Кулачество с. Лыскова, стремясь подорвать торговое значение своего конкурента Макарьевского Желтоводского монастыря (где возникла знаменитая Макарьевская ярмарка под Нижним-Новгородом), жгло торговые и хозяйственные постройки и уничтожало рыбные ватаги. Одновременно беднота выступила против кулачества. Наиболее острой была борьба бедноты против кулачества в районе Галича, Унжи и Ветлуги на севере. Поэтому здесь кулачество активно поддерживает белую армию. В другом конце государства, в Астрахани, создается блок между городскими низами и купечеством. Астраханское многонациональное купечество было настроено революционно. В Астрахани революционная армия держалась дольше, чем в других районах.

В разинщине сильнее чем в пугачевщине было влияние и значение бедняцких групп. Но отдельные лозунги о равенстве еще не дают основания считать движение коммунистическим, как это пытались изобразить народники. Разинщина ничего общего не имела ни с социализмом, ни с коммунизмом: она была направлена против феодально-крепостнических

отношений, против господства помещиков и крупного привилегированного купечества.

Помещичьи имения, монастыри, церкви, кабаки, правительственные учреждения, тюрьмы, казармы беспощадно уничтожались. Рабочие сжигали будные станы(поташные заводы). Средняя и крупная буржуазия городов оказывала правительству активное содействие в борьбе с красными.

Большой размах движения в Окско-Поволжском районе объясняется участием чуваш, мари, мордвы, татар и т. д. Русские и националы действовали совместно, во главе национальных отрядов ставились русские руководители, также и во главе чисто русских отрядов часто стояли националы и т. д. Желая привлечь последних на свою сторону, разинцы упразднили «двор» для татарских заложников в Астрахани и вместе с «инородцами» уничтожали православные церкви. Помещик-национал также боролся с правительственной армией, но в этой борьбе он ставил себе совершенно другие задачи, он стремился к возврату утраченных и утрачиваемых им привилегий, между тем крестьянство боролось и против помещика-национала. При таких условиях здесь не могло быть речи о создании единого фронта; помещики-националы часто переходили на сторону белой армии. Здесь повторялось почти то же самое, что мы наблюдали в крестьянских движениях начала XVII в.

Меньший отклик движение нашло в Слободской Украине и на Севере, где было слабо развито помещичье землевладение. Кроме того, в Слободской Украине находилась большая правительственная армия, недавно разгромившая революционное движение на Украине.

Какой же характер имела разинщина? Историки Щапов и Костомаров, сторонники устройства государства на федеративных началах, видели в Разине борца за федеративные принципы. Этой цели восставшие себе не ставили. С одной стороны, восставшее крестьянство и мелкая городская буржуазия понимали, что не может быть речи об успешном исходе борьбы, пока не будет разгромлена Москва, а потому они направили все свои усилия на прорыв фронта правительственной армии, ограждавшей подступы к Москве. С другой стороны, восставшая масса была пропитана мужицким кретинизмом: крестьянская партизанщина в первую очередь освобождала только свои родные места. Ожесточенные бои под Симбирском, Пензой и Тамбовом не случайны: значительная часть казачества убежала или была сослана на Дон из этих районов. Мужицкий кретинизм выражается не только в раздробленных и локальных действиях; он состоит в том, что крестьянская масса не в состоянии преодолеть парти-

занщину и создать единый централизованный аппарат. Партизанщина имеет много положительных черт, если она опирается на регулярную армию, но, предоставленная самой себе, она неизбежно обречена на разложение. Октябрьская революция не победила бы, если бы большевики не создали регулярной армии, если бы красная гвардия не переросла в красную армию. Об этом приходится напоминать потому, что в некоторых новых работах о разинщине оспаривается локальный, ограниченный характер крестьянских движений конца XVII в.

Разин иногда выступал от имени царевича Алексея Алексеевича, сына царя Алексея Михайловича. Пугачеву был какой-то смысл выступать от имени Петра III, убитого фаворитами Екатерины II. Петр III был убит, между прочим, скоро после того, как им было несколько облегчено положение некоторых категорий монастырских крестьян. Рано умерший Алексей Алексеевич проявил себя тем, что во время отсутствия своего отца он издал некоторые законы против крестьян. Оценивая лозунги восставших, Плеханов в «Истории развития общественной мысли» говорит, что крестьянство боролось за реакционное дело. М. Н. Покровский совершенно иначе и правильно разрешает вопрос: какого царя хотели крестьяне? Они хотели, как известно, своего царя, который освободил бы крестьян и истребил бы помещиков. В то время, когда пугачевцы при всяком выступлении заявляли, что они действуют от имени Петра III, массы в период разинщины к этому совершенно не прибегали. Когда пугачевцы выступали из какой-нибудь деревни, жители знали своего деревенского вождя, своего «Ивана», который в десяти верстах от деревни превращался в Петра III. У разинцев этого не было; они не придавали значения этому факту. Слабость Разина состояла также в том, что он иногда выступал от имени Никона, бывшего патриарха.

Никон был представителем церковных феодалов, которые боролись со светскими феодалами за власть; он выражал взгляды и интересы церковных феодалов и за свою оппозиционную деятельность был сослан. Разин прикрывался именем этого видного оппозиционера, но Никон преследовал даже умеренное крыло раскола и огнем и железом боролся с революционным крылом раскольников, которые были в союзе с Разиным. В интересах Разина было показать, что вождь оппозиции находится вместе с восставшими [1].

---

[1] У Никона, повидимому, была неудачная попытка связаться с разинцами, действовавшими на севере.

Никон пользовался популярностью среди мелкой буржуазии: он был сторонником автономной украинской церкви и вел либеральную политику по отношению к повстанцам Новгорода и Пскова до своего назначения патриархом.

Раскол, как массовое религиозное движение, начинает развиваться только после казни Разина. Широкие народные массы не были в курсе религиозных споров. Они прибегали к раскольническим лозунгам, выражавшим протест против гнета феодальной церкви и государства. Энгельс указывает, что первые крупные общественные движения средневековья облекались в религиозную оболочку; религиозные лозунги еще не придают движению реакционный характер. Энгельс считает крестьянскую войну в Германии фактором революционным, хотя анабаптисты выступали под религиозными лозунгами, требуя второго крещения и т. п. Требования второго крещения и веротерпимости были направлены против господства католической церкви, монопольно владевшей землей.

РАСКОЛ

В разинщине и особенно в стрелецких движениях и в пугачевщине восставшие выступали с лозунгами раскольников.

Раскольники выступали с лозунгами, носившими чисто религиозный схоластический характер; эти лозунги имеют большое значение для понимания характера оппозиционных настроений мелкой городской буржуазии и крестьянства. Хотя раскольники выступали против церкви, но в действительности их выступления были направлены против крепостнической системы общественных отношений. Мы имеем в виду левое крыло раскола в XVII в. Правые раскольники XVII в., в лице протопопа Аввакума, требовали молитвы на родном языке, выборности духовенства, свободной иконописи всеми желающими, а не только по установленным правилам, проверенным квалифицированными писцами, отмены определенной формы одежды для духовенства и т. д. Эти требования, как видно, имели демократический характер. Само собой разумеется, что нельзя демократизировать церковные порядки, оставив незатронутой всю систему общественных отношений. Раскольники требовали, чтобы «лики святых» были худощавы и измождены; они не могли примириться с теми иконами, на которых изображаются феодалы-помещики в виде святых. Это требование было уже явно направлено против светских феодалов. Церковные же соборы осуждали тех иконописцев, которые создавали бога по образу и подобию мужика и требовали

МЕДАЛИ
НА ПРАВО НОШЕНИЯ
БОРОДЫ

В 30—60-е гг. XVII в.

от иконописи изображения феодально-помещичьего бога («толстобрюхих святых на иконах»).

Левое крыло раскола отрицало крещение, богослужение, церковный брак и т. д. Недовольство широких масс закрепощением, устранением прихода от выбора священника, крепостных — от должностей священника, вмешательством гражданской и церковной власти в частные и семейные дела, оформлялось вождями раскола в схоластических спорах о вере.

Раскольники боролись против новизны в церковной и светской жизни. Они были противниками исправленных богослужебных книг, новых церковных обрядов, стрижки бороды, новой бюрократии, реформированной армии и т. д. Эта борьба против новизны была направлена исключительно против византийских или западно-европейских новшеств, которые носили феодальный характер и были направлены против крестьянства. Феодально-крепостная Россия, быстрым темпом закрепощавшая крестьян, копировала общественные порядки Византии вплоть до византийских церковных обрядов и архитектуры. Идеологический багаж импортировался из Византии, страны закрепощенного крестьянства и крупного землевладения.

Раскольники одинаково боролись и против западных новшеств, которые фактически ничем не отличались от византийских. Усовершенствованные артиллерийские орудия и феодально-бюрократический строй удачнее осуществляли византийские идеи на московской почве.

Соглашательская группа протопопа Аввакума, объявившая борьбу официальной церкви и левому крылу раскола, выражала интересы средней торговой буржуазии. Главными противниками

патриарха Никона, представителя официальной церкви, были протопопы крупных соборов в Москве, Костроме, Муроме и Коломне, проповедь которых нашла отклик в торговых городах и селах Великороссии. Среди закрепощенных же крестьян пользовалось успехом левое крыло раскола, которое доходило до отрицания официальной церкви.

Раскольничьи идеи стали проникать в массу после разгрома Разина. Разгромленные, разбитые, отчаявшиеся крестьянские массы сжигали себя тысячами, морили себя голодом, скрывались в лесах. Реакция часто приводит к богоискательству и самоубийствам; разинщина не была исключением. Ведь пораженческие настроения после революции 1905 — 1907 гг. также привели к богоискательству и самоубийствам.

Самосожжение началось с 1672 г. в вотчинах боярина Морозова, где революционное движение подавлялось наиболее жестоко. Крестьяне этого крупнейшего феодала перестали посещать церковь, крестить детей и пускать священников «в домы свои ни с какой потребою». Они сжигали себя на соломе или взрывали себя порохом. Раскол, непосредственно после поражения Разина (поздний раскол имел реакционный характер) был пассивным протестом против существовавшего строя. После разгрома Разина Дон стал опорным пунктом раскольников, которые верили во второй приход Разина; он был для них не Стенькой, а Степаном Тимофеевичем, казацкие старшины беспощадно казнили того, кто таким образом «величал» убитого вождя.

В глубоких лесах Сибири, Урала, Нижегородского края возникло много раскольничьих общин, с которыми правительство вело неустанную борьбу. В это время, по мнению Н. М. Никольского, сложилась знаменитая песня:

Древян гроб сосновен
Ради мене строен!
В нем буду лежати,
Трубна гласа ждати!
Ангели вострубят,
Из гробов возбудят!
Я хотя и грешен,
Пойду к богу на суд.
К судье две дороги,
Широкие дороги;
Одна то дорога
Во царство небесное.
Другая дорога
В тьму кромешную

Раскольники, как и протестанты в Западной Европе, выдвигали из своей среды предприимчивую торговую буржуазию, которая скоро стала искать примирения с правительством. Раскольничьи лозунги в конце XVIII в. превратились уже в безжизненные схоластические споры о догматах веры.

Пугачева поддерживали преследуемые раскольничьи массы, скрывавшиеся в трущобах, лесах Иргиза Казанской губ. Пугачев

ЦИРУЛЬНИК СТРИЖЕТ БОРОДУ РАСКОЛЬНИКУ

Карикатура написана по распоряжению Петра I

перенял только один раскольничий лозунг: он жаловал бороду, т. е. разрешил носить ее, и на этот лозунг нашел отклик в сердцах угнетенной массы, которой ненавистны были порядки феодально крепостнического строя. Лозунги раскольнических групп, не связанных с пугачевским движением, в конце XVIII в., носили уже реакционный характер; один голый лозунг о возврате к старине, не подкрепленный активной борьбой, играл в руку царизму, крепко державшему крестьянские массы в темноте и примитивной крепостной хозяйственной обстановке.

ВОССТАНИЯ НА ДОНУ ПОСЛЕ РАЗГРОМА РАЗИНА

После разгрома разинщины начинается новая волна раскольничьих восстаний на Дону, где мелкие партизанские стычки не прекращались до разгрома булавинщины. В 1675 г. на Дону появился партизанский отряд Сеньки Буянки, который действовал в Козловском, Ряжском и других уездах. Центр действий революционных отрядов был перенесен на реку Медведицу. В начале 70-х гг. на этой реке, «в дальнем месте от реки Дону», на острове беглыми раскольниками был построен укрепленный горо-

док. Он притягивал множество беглых из украинских районов и был связан с отрядом Сеньки Буянки. Буянка был арестован за помощь городку. Из-за вопроса о его выдаче Москве опять разгорелась борьба между верховым и низовым казачеством. Первое протестовало против выдачи Буянки: «с реки Дону никаких людей не выдавали». Оно заявило, что Москве достаточно такой жертвы, как Разин; если казачество выдаст Буянку, то придется затем выдать головой все казачество и окончательно лишиться каких бы то ни было прав. Представитель низового казачества посоветовал казачьему кругу не ссориться с правительством «из-за одного человека». Верховые казаки ему ответили, что они, атаманы, продались Москве, от которой получают «ковши и соболи, а Дон после раззоряют». «Молотшие» казаки «матерно ругали» атамана и говорили, что они «де его на руку посаде, другою раздавят». Верховые казаки потребовали от Москвы, чтобы она убрала с Дону «мясников», т. е. «ратных людей»: на Дону «и без ратных людей войска много». После подавления разинщины это требование уже не могло произвести большого впечатления на правительство.

В связи с делом выданного Москве Буянки правительство вновь категорически потребовало беспощадной расправы с верховыми казаками, «пропойцами», которые идут «на Волгу для воровства». Но верховые казаки не сдавались: в 1677 г. они стали агитировать за созыв собрания в городке Паншине с тою целью, чтобы организовать нападение на московский военный городок на Дону, освободить мобилизованных стрельцов, заключить мир с Азовом и поднять на Москву Крым.

Происходившие события прошли не даром для верховых казаков: сейчас они пытаются выступить гораздо более организованно, чем в 1666—1670 гг., но они опоздали: Москва уже имела на Дону крепкий кулак. В 70-х и 80-х гг. район Дона и реки Медведицы был переполнен беглыми, которые «печатные книги, церковную службу и иконное письмо хулят, образом божиим не поклоняются». Допрошенное в 1675 г. казацкое начальство показало, что такие поселения на Дону начались после подавления Разина. В 1682 г. вылазка казаков Хопра и Медведицы окончилась неудачей: восставшие были разгромлены. Несмотря на это, раскольничий городок на реке Медведице держался в течение 13 лет: ни регулярная правительственная армия, ни казачьи отряды долго не могли его взять. В 1688 г. городок был осажден двухтысячной армией и «непрестанно» обстреливался из трех пушек и мелкого ружья. Повстанцы отвечали из двух деревянных пушек и мелкого ружья. В 1689 г. осаждавшая армия

отступила от города, оставив около него только «для осторожности казаков, сколько человек пригоже».

Восставшие выступали с раскольничьими лозунгами. У Васьки Кудрявцева, саранского жителя, сообщника «вора, еретика, изменника и богоотступника», друга Стеньки Разина, нашли письма, которые «восточная церковь не приемлет». Раскольничьи попы в своих молитвах за «великих государей и святейшего патриарха бога не молят и многих старых казаков перекрещивают, хулы возлагают на церковь божию и на христианскую веру». Кузьма Косой призывал к вооруженному восстанию против Москвы. Он проповедывал: «Христос велит землю очищать, мы не боимся царей ни вселенной, христианская вера вся отпала. Народ должен ждать через пять лет второго пришествия Христа». Кирюшка говорил перед казаками, что «не следует воевать с крымскими татарами: свои у нас горше Крыму», надо сперва избавиться от своих «крымцев», крымцы лучше, нежели наши цари на Москве». Казаки верховых городов без различия пола и возраста «яко звери и окаменелые сердцем» не подходили к кресту; если они подходили принужденно, то «нахлобуча шапки, а женский пол, закрываясь полотенцами, отбегали прочь».

В 1683 г. на Дону появились представители стрельцов, поднявших восстание в 1682 г., но им не удалось поднять казачество. Правительство немедленно сообщило на Дон о подавлении восстания стрельцов, поспешило выразить казакам благодарность за «верность» и предложило своему представителю «говорить атаманам и казакам не по один день прилежно и радетельно ласковыми разговоры» о немедленной выдаче стрелецкого агитатора, посланного на Дон.

Борьба на казачьих собраниях не прекращалась; «голутва» неоднократно срывала постановления атаманов. В 1683 г. атаманы низового казачества выдвинули новый проект: они предложили правительству упразднить Дон как место для ссылки. Они не ручались за порядок до тех пор, пока на Дону будут скрываться «раскольщики» и ссыльные из украинских городов. С другой стороны, правительство не пропускало в Россию и казаков.

Итак, в течение 70—80-х гг. активное раскольничье движение охватило весь Дон: повстанческие отряды вооружались на реке Медведице и в верховых городах, пытались связаться с московскими стрельцами и вновь повторить разинщину. Движение возглавлялось «черными попами», т. е. беглыми крестьянами и наемными чернорабочими, служившими на Дону. В 1682 г. в Москве восстали стрельцы. Городок на реке Медведице, оплот революционных отрядов, был разрушен только в 1689 г.

СТРЕЛЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ В 1682 г.

Из всех стрелецких восстаний наиболее крупным было восстание 1682 г.

Стрелецкое войско не было однородным целым; командный состав войска комплектовался из среды дворян, основная же масса стрельцов состояла из мелкой городской буржуазии. Последняя милитаризировалась, ограничивалась в политических правах, теряла свободу торговли и разорялась налоговой политикой. Восстание стрельцов началось как узко профессиональное движение солдат, недовольных выплатой жалованья и грубым обращением со стороны командования. Во главе государства стояли малолетние цари Иоанн и Петр, фактической же правительницей была их сестра, царевна София Алексеевна. Стрельцы не думали о свержении Софии. Они только добились того, что превратили войско в «надворную (т. е. дворцовую) пехоту». Летописец по этому поводу замечает: они «тщахуся безумные и глухие государством управлять».

В мае 1682 г. стрельцы организовали форменную резню московского боярства; московское крестьянство одновременно занялось разгромом двух важных государственных учреждений — судебного и холопьего приказов, которые регистрировали крепостных и задолженность крестьян.

Программа низов была изложена попом Гришкой, арестованным в 1682 г. Поп «предсказал» неминуемую гражданскую войну, во время которой будет истреблено все боярство: «и тогда восстанут народом, выберут себе царя из н а р о д а и будет тогда великое благоденствие».

Дворцовая пехота подобно придворной гвардии XVIII в., хотела держать власть в своих руках. В специальной грамоте от 6 июня 1682 г. были расширены права стрельцов. Жалованная грамота ограничила крайности приказного режима, представила некоторые элементарные гарантии правопорядка и обратила главное внимание на вопросы финансового управления. Эта «декларация» имела крайне умеренный характер.

В первые дни восставшие стрельцы обещали «уставить правду», освободить крестьян. По поводу действий холопов летописец пишет: они (холопы) у дворян деревни хотели отнять. Уже первые шаги нового правительства ярко характеризуют его социальную политику. Начальник стрелецкого приказа Иван Хованский, вождь восставших, ближайший приятель протопопа Аввакума, главы раскольников, освобождает стрельцов от несения ряда государственных повинностей, обещает выдать им жалованье и покрыть задолженность, накопившуюся за 10—20 лет до

восстания. Огромные суммы на это были взяты с крестьян: дворцовые и монастырские крестьяне в августе 1682 г. были обложены налогом в 100 тыс. рублей. Правительство издает приказ, сурово карающий тех, кто осмеливается назвать стрельцов «бунтовщиками». Едва успев стать «дворцовой пехотой» и еще не успев укрепиться, они торопятся расправиться с «крамолой», со своими союзниками — крестьянами, которые их недавно поддерживали. В специальном заявлении стрельцы спешат указать, что крестьяне попрежнему остаются у помещиков и что в своих «наветах» на бояр они не заслуживают доверия. Понятие «навет» можно было толковать слишком широко, и это давало возможность любую жалобу крестьян рассматривать как донос, который может опорочить только жалобщика. Своей антикрестьянской политике Хованский придавал большое значение; захватив власть, он хвастался тем, что избег гражданской войны: «без меня — заявил он — в Москве ходили бы в крови по колено».

После таких правительственных мероприятий крепостные отвернулись от стрельцов. Только этим можно объяснить отрицательное отношение холопов к стрелецкому правительству. Совершенно неверным будет объяснение т. Штрауха, который пишет [1]: «часть холопов, быть может, тяготилась своим положением, но принять волю из рук бунтовщиков этим людям, привыкшим к покорности, казалось слишком рискованным. В высшей степени живо звучат слова холопа, подслушанные одним мемуаристом: «до чего вы стрельцы добунтуете? Русская земля велика, вам не овладеть». Эти люди могли наивно верить, что правительство оценит их лояльность и само даст им свободу». Вместо того чтобы объяснить антиреволюционное настроение холопов при помощи психологии, т. Штраух мог найти в своей же работе следующий факт. «В июньской челобитной стрельцы,— пишет он,—еще раз торжественно отмежевываются от холопов и обещают решительными мерами пресекать их попытки добиться свободы». Ясно, в таком случае, холопам не стоило менять старых хозяев на новых.

Один из активных участников движения показал, что стрельцы не допустили развернуться «черному переделу» и что многие из «черни» поплатились жизнью за попытку повторить майскую резню. Этот же самый свидетель показывает: стрельцы заявили, что будут стоять на страже неприкосновенности частной собственности. Также и датский посол рассказывает: уничто-

[1] «Стрелецкий бунт 1682 г.», М., изд. Пед. института Либкнехта 1928 г.

жая бояр, стрельцы ревностно охраняли частную собственность. Он пишет: «во все время кровопролития воровство и грабеж немедленно наказывались смертью, хотя бы украденная вещь не стоила алтына. Так погибло бедных мещан и самих стрельцов до 40 человек».

Как же реагировали городские низы на политику нового правительства?

Сторонники левого раскола, капитоновцы (т. е. последователи Капитона), стали мобилизовывать массы против церкви. Напор народных масс был так силен, что церковные власти согласились устроить в Москве в начале июля публичный диспут «о вере». Раскольники добивались провести диспут под открытым небом. Правительство Софии опасалось собрания на площади. На помощь правительству пришел Хованский, уговоривший раскольников согласиться на диспут в Грановитой палате. Этот диспут возглавлялся Никитой, которому противники присвоили кличку «Пустосвят». Никита Пустосвят немедленно после диспута был обезглавлен, а некоторые из его сторонников сосланы. Лагерь стрельцов раскололся: большинство решило, что восстание может быть закончено, так как звание дворцовой пехоты ставило стрельцов в привилегированное положение. Кроме того, стрельцы боялись народных масс.

Московские низы молчали, когда Никита Пустосвят был казнен и правительство перешло в наступление против революционной части стрельцов. Правительство заявило, что коллективные жалобы приниматься не будут: «многолюдством и шумом не приходить, приходить для челобитья о всяких делах бить челом вежливо и не шумно и в чужие дела не вмешиваться». Этим распоряжением были фактически запрещены всякие митинги.

12 июля незначительная группа стрельцов потребовала выдачи б о я р. Это требование мотивировалось слухом о замыслах бояр истребить стрельцов. 16 августа в Боярской Думе шел вопрос о новом требовании стрельцов о выдаче каждому 25 р. «подможных денег». Правительство пока молча выжидало: оно еще воздерживалось от репрессий.

Хованский, вождь стрельцов, пытался апеллировать к массе; стрельцы вместе с посадскими на нелегальном собрании выработали план истребления бояр и убийства царевны Софии. Но бояре не сидели без дела. Прежде всего они перевели обоих царей Иоанна и Петра в Троице-Сергиев монастырь, а в сентябре 1682 г. объявили мобилизацию провинциального дворянства; для этого в десять районов были посланы их представители. Дворяне начинают стягивать свои силы к Троице-Сергиевой лавре, которая

однажды уже спасла дворянского царя Шуйского от восставшего крестьянства; теперь она готовилась к новой борьбе с «ворами». Без всяких затруднений боярскому правительству удалось казнить Хованского; стрельцы же стали готовиться к восстанию лишь после его казни. Они стали вооружать городское население Москвы и пытались превратить столицу в вооруженный лагерь. Как и декабристы в 1825 г., стрельцы боялись народных масс, и эта боязнь заставляла их действовать крайне осторожно и нерешительно; не встретив таким образом поддержки крестьян, стрельцы были легко раздавлены.

Раздавив стрельцов, правительство поспешно издает ряд указов против крестьян. Указ 1683 г. обвиняет крестьян в том, что, пользуясь «смертным страхом» бояр, они «учинили свободу», т. е. бежали. Указ предписывал жестоко наказывать крестьян и ссылать их в сибирские, низовые и украинные города на «вечное житье с женами и детьми». Раскольники же были объявлены врагами государства, которых следовало «ловить и жечь с их жилищами».

После казни Хованского и разгрома стрелецкого движения правительство еще долго возглавлялось тем составом, который был выдвинут восставшими стрельцами, только Хованского заменял новый начальник стрелецкого приказа Шакловитый. Власть перешла в руки правого крыла «кабинета», который возглавлялся «министром» по иностранным делам князем Василием Голицыным. М. Н. Покровский думает, что Голицын собирался более точно определить повинности крестьян. Он хотел перевести на деньги повинности крестьян дворцовых волостей и отменить торговые привилегии и монополии. Свои либеральные проекты он не успел осуществить, так как был свергнут вместе с царевной Софией.

Восстание стрельцов 1689 г. имело другой характер. Верхушка стрельцов в союзе со старым родовитым боярством пыталась посадить свою правительницу Софию, которая в 1682 г. разгромила стрельцов. «Новое» дворянство, стоявшее за разгром уцелевших остатков и пережитков «старого» боярства, объединилось вокруг Петра. Союзники были разгромлены, так как они не были поддержаны народной массой, которая еще не забыла уроков 1682 г. Кроме того, противоестественный союз стрельцов и бояр не мог дать положительных результатов. Даже трусливая верхушка стрельцов в лице Голицына боролась за свободу торговли и отмену монополий. «Старое» родовитое боярство мечтало только о монополиях и привилегиях, которыми оно владело до опричнины.

ВОССТАНИЕ КОНДРАТИЯ БУЛАВИНА (1707—1708 гг.)

Разгром раскольничьих городков на Дону и стрелецкого восстания должен был привести к дальнейшему наступлению правительства на казаков верховьев р. Дона. Правительство Петра I предложило выселить с Дона всех беглых крестьян, срыть на Дону города, построенные «не по указу», перевести из городов «старожитных казаков» за Северный Донец, выслать пришлых «новожитных» людей в города, откуда они бежали и т. д.

Непосредственным толчком, вызвавшим восстание, был захват казной соли на территории Бахмутского казачьего городка. В 1705 г. Булавин разорил соляные варницы слободских казаков, с которыми донские казаки в течение ряда лет враждовали из-за солеварниц. В 1706 г. булавинское войско не разрешило правительственному комиссару произвести опись разграбленных варниц. Для расправы на Дон был отправлен отряд во главе с кн. Юрием Долгоруким. Юрий Долгорукий 5 августа 1707 г. следующим образом сформулировал свои задачи: он идет во «все казачьи городки для сыску беглецов всяких чинов, которые бежали с посадов и из уездов посадские люди и мужики разных помещиков и вотчинников, которые не хотят платить денежных податей». Казачество отказалось выдать ему «беглецов». Верховые «казаки» жаловались на то, что Долгорукий переписывает не только новопришлых жителей, но и «старожилов, которые «породились изстари и поселились на р. Дону». Юрий Долгорукий не вступил в переговоры и начал действовать.

Его отряд «многие станицы огнем выжег, казаков кнутом бил, губы и носы резал, младенцев по деревьям вешал и девиц брал для блудного помышления на постели».

Казачество восстало под руководством Кондратия Булавина, разбило присланный карательный отряд и убило Долгорукого. Установив связь с Запорожьем, Булавин захватил Новочеркасск, казнил атамана низового казачества и пять казацких старшин, поддерживавших московское правительство. 26 городков по Хопру, 16 — по Бузулуку и 12 по Северному Донцу присоединились к восставшим. Восставшие были намерены взять Азов, соединиться с кубанским казачеством, крымскими татарами и калмыками. В обращении к калмыкам Булавин развернул свою политическую программу: он им обещал свободу торговли, просил произвести обмен пленными и гарантировал им защиту от московского правительства, «которое их грабит». В своих воззваниях Булавин следующим образом объяснял причины восстания: он казнил казацкого атамана за предложение выслать с Дона беглых. Боярина Долгорукого он обвинял в том, что

он хотел «всю реку разорить, веру христианскую переменить и пустынников (т. е. раскольников) истребить». Булавин обещает осуществить «казачье право» и вернуть казачьи реки казачеству, которое ими владело «искони». Часть восставших выдвинула более радикальную программу: она предложила итти «на великороссийские и малороссийские городы для раззорения и ограбленья богатых домов». Трудно сказать, насколько велика была эта группа.

Голытьба направилась на Волгу: «судовая сволочь, черкасские бурлаки и кабацкие ярыжки» наступали на Саратов. На казачьих собраниях голытьба предложила «черкасских природных казаков всех побить и пожитки их разграбить». Неизвестно, была ли выполнена эта радикальная программа. Известно только, что Булавин разрешил голытьбе экспроприировать «государев запас» в Паншине и Вешках. Экспроприация была разрешена, когда «голытьба» заявила, что ей есть нечего. Булавин выслал из Черкасска «всех лучших людей с женами». Разгром зажиточного казачества Булавину не удалось завершить до конца. Продолжая борьбу, восставшие принимали к себе беглых «со всяким прилежанием».

В верховых городах Дона от разинщины до булавинщины произошли большие перемены: старшины верховых городков уже поддерживают правительство.

Булавина поддержало крестьянство Тамбовского, Козловского и Борисоглебского уездов и беглые, которые «бегут на Дон денно и нощно с женами и с детьми от изгоны царя и от неправедных судей». Булавинщина нашла также отклик среди крестьян Смоленской губ. Правительство в 1708 г. узнало, что «бегут из Вяземского уезду дворовые люди и крестьяне з женами и з детьми со скотиной и идут многолюдством с ружьем, с пищальи и с рогатками большими станицами». Восставшим крестьянам не удалось соединиться с булавинцами.

В начале июня 1708 г. правительственный сумский полк потерпел поражение в борьбе с 20-тысячной булавинской армией. Наступление булавинцев на Саратов кончилось неудачей. Восстание на рр. Хопре и Медведице не нашло большого отклика на Дону и Украине. Одновременно началось восстание калмыков, башкир и татар. Местные власти донесли: «башкирцы, мещеряки, черемисы начали мыслить, чтобы им всем под рукою и под волею великого государя не быть». Националы хотели овладеть Казанью, «всем итти под Москву, везде русских людей рубить, чтобы нигде христиан не было».

Булавин был скоро разбит, 11 июля 1708 г. он покончил с собой.

Подавляя движение, петровское правительство истребило 10 000 казаков и смело с лица земли оппозиционные городки. Район Донца был присоединен к Бахмутской провинции. Земли по Айдару получили Острогожские казаки за «верность». Район р. Хопра отошел к Воронежской губернии. Земля на Дону раздавалась помещикам из Великороссии. Разгромом Булавина завершается революционное движение на Дону, начатое Разиным.

ИТОГИ ПОРАЖЕНИЯ РАЗИНЩИНЫ И БУЛАВИНЩИНЫ

Многолетняя борьба донского «голутвенного» казачества и крестьянства закончилась поражением, которое имело большие последствия. Дон становится составной частью Российской империи, «голутвенное» казачество Дона закрепощается. Быстрым темпом в районе рр. Дона, Хопра, Медведицы начинает развиваться крупное феодально-крепостническое землевладение. Указы Петра I о закрепощении являются ответом на борьбу крестьянства и казачества. Указ 1700 г. запретил помещикам отпускать «на волю» крестьян: отпущенные на волю препровождались в Преображенский приказ, который обязан был сдавать их в солдаты или отдавать новым помещикам.

Реформы правительством Петра I государственного аппарата были тесно связаны с разгромом революционных движений. Централизация государственного аппарата, увеличение числа губерний, реформа армии, периодические переписи крестьян, создание нового ряда военных и гражданских учреждений, превращение синода в один из отделов правительственного аппарата и т. п. — все эти мероприятия должны были укрепить диктатуру феодалов-крепостников и защитить ее от новых революционных потрясений. Народы, восставшие против господства метрополии, остаются на положении колониальных рабов до Октябрьской революции.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРИЧИНЫ ПУГАЧЕВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

КРЕСТЬЯНСТВО НАКАНУНЕ ПУГАЧЕВЩИНЫ

Мы уже отметили, что разгром восстания Разина и Булавина обеспечил закрепощение новых масс крестьян в колониях империи. Во время революционного движения 1648 г. на Украине помещики бежали или были уничтожены. К концу XVIII в. Украина уже была густо населена дворянством, захватившим в свои руки крупные земельные владения: так, например, гетман Разумовский в общей сложности получил 115 тыс. душ крестьян и десятки городов с уездами. За время от 1762 по 1783 г. братья Орловы, фавориты Екатерины II, получили на Украине 45 тыс. душ крестьян и 17 млн. рублей наличными деньгами и разными драгоценностями. Потемкин получил 21 540, Заводовский — 8 700, Зорич — 13 300, Зубов — 13 000, Румянцев-Задунайский — 20 000, Панин — 8 400 душ. Расхищение крестьянских земель нашло отражение в украинской песне:

Гей, царица Катарина, що ты наробыла?!
Степь, широкий край веселый, панам раздарила!

В XVIII в. крепостное хозяйство распространилось и на Слободскую Украину. В 1748 г. казакам Слобожанщины запрещено было переходить не только из Украины в Великороссию, но из полка в полк.

Любопытны мотивы, которыми правительство объясняло причину расхищения украинских земель. Оно рассматривало украинские земли как «собственно принадлежащие в казну ее императорского величества». Правительство заявило: «Государь — помещик деревням свыше всякого помещика, почему же без его воли покупают деревни, которые он никому не пожаловал?!» За-

крепощение крестьян объяснялось тем, что свободный переход крестьян с места на место — одна из причин, что «бедные помещики час от часу в большую бедность приходят», а мужики делаются «пьяницами, ленивцами и нищими».

Крестьяне-украинцы большими массами шли на Дон, но этот переход не спасал их от закрепощения. Крепостное хозяйство на Дону стало развиваться так быстро, что по переписи 1763 г. считалось 20 422 помещичьих крестьян. В середине XVIII в. на Дону уже не было ни одного свободного крестьянина. В империи на барщине сидело около четверти, а в начале XIX в. около половины крепостных. По данным В. Семевского с 1682 по 1710 гг. из одних дворцовых волостей было пожаловано в поместья и вотчины помещикам всей страны более 70 тыс. душ, с 1725 по 1762 г. было роздано около 500 тыс. душ обоего пола. Основной фигурой феодально-крепостной России был крупный помещик: в 1783 г. 16 проц. помещиков владело 80 проц. крестьян, 22 проц.— 15 проц. и 62 проц.—только 5 проц. Первые 16 проц. помещиков, владевших почти всем крестьянством и основным земельным фондом, за 32 года (1749—1780) увеличили вывоз хлеба больше чем в три раза. Активная колонизация Украины, Приуралья и Поволжья, как и раздел Польши, были вызваны спросом мирового рынка на русский хлеб и железо. Для того же, чтобы получить товар из новых районов, феодалы-помещики должны были превратить в крепостных новые огромные массы крестьян и националов южных и восточных колоний России. Восточные колонии были населены преимущественно государственными крестьянами. Главной причиной исчезновения этого рода крестьян в центральной России была обширная раздача там земель в поместья дворянству.

Государственные крестьяне представляли собой резервный фонд для всякого рода хищений и награждений. Периодическое расхищение этого фонда начинается со второй половины XVIII в. и растет параллельно развитию горного дела на Урале: среди 243 452 горных рабочих было 179 815 государственных крестьян. Феодалы-крепостники закрепощали не только государственных крестьян, но и националов.

Крепостные были лишены всяких человеческих прав. Они являлись движимым имуществом, вещью, которую можно было отчуждать и приобретать во всякое время «целыми фамилиями». Правительство узаконило такую куплю и продажу крепостных и установило для этого особую форму купчей крепости. Право помещиков продавать и закладывать своих крепостных породило то явление, что помещичья вотчина сделалась невольничьим

рынком. Торговля крепостными развита была в это время до такой степени, что образовалась большая группа сводчиков-барышников. Закон же совершенно не ограничивал расправу помещика с крепостными. В. Семевский приводит данные из записок одного помещика 60-х гг. XVIII в. о том, что наказания его дворовых доходили до 100 ударов плетьми или 17 тыс. розог; это могло бы показаться,—по мнению В. Семевского,—совершенно невероятным, если бы не было известно, что еще в царствование Николая I публичные наказания шпицрутенами доходили до 10 тыс. ударов. Предусмотрительный помещик позаботился тоже о том, чтобы его люди, заболевшие после такого истязания, не могли слишком долго уклоняться от работы; было определено, сколько времени можно хворать: подвергшийся наказанию в 17 тыс. розог мог лежать больным не больше двух недель, в противном же случае производился вычет из получаемой им натурою «зарплаты».

На правом берегу Волги на пространстве от Нижнего-Новгорода до Царицына и от Симбирска до Тамбова по данным 60-х гг. XVIII в. числилось около 1 200 тыс. душ мужского пола; считая столько же женщин и прирост населения после переписи, исследователь определяет все население края равным приблизительно 2½—3 миллионам душ обоего пола. Эта цифра вдвое превышает численность населения Заволжского района восстания от Казани до Челябинска и от Перми до Яицкого городка. Таким образом, если общая численность населения районов, охваченных в 1773—1775 гг. восстанием, составляла около 20% населения всей империи (4½ из 22 млн.), то ²/₃ этой пятой части приходится на правый берег Волги. Преобладающим способом эксплоатации крестьян этого берега Волги была барщина; интенсификация барщинной системы ложилась на крестьян не меньшим бременем, чем работа на посессионных заводах.

На правом берегу Волги и в колониях уже чувствовалась большая земельная теснота. Между крестьянами, помещиками и однодворцами шла настоящая война из-за каждого клочка земли.

Земля хорошо не удобрялась или вовсе не удобрялась в Саранской провинции; хищнически обрабатывали землю в Симбирской провинции: здесь еще господствовала переложная система, распахивали новую степь, потом вновь возвращались к старым участкам; в Шацкой провинции националы и арендаторы отказывались удобрять землю: они не были уверены в завтрашнем дне. Дворцовые крестьяне и однодворцы отказывались от удовлетворительной обработки земли: частые переделы земли отбивали у них охоту от работы.

По пути развития производительных сил стояла крепостническая система. Само правительство подчеркивало: помещики не могут справиться со «знатной обширностью» своих владений, а других они «до владения не допускают»...

Крепостные крестьяне не представляли однородной массы; крестьянство выделяло из своей среды крупных торговцев, ростовщиков и откупщиков. Со средины XVIII в. растет число крестьян-владельцев кустарных мастерских, крепостных мануфактур и наемных рабочих. Как видно из специальных «анкет» XVIII в., крестьяне вели большую торговлю: хлеб направлялся ими в Москву, Петербург и даже за границу. Исследователи приходят к выводу, что во второй половине XVIII в. на смену старого купечества идет новый купец из разбогатевших крестьян и однодворцев. Эта новая общественная фигура вызывает беспокойство не только у старых купцов, но и у дворянства.

Союзниками крестьян правого берега Волги были однодворцы (мелкие помещики), которые, по данным XVIII в., «больше упражняются в хлебопашестве». Земли однодворцев захватывались крупными помещиками. Сами однодворцы часто превращались в крепостных.

Однако надо подчеркнуть, что центральной фигурой деревни был барщинный крестьянин, наиболее угнетенный. Во всех восстаниях XVII—XVIII вв. движущей силой была именно эта группа крестьян, а не кулачество.

В течение второй половины XVIII в. крепостники-феодалы вели упорную борьбу с еще не закрепощенным крестьянством и националами восточных колоний с целью превращения их в крепостных. Миллионы крестьян в конце концов были обречены на положение крепостных, десятки тысяч гибли в неравной борьбе, ссылались в Сибирь и т. д. Между тем в изображении казенного «поэта» крестьянство было счастливо. Карамзин писал:

Как не петь нам? Мы щастливы,
Славим барина-отца!
Наши речи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане нас умнее.
Их—искусство говорить.
Что ж умеем мы? Сильнее
Благодетелей любить!

Миллионная армия крестьян ответила «благодетелям» восстанием. Первые поднялись рабочие горноуральских крепостных мануфактур.

КРЕПОСТНАЯ МАНУФАКТУРА МЕЖДУ РАЗИНЩИНОЙ И ПУГАЧЕВЩИНОЙ

Один из наших классовых врагов на историческом фронте Тарле в статье: «Была ли екатерининская Россия отсталой страной» изобразил Россию XVIII в. не отсталой страной. Если исходить из формальных цифровых данных, то Россия не была отсталой страной: она вывозила железо, чугун, полотно, хлеб и прочие товары, игравшие большую роль на мировом рынке.

В начале XVIII в. средняя добыча чугуна в год составляла в России 2 100 тыс. пуд., в конце века—7 млн. пуд., железа — 1 млн. пуд и 3 млн. пуд. Несмотря на относительный рост чугуна и железа, Россия в XVIII в. была все же наиболее отсталой страной. Крепостное хозяйство охватывало новые районы, в то время как в некоторых странах Западной Европы крепостные отношения были ликвидированы.

Напомним, что в Англии в 1763 г. была построена паровая машина, в 1764 г. была изобретена прядильная машина, в 1766 г. — машина для переработки хлопка, в 1787 г. — ткацкий станок и т. д. Энгельс по этому поводу писал: «В промышленности произошел коренной переворот. Место домашнего труда занял труд общественный в больших зданиях. Ручной труд был заменен движущей силой пара и работой машин. С помощью машины теперь ребенок 8 лет производил больше, чем прежде 24 взрослых мужчины. 600 тыс. фабричных рабочих, из которых половина детей и больше половины женщин, исполняют работу на 150 млн. человек. Но это только начало промышленного переворота».

Что же было в России? Техника промышленности оставалась почти без перемен. Вместо двигательной силы воды и животных еще часто применяется физическая сила крепостного крестьянина. В 1751 г. крестьянин Вятской губ. изобрел самокат со счетчиком, который показывал пройденное расстояние, но его изобретение не было удостоено внимания. В 1766 г. в Сибири крестьянин Ползунов изобрел «огненную машину», которая приводилась в действие паром, но она осталась без применения. В 70-х гг. XVIII в. на Урале пытались применять паровую машину, но опыт окончился неудачей; один из горнозаводчиков, пробовавший применять вольнонаемный труд и паровую машину, был объявлен сумасшедшим, и его завод разгромили соседи-заводчики.

Техника производства в крепостной мануфактуре была так низка, что ремесленники-одиночки легко с ней конкурировали. В

1724 г. крупный московский сукновладелец Щеголин жаловался на «ремесленных людей», которые чинят его мануфактуре «великие повреждения и остановки». Подобные жалобы не прекращаются до средины XVIII в. «Железная руда всегда выплавлялась при помощи древесного угля, который в связи с улучшением обработки земли и истреблением лесов становился все более и более редким и дорогим; только в XVIII в. начали впервые применять для этой цели кокс, а в 1786 г. был найден способ превращать выплавленное с помощью кокса железо, которое раньше получали только в виде чугуна, в нужное для изделий кованое железо. Этот способ, который состоит в удалении из железа углерода, который примешивается к нему во время плавления, англичане называли пудлингованием» (Энгельс).

Хотя горный Урал сильно страдал от конкуренции английского железа, но однако пудлингование в России стало применяться на 60 лет позже, чем в Англии. Кое-какой технический сдвиг России замечается только к 30—40 гг. XIX в. На фоне промышленной революции в Англии отсталая техника в России усугубляла противоречия между новыми возникавшими потребностями и существовавшими феодально-крепостническими общественными отношениями. Вполне понятно, что ни один из старых классов, ни феодалы, ни нарождающаяся буржуазия, не мог разрешить задачи ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить этой задачи, но они неспособны были даже поставить эту проблему в сколько-нибудь удовлетворительной форме.

Мы уже отметили, что крепостная мануфактура возникла в конце первой половины XVII в., но до конца этого века она не получила большого распространения. К концу 60-х гг. XVIII в. сотни крепостных мануфактур находились в Центрально-промышленной области и на Урале. В центре страны были развиты суконные, полотняные, бумажные мануфактуры, на Урале — железоделательные.

Ко времени пугачевщины создаются крупные централизованные мануфактуры, снабжавшие своими товарами весь внутренний рынок и вывозившие часть своей продукции на заграничные рынки. Наряду с помещичьей (вотчинной) мануфактурой во второй половине XVIII в. стали возникать крестьянские мануфактуры, принадлежавшие крепостным крестьянам. Указ 1769 г. легализовал крепостную крестьянскую мануфактуру. Возникновение крестьянской мануфактуры было признаком начавшегося кризиса системы крепостного хозяйства.

На мануфактурах был большой слой потомственных рабочих с большим производственным стажем в десять, двадцать и даже

тридцать лет. Среди рабочих женщины и дети занимали большое место.

Рабочие рекрутировались из среды беглых, солдатских детей, крепостных и т. д. Большие группы крепостных рабочих рекрутировались и из среды купеческих детей, т. е. из среды разорявшейся мелкой городской буржуазии. На Урале, т. е. в районе пугачевщины, рабочие набирались из среды крепостных помещичьих и государственных крестьян. Крестьяне прикреплялись к посессионным заводам (где рабочие отдавались не заводчику, а заводу). Такое положение революционизировало рабочих: недаром уральские рабочие приняли активное участие в пугачевщине, но и до пугачевщины рабочие не складывали оружия.

В борьбе с побегами и восстаниями рабочих заводы превратились в территорию, охваченную беспрерывной гражданской войной. Они окружались деревянными укреплениями, рвами, башняму, вооруженными пушками; вне заводского строения ставились батареи с артиллерией. На многих заводах на каждые десять рабочих приходился один солдат; на работу и с работы рабочих часто сопровождал вооруженный конвой. От «лености» вылечивали шпицрутенами, батогами, плетьми, кнутами, кандалами, бритьем головы, истязанием, денежными штрафами, вычетом из жалованья, взятками, военной дисциплиной, оковами во время работы, постройкой плотин зимой, заключением в исправительной камере, навязыванием на шею колодки, сверхурочными работами, перемещением на работу, «где какая есть тягостнее и подлее, чтобы перед другими порядочными людьми, будучи в презрении чинимые им за продерзости наказания более чувствовали».

Богословские заводы представляли собой ссыльный округ, где люди гибли, как мухи. Одна попытка не отдавать заводам своих детей усмирялась вооруженной силой. В екатеринбургском архиве сохранилась жалоба на приказчика, который, вымазав рабочему зад смолой, водил его по заводу, прижаривая у горнов. Рабочие жаловались не на свирепость такого наказания, а на то, что они ему подвергались безвинно. Неисправных дровосеков часто, «положа на рубленный пень, так плетьми немилосердно секли, приговаривая при битье: за то бьем, что твой-де пень не гладок и как тот пень до земли брюхом своим загладишь, то и сечь перестанем». В Невьянском заводе Демидова двор был устлан чугунными плитами, и под ним был целый лабиринт переходов и тайников, в одном из которых были найдены скелеты, прикованные цепями. В военных казармах жилось гораздо привольнее, но правительство распорядилось «не брать рекрут из мастеровых и рабочих, дабы они не разбежались к башкирцам и калмыкам».

Рабочий находил единственный отдых в пьянстве. Заводчики констатировали, что «мастеровые люди от всегдашнего пьянства в совершенное безумие приходят», дерутся и «друг друга до смерти убивают».

На этом заводчики зарабатывали. Заводский устав предписывал «за один день за пьянство вычитать за месяц жалованья, держать скованным при работе целый месяц, а ежели они от этого пьянства не уймутся, велеть их держать всегда скованными при работе, а на пропитание давать только один хлеб сухой да квас».

Не меньшую каторгу представляла работа. Заводы из-за экономии освещались не свечами, а лучинами. В рудниках работали по пояс в воде. Не проходило ни одной зимы, чтобы «на заводах многие работники не помирали или возвращались домой инвалидами». При обжигании руды распространялся такой едкий дым, «что курицы во множестве от судорожных припадков околевали», а рабочие умирали в возрасте 30 — 40 лет. После работы приходилось спать под открытым небом, так как не везде были казармы для ночлега. Рабочим давались такие большие задания, что «едва самый прилежнейший и довольно силы имеющий работник исправить оное мог». Поэтому им приходилось вместо себя нанимать рабочих и платить втрое и вчетверо больше того, сколько они сами получали.

Крестьяне и мастеровые жили от заводов на расстоянии сотен (300—700—800) верст. Между заводами были непроходимые дороги, болота, реки, леса. «С великою трудностью на завод доезжаем, — жаловались крестьяне, — а обратно лошадь пропадает». Заводы не имели никаких мостов и переправ. Часто заводчики нарочно не исправляли дорог, чтобы рудоискателям и проезжающим гостям отбить охоту путешествовать к чужим рудообильным местам. При выходе из домов крестьяне обязаны были иметь с собой хороших лошадей; «кто оных не имел, того наказывали». Поэтому крестьяне должны были за одну лучшую лошадь отдать своих «двух худых»; они не могли завести своего фуража, так как при заводах не было лугов, и должны были покупать заводское сено по дорогим ценам, покупать же его у частных торговцев дешевле не имели права.

Приходить на заводы назначено было три раза в году. При расстоянии в 800 в. пеший крестьянин тратил на проход три раза в оба конца 192 дня, что вместе с 120 рабочими днями составляло 312 дней. С 1760-х гг. стали привлекать к заводам все дальше живущих крестьян. Дошло до того, что крестьян Казанской губернии приписывали к Оренбургским заводам. Работы приписных всегда совпадали со временем посева и уборки хлебов. Из-за не-

отложных дел рабочих вовсе не отпускали; таких работ было не мало: плавильное дело, ремонт построек, плотин, водопроводов, горн, молотов и т. д. Семейства ушедших крестьян не справлялись с полевыми работами, потому что на завод уходило все мало-мальски трудоспособное население; за переход же на заводы рабочие ничего не получали. Своим каторжным трудом они зарабатывали ничтожные гроши. Заработная плата, установленная в 1724 г., не повышалась до пугачевщины, а поборы и налоги значительно возросли. Цены на хлеб поднимались, так как заводы скупали весь хлеб у земледельческого населения, которое катастрофически уменьшалось. За десять лет до пугачевщины хлеб вздорожал от 100 до 300 проц. Под влиянием войны с Турцией чрезвычайно вздорожала соль (с 30 до 75 коп. пуд), вследствие прекращения вывоза крымской соли. Положение рабочих значительно ухудшилось благодаря военным налогам. Рабочий за свою дневную заработную плату мог бы быть сыт хлебом, но он ее никогда не получал; он должен был платить подати не только за себя, но и за больных, инвалидов, стариков, детей, младенцев и умерших. Налоги вносили не сами рабочие, а заводчики, вычитавшие их из заработной платы. Бесконечные вычеты и штрафы производились не по книгам, а по памяти и по произвольным срокам. Ведомости, собранные Семевским по отдельным заводам, показывают, что заработная плата рабочего составляла лишь часть штрафов и податей. Борьба рабочих за самостоятельный взнос подушных никаких результатов не дала. «Наш хозяин, — жаловались рабочие одной мануфактуры, — на пять месяцев задержал нам уплату жалованья и хлеба. Он привел нас, безгласных, со всем нашим семейством скитаться по разным жительствам и кормиться мирским подаянием, и мы помираем все голодной смертью. Когда ни придем в его дом с просьбой, он велит нас, безгласных, из двора своего палками сгонять. От голоду пришли мы ныне в отчаянное житье и помираем со всем семейством голодной смертью».

Сенат был против увеличения заработной платы, так как «всякое возвышение платы неразрывно влечет за собой на изделия дороговизну, то и опасно, чтобы повышением платы цены на российские продукты увеличились так, что оные нельзя будет отпустить за границу». Сенат разрешил бы увеличить заработную плату на одну копейку, но «чтобы заводские крестьяне, воспользовавшись такой прибавкой, не взяли себе его за повод и впредь отваживаться на такое же непослушание, и тем же средством вымогать еще такой же прибавки, для этого сенат рассудил их оставить ныне в прежнем положении без всякой прибавки». Это доказывается тем, что прибавка 1769 г. не могла их успокоить. Опасно, что и впредь, «какую бы прибавку им ни сделать, они все

бунтовать будут». На частных заводах рабочих гораздо больше эксплоатировали. На казенных заводах они отрабатывали в 60-х гг. подушный оклад в 1 р. 12 к. на душу, а на частных — в 1 р. 72 к. К частным заводам кретьяне часто приписывались без земли и принуждены были для своего прокормления нанимать земли у башкирцев. Этим объясняется тот факт, что рабочие частных заводов принимали более энергичное участие в восстании, чем рабочие казенных заводов.

Итак, вопрос о том, быть или не быть, жить или умереть, во всей остроте встал перед рабочими и крестьянами в 70-х гг. XVIII в., когда интенсификация барщины и расхищение туземных земель для горнозаводского дела достигли своего апогея.

Одновременно дворянский поэт сочинял «стихи» о рудокопном деле. Он призывал рабочих «играть на музыке, петь с веселием, спешить скорее на работу, петь веселые горные песни «всероссийской великой императрице»... Автор от имени рабочих писал:

Все мы к ногам твоим припадаем
И оные со всяким страхом лобызаем
И через то засвидетельствуем
Известную тебе верность
От твоих верных рабов,
которые внутрь земли
Золота, серебра и свинца ищут,
прими усердное их поздравление...

«Верные» рабы усердно «поздравили» пугачевщиной...

МЕЛКАЯ ГОРОДСКАЯ БУРЖУАЗИЯ НАКАНУНЕ ПУГАЧЕВЩИНЫ

Мелкая городская буржуазия не приняла участия в пугачевщине.

Территория Российской империи к концу XVIII в. покрывается огромной сетью торговых и промышленных центров; во многих городах возникают крупные ярмарочные пункты. Противоположность между городом и деревней усиливается но Россия еще остается страной аграрной.

Торговая буржуазия была разделена на три группы («статьи»). Первостатейные купцы имели право вести внешнюю торговлю, могли пользоваться особой упряжкой лошадей, носить шпагу, были освобождены от телесных наказаний. Купцы второй гильдии занимались внутренней торговлей. К купцам третьей категории принадлежали мелкие городские торговцы, иногда

и крестьяне. Эта категория не пользовалась особыми правами и преимуществами.

Кроме посадских, в городах жили цеховые ремесленники и чернорабочие, т. е. «подлые люди», не принадлежавшие «к регулярным гражданам». Города разорялись многочисленными поборами и налогами. Наказы от городов в 1767 г. в один голос вопили о невыносимом бремени постоев, повинностей и служб, которые выполнялись посадскими. Крупная податная реформа 20-х гг. XVIII в. о замене многообразных и дробных сборов единым подушным налогом осталась на бумаге. Уже через четыре года после введения подушной подати скопились внушительные недоимки — 64,3 проц. подушного оклада. Разорение плательщика и недоимка в казне являлись естественным результатом финансовой системы, представлявшей собой,—выражаясь языком одного исследователя, — хроническое вытягивание жил из населения. В начале 60-х гг. XVIII в. последовало сильное увеличение налогового бремени. Манифест 1763 г. вводил целый ряд новых косвенных сборов, отмененных в 50-х гг. Придавленный тяжелым податным и повинностным бременем, туго стянутый обязательной круговой порукой, город находился в тяжелом положении: в начале XVIII в. городское население составляло 3 процента, в конце XVIII в.— 4,5 процента.

Наша крупная и средняя торговая буржуазия раскрыла свою политическую физиономию в «Законодательной комиссии» 1767 г.[1] Она оказалась такой же реакционно-настроенной, как наше дворянство: на заседаниях комиссии она требовала запрета крестьянской торговли, права владения крепостными и землей, запрещения дворянам открывать фабрики и заводы. Поразительнее всего ее требование о запрещении торговли иногородним купцам; это показывает, что она мечтала о восстановлении отмененных таможенных перегородок. Таким же реакционно настроенным наше купечество сохранилось до 1917 г. Вспомним, что наши «отцы города» оказались правее помещиков-земцев и что они поддерживали черносотенцев в 1905—07 гг. В конце XVIII в. они занимали такую же реакционную позицию. Крупная и средняя городская буржуазия мечтала о дворянском звании; мелкая городская буржуазия метрополии ничем не отличалась от закрепощенного крестьянства. Она молчала также, как и деревня метрополии.

Иной была роль национального купечества, которое выталкивалось со своих позиций. В пугачевщине некоторое участие при-

---

[1] В «Законодательной комиссии» 1767 г. было 536 депутатов: от дворян— 161, от горожан — 208, казаков — 54, крестьян — 9 и националов—34.

нимают также и купцы раскольники, которые скрывались на р. Иргизе. Малочисленные группы раскольников-купцов не могли иметь решающего влияния на настроения городов.

Крупнейшее революционное движение развернулось не в городах метрополии, а в деревнях восточных колоний.

НАРОДЫ КОЛОНИЙ НАКАНУНЕ ПУГАЧЕВЩИНЫ

В течение XVIII в. территория империи значительно расширилась. Феодалы-крепостники вели ряд удачных войн с Швецией, Польшей и с Турцией. В итоге империя получила берега Балтийского моря, Польшу и Крым; только на восток от Волги еще не была разгромлена самостоятельность ряда кочевых и оседлых народов. Экономические и политические интересы требовали превращения в провинцию империи районов, населенных татарами, башкирами, калмыками и т. д.

Татары в XVI — XVIII вв. играли роль торговых посредников между Россией и Средней Азией. Они были монополистами на этом торговом пути, так как среднеазиатские государства предоставляли им больше торговых льгот, чем русским. Среднеазиатские купцы привозили драгоценные металлы, восточные фрукты, бумажные, полотняные и шелковые ткани. Торговые караваны татар проникали в Китай, Тибет, Индию и Персию, откуда они вывозили золото, серебро и скот. Русские купцы привозили мануфактуру, железо, хлеб и соль. Стараясь занять по отношению к Западу возможно более независимое положение, Россия развила активную политику на востоке. Русские купцы производили торговлю с Средней Азией не только своими товарами, но и европейскими, главным образом, немецкими. Путь их шел по Волге в Каспийское море и оттуда караванами в Персию, Бухару и Хиву. Активный торговый баланс России с Востоком показывает, как успешно завоевывались восточные рынки: «народы Индии ни откуда так прямо и дешево не могли получить европейские товары, как из Оренбурга через Бухару» (Агроном Рычков).

Купцам и скупщикам из центральной России приходилось иметь дело с серьезными конкурентами — татарами, знавшими туземные языки и местные торговые условия. Поэтому русский купец поставил себе задачей—уничтожить торгового соперника. Казанские татары в течение XVIII в. отрывались от торговли и приписывались к бесплатной рубке корабельных лесов. В 1725 г. лесорубы-татары были обложены подушным налогом в 40 коп., а в 1765 г. оброчный сбор был повышен до одного рубля. Приписные казанские татары жили на расстоянии 300—400 км. от

места работы и постоянно просили об избавлении от этого тяжелого труда, но даже за одни просьбы они жестоко наказывались.

Башкирам принадлежала вся территория за Камой. Ее примерными границами можно назвать Екатеринбург, — с одной стороны, а с другой — среднее течение Урала. В эту Закамскую область русские колонизаторы проникли еще в XVI в., вслед за завоеванием Казани. Основной приток русских помещиков и заводчиков в Башкирский край начался в XVIII в., когда впервые закладывались казенные и частные рудокопные работы. Богатый естественными богатствами Башкирский край привлекал помещиков, грабивших землю коренного населения. Свое господство в Башкирии русские помещики и заводчики поддерживали силой: им разрешалось иметь собственные укрепления с орудиями и гарнизонами.

Среди башкир были следующие социальные группы: тараханы, привилегированные землевладельцы, земледельцы, скотовладельцы и тептяри. Привилегированные тараханы были созданы русским правительством: тарахан был свободен от подати и мог, где хотел, владеть землею и ловить рыбу. Он являлся опорой царизма в борьбе с туземным населением.

Со второй половины XVIII в. удар колонизаторов направлялся одновременно против националов—феодалов и крестьян: первые лишались привилегий и лишались земли, вторые — закрепощались. Тептяри-бобыли, татары, чуваши, мордва и вотяки, которые сидели на башкирской земле в качестве арендаторов или крепостных, часто восставали против башкир-землевладельцев. Администрация чувашских районов в 1767 г. констатировала, что значительно уменьшилось число хлебопашцев чуваш: русское дворянство «наглостно» отбирало у них землю. Кроме того, купечество их опутывало кредитом. Неисправных должников националов купцы держали «скованных по немалому времени». Затем чуваши отправлялись с женами и детьми на принудительные работы на купеческие мельницы и кожевенные заводы. На заводах они работали «якобы за долговые деньги года два и более». Такой метод экспроприации националов применялся во всех районах. Хищники-колонизаторы не были в состоянии обработать всю экспроприированную землю, которая в конце концов «впусте оставалась» в то время, когда крестьянство страдало от земельной тесноты.

Волжские калмыки занимали своим кочевьем почти все пространство степей Астраханской губернии. Границы этих степей определялись с востока — Волгой, с юго-востока — Каспийским морем, с запада — рекой Кумой и Манычем, с северо-запада — Са-

ратовской губернией и областью Войска Донского. Калмыкам в XVIII в. было запрещено кочевать у саратовской дороги, по которой перевозилась соль из Эльтонского озера, переходить на правый берег Волги и ловить рыбу. Русским помещикам разрешалось торговать с калмыками и покупать калмыков-рабов без платежа подушных денег. В 40-х гг. XVIII в. «убогих и бескотных» калмыков насчитывалось более десяти тысяч.

Задолжавшим калмыкам был даже запрещен переход в православие; без особого разрешения калмык даже не имел права отлучиться для отыскивания пропавшей лошади. Н. Попов, великодержавный историк, поклонник Татищева, колонизатора восточных колоний России, следующим образом подвел итоги деятельности колониального бандита: «Так совершилось усмирение калмыцкого народа, начатое Татищевым. Русское дворянство пополнилось новыми аристократическими фамилиями, из среды калмык, а у крестьян явились новые помещики с прозвищами, напоминавшими Азию». «Историк» рано торжествовал: он не мог не признать, что «калмыки не переставали быть ворами и грабителями»... В 1671 г. 33 тыс. калмыцких кибиток до 169 тыс. душ бежали в Китай. Устройство казачьих станиц на правом берегу Волги от Саратова до Царицына и, наконец, перепись калмыцких кибиток в 1765 г. переполнили чашу терпения. На калмыцком народном собрании организатор бегства калмыков говорил: «Вот покрылись казачьими станицами берега Урала и Волги, окраины степей заселены немцами; еще немного времени и будут заняты Дон, Терек, Кума и вас стеснят на безводных пространствах и погубят ваши стада, единственный источник вашего существования!»

Степь от Яика до границ Китая была охвачена борьбой между калмыками и преследовавшими их казаками-киргизами[1].

---

[1] Правительство России в 1772 г. заявило Китаю протест против допущения к себе калмыков. Оно опровергло заявление калмыков об их несносной жизни в России и утверждало, что «они пребывали в благоденствии»: в России законы правосудия и над преступниками «умягчаются человеколюбием». Правительство Екатерины II обвиняло калмыков в том, что они «пришли в неистовство отнюдь не от нестерпимости своего жребия, а по тайному разврату и коварным проискам своих начальников». Китайский император ответил, что он, как «великий государь над своею поднебесною», никогда не отказывает в гостеприимстве чужим народам, желающим стать его «подданными холопями». Китайское правительство впустило калмыков в Китай, потому что они «дошли в России до крайнего изнеможения, а в Китае они получили хорошие кочевья, кормовые деньги, баранов, спокойную жизнь; главные калмыки взяты в китайский летний дворец и их удостоили взирать на «светлость императора». Царское правительство прервало торговые сношения с Китаем «в отмщение за дозволение убежища» калмыкам.

Западным пределом казак-киргизов служили Урал и часть Каспийского моря; на юге казак-киргизы примыкали к туркменам, кочевавшим на восточной стороне Каспийского моря. Казакская степь в XVIII в. была рынком рабов. Казак-киргизы не только нападали на проходившие через степь караваны, но вторгались в населенные области соседних государств и уводили жителей в рабство; они занимались разбойничьей торговлей. Купцы Великороссии не могли себя считать хозяевами на великом торговом пути в Среднюю Азию до тех пор, пока с дороги не будут убраны киргизы. Казаки-киргизы стремились завладеть местностью «Нарым-пески», лежавшей между Волгой и Уралом. Во время суровых и многоснежных зим они стремились укрыться со своими стадами на правый берег Урала, где в дремучих лесах Башкирии находили защиту от буранов, корм для скота и топливо для своих кибиток. Для того чтобы достигнуть этого района, казак-киргизы должны были прорваться сквозь военные посты уральских казаков, расположенных по Уралу, и отразить калмыков. В засушливые годы, когда выгоревшие зауральские степи не были в состоянии прокормить скот, казак-киргизы массами устремлялись на Урал. На этой почве происходили постоянные столкновения калмыков с киргизами.

Правительство прибегало также и к мерам «идеологического» воздействия: «инородцы» огнем и железом обращались в православие. Результаты «идеологического» воздействия описываются иезуитами в XVII в. В «своих письмах и донесениях» они рассказывают следующее: мордвины были уже раз обращены попами в христианство или, лучше сказать, были принуждены к этому, потому что всех их согнали к воде и когда они вошли, то попы произнесли следующую формулу: «крещаются рабы божии, во имя отца, аминь, во имя сына, аминь, во имя св. духа, аминь». Какое неразумение! После того розданы были крещеным иконы, с объяснением, что от них они будут иметь все блага, и так как иконы у русских называются богами, то мордвины переменили одно идолопоклонство на другое, потому что, считая иконы богами, они ставили их на кладбищах, а когда, несмотря на то, на стада стали нападать волки, то мордвины отослали иконы через почетное посольство в Москву, заявив, что предпочитают оставаться при своих богах». Такие методы христианизации сохранились в России до 1917 г.

По документам XVIII в., касающимся открытия Казанского наместничества в 1781 г., мы имеем следующие статистические данные о вероисповедном составе Казанского края, взятые вероятно из материалов третьей ревизии, начатой в 1762 г.

	Крещеных	Некрещеных	Всего
Татар	10 631 чел.	66 072 чел	76 703 чел.
Чуваш	89 995 »	926 »	90 921 »
Черемис-мари	25 630 »	739 »	26 369 »
Мордвы	3 296 »	—	3 296 »
Вотяков	1 863 »	305 »	2 168 »

Эти цифры объясняют, почему царизм больше всего нажимал на татар.

В XVII в. была создана сеть миссионеров, которые «распространяли слово божие среди неверных». Во время расследования правительством причин пугачевского восстания в XVIII в. миссионеры должны были признаться, что почти все «инородцы приняли закон греческого исповедания не по желанию, но по усилию, совершенной бедности и крайнего изнеможения».

Такая политика подготовила почву для совместного выступления между угнетенным колониальным и русским крестьянством. Эта же политика показывает, что крепостное хозяйство переживало глубокий кризис.

КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В донесениях шведского посла в 1760 г. находим любопытные данные о состоянии России. Посол отмечает, что развитие фабрик и заводов в России упирается в правительственную политику, которая сокращает накопление в стране и задерживает развитие производительных сил. Фабрики в России остаются в «бессилии и весьма посредственном состоянии», производительность труда и качество продукции гораздо ниже, чем в Западной Европе. Купечество в России не имеет никакого стимула для организации торговых фирм и предприятий: «свойственная в самодержавном государстве опасность для партикулярных людей обнаруживать свое уменье и владение достаточным поводом служить к утишению такой охоты». Эта опасность столь велика «в российской нации и между самым подлым народом, что богатые люди дома денег не держат, в землю их закапывают; они боятся обычных конфискаций и реквизиций». Такое же описание мы находим у иностранных путешественников, посетивших Россию в XVI в.; стало быть, правовое положение мелкой буржуазии за 200 лет не улучшилось. Шведский посол правильно отметил, что «употребление в России монополий есть одно из наиважнейших обстоятельств, которые утесняют и умаляют торг: они обогащают небольшое число «партикулярных персон» и «уничтожают прилежание и движение все-

го общества». Неизвестный автор «Рассуждения о причинах упадка вексельного курса в России» (в конце XVIII в.) жалуется на то, что экспортируемые Россией товары продаются дешевле заграницей, чем внутри страны: «бедный земледелец за нужные в домашнем быту его поделки, как-то: лемеха, топоры, подкову и проч., платит тяжелым трудом приобретенные 1 р. 40 к. за пуд из отечественного материала», в то время как в Англии этот товар продается по 80 коп. Это относится не только к железу, но и к холсту и прочим товарам. Такие жалобы в России не прекращаются до последних дней существования царизма.

В 1767 г. была создана комиссия для выяснения причин дороговизны хлеба: цены на хлеб сильно поднялись в 60-е годы. Екатерина II в 1766 г. объехала 2 300 верст. По дороге ее убедили в том, что во многих местах «запасено хлеба не только на год, но и на два, и на три». Между тем, правительство не могло объяснить причину вздорожания хлеба. Уже один факт создания такой комиссии показывает, что крепостническое государство переживало кризис. Ответы местной администрации отражают распад крепостного хозяйства. Администрация Московской губ. видела причину дороговизны в массовом уходе крестьян в города на заработки, в взвинчивании цен на хлеб скупщиками и спекулянтами, в запустении земель, в лености крестьян и их «злобной наклонности к обману, воровству» и, наконец, в возросшей армии «дворовых тунеядцев». Анкеты комиссии почти со всех мест с тревогой отмечают значительно возросшее число крестьян, уходящих на заработки в города, усиливающуюся диференциацию деревни, борьбу из-за земли, сокращение крестьянских наделов, классовую борьбу в среде крестьянства и т. д.

Задолженность дворянства увеличивалась: в 70-х гг. XVIII в. в одной конторе Петербургского банка числилось 5 000 заемщиков; в 80-х гг. в опекунском совете было заложено больше 62 000 душ. В 1786 г. дворянские банки были заменены «государственным заемным банком», которому на раздачу дворянам было ассигновано 22 млн. руб.

Историк М. Щербатов, внимательный наблюдатель, не может «без чувствительности видеть дворянство униженное и разоренное». Хотя он сгустил краски, но в этих строках было не мало правды.

Крепостное хозяйство горело и с другого конца. Накопление в крестьянской среде росло. В середине XVIII в. появляется крестьянская мануфактура, получившая такое большое распространение, что правительство вынуждено было ее легализовать. Крестьянские торжки, ярмарки, рост крестьянской торговой буржуазии,

скупщиков, ростовщиков разлагал и постепенно подтачивал крепостное хозяйство изнутри.

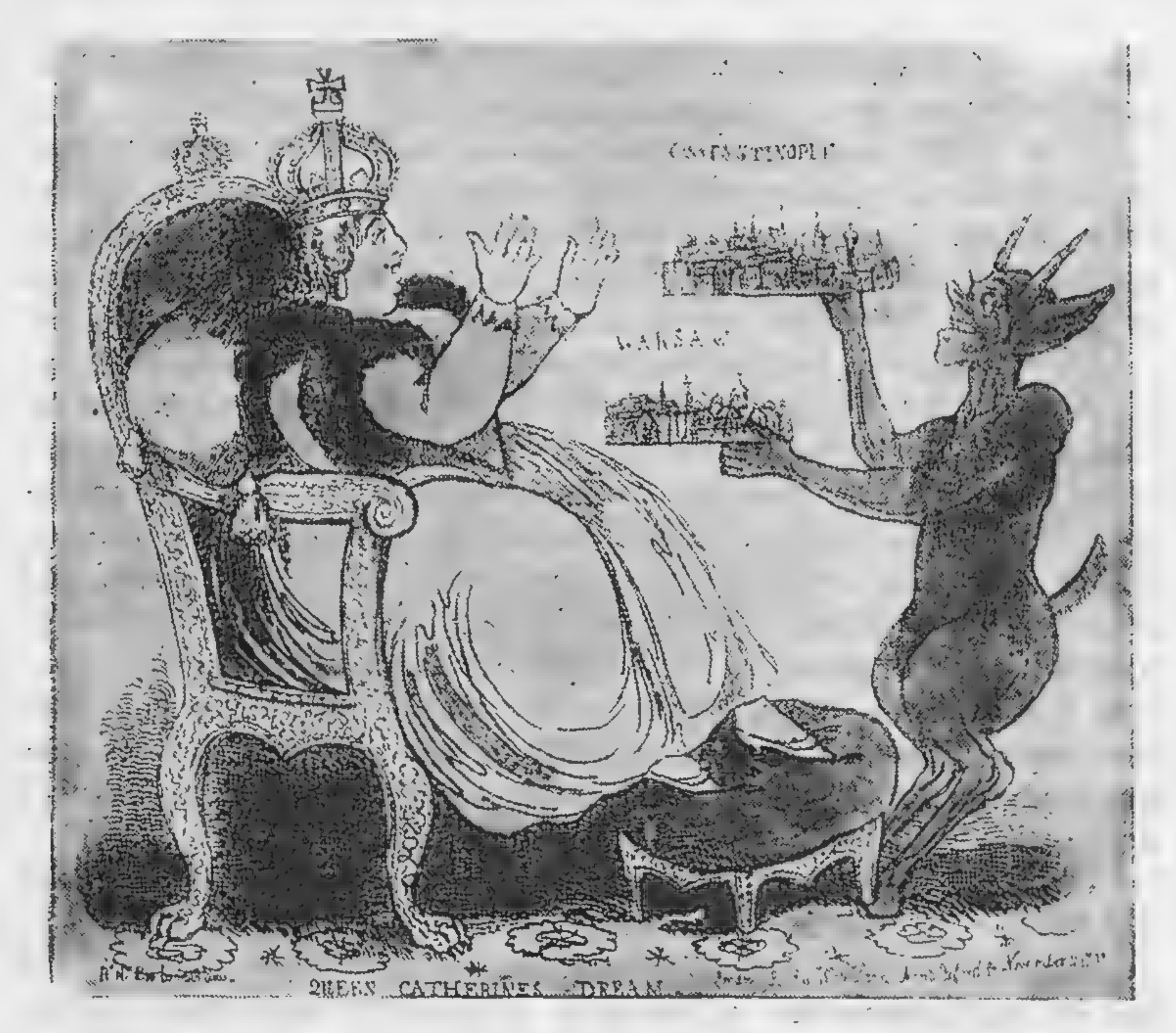
Дворянское правительство искало выхода из кризиса. В 1766 г. Вольному Экономическому Обществу Екатериной II была предложена задача: — «в чем состоит собственность земледельца, в земле ли, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он может иметь право на то или на другое для общенародной пользы?» Писатель А. Сумароков (1718—1777 гг.) немедленно прислал ответ на задачу. Его яркое законченное мнение характерно для «передового» дворянства того времени. Он писал:

«Нужна ли ради общего благоденствия свобода крепостным?» На это он отвечает: «нужна ли вольность или клетка забавляющей его канарейке, нужна ли цепь стерегущей его дом собаке? Канарейке лучше без клетки, а собаке — без цепи. Однако одна залетит, а другая будет грызть людей». Ответ он заканчивает выводом: «свобода крестьян не только обществу вредна, но и пагубна, того и толковать не надлежит».

Вольнодумец и масон Николай Иванович Новиков, заключенный в 1792 г. Екатериной II в крепость, выступил в 1791 г. с защитой крепостного права. Закрепощение крестьян он оправдывал следующим образом: 1) земля оставалась необработанной из-за того, что крестьяне пользовались свободой, 2) крестьянская свобода приводила к восстаниям: «неспокойные головы овладевали умами народа и рождали в них ненависть к своим помещикам, 3) холопы, освобождавшиеся после смерти своих господ, становились предводителями разбойничьих шаек... Вольнодумец с «ужасом читает» о французских крестьянах, умерщвлявших своих господ. По этому поводу он цитирует Руссо: «свобода есть прекрасная пища, но требуется хороший желудок, чтобы ее сварить, а его-то не все люди имеют». Отсюда Новиков приходит к выводу: оставить свободу буйной черни «есть то же, что пустить диких медведей между людьми»; правительство поступило благоразумно, когда оно превратило в крепостных «многочисленное сословие людей грубых, диких, непросвещенных и готовых на всякое буйство»... В заключение он приводит слова знаменитого в свое время агронома Болтина: «крестьяне русские прусской вольности не снесут, германская вольность не улучшит их положения, с французской они помрут с голоду, а английская низвергнет их в бездну»...

Эти настроения не оставляют сомнения в том, что накануне пугачевщины передовые помещики пытались выйти из кризиса только большим нажимом на крепостного крестьянина.

Среди помещиков были такие группы, которые готовы были поднять вопрос об освобождении крестьян. «Вольное Экономиче-

МЕЧТЫ ЕКАТЕРИНЫ II
(С английской карикатуры)

ское Общество» в 1766 г. выдало премию французу де-Лябею, который писал: «Дав вольность крестьянам вашим, вы ничего не потеряете, но еще умножите ваши доходы, Вы гораздо вернее будете их получать, вы уменьшите ваши заботы и ваши страхи о работах сих бесчастных, от которых вы ныне очей ваших ни на час отвратить не можете, чтобы не узреть их праздных и без действия... кои должно побуждать побоями. Удовольствие видеть следующую везде за вами собачку, которая вас любит и вас ласкает, может ли сравняемо быть с тягостным трудом водить медведя». Автор ответа не получил должного отклика: русское дворянство еще долго предпочитало «водить медведя».

Учрежденная в 1760 г. «комиссия о коммерции» получает много жалоб заводчиков на постоянные переходы рабочих с завода на завод, на бегство вольнонаемных рабочих, на невозможность «ни за какую цену» нанять рабочих в летнее время... Дальше крепостная мануфактура уже не могла развиваться.

Все свои крупные политические и организационные мероприятия правительство сводит, — выражаясь словами М. Н. Покров-

ского,— к интенсификации барщины, к дальнейшему выколачиванию с крестьян необходимого и прибавочного продукта.

В то время, когда крепостное хозяйство дает большие трещины, дворянское правительство напоминает о незыблемости господства дворян. В Законодательной комиссии 1767 г. принимается проект прав «благородных». В этом проекте нет ничего нового, но он еще раз напоминает о «незыблемой» диктатуре крепостников.

«Благородное» дворянское сословие неограниченно господствует. Характеристику этого сословия мы находим у личного секретаря Павла I, который писал: «Все пружины управления попортились: каждый начальник округа сделался самостоятельным деспотом. Места, правосудие, безнаказанность продавались за деньги. Около двадцати олигархов разделили между собою Россию под покровительством фаворита. Екатерининские чиновники были бесчувственны, как колоды, лихоимцы, как мытари, хищны, как лакеи, и продажны, как субретки в комедиях, — они были поистине сволочью империи. Выскочки и любовники оказались такими голодными пиявками, что их пришлось накачивать самой чистой кровью государства и потом народа».

Один иностранный дипломат сообщал своему правительству в 1760 г.: «В Российском дворе больше, нежели где в Европе, великолепный и роскошный образ жизни: роскошная жизнь здесь год от году прирастает и, наконец, становится несносною. Ее величество императрица, будучи сама весьма склонна к роскоши и блистающему великолепию, на что и употребляет несказанное число денег, своим примером поощряет весь свой двор на такую несносную роскошь. Не можно описать, какие великолепные имения и деньги здешние знатные фамилии истощевают на доставление себе наивеликолепнейших домов, самых лучших домовых уборов, алмазных и золотых вещей, множества служителей, экипажей и других неисчисленных излишеств». Надо напомнить, что в 1792 г. государство истратило на больницы 104 тыс. руб., на школы — 782 тыс. руб., на винную и соляную монополии 13 млн. руб., на армию и полицию — 36 млн., а на императорский двор — 8 млн. руб. Дворянство, свободное от налогов, все средства на госбюджет брало у крестьян, которые от государства ничего не получали.

Таков был строй дворянского государства, надвигавшийся на восточные колонии.

Понимало ли дворянство глубину кризиса крепостнической системы? Видело ли оно глубокие трещины под ногами? Нет, оно этого не видело. Дворянство было очень далеко от пессимистических настроений. Казенный «поэт» Державин верно отразил настроение господствующего класса, когда он писал:

Гром победы раздавайся!
Веселися храбрый Росс.
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрес!
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать.
Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас:
Храбрость Россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!

Удачные колониальные захваты смягчали кризис и оттягивали развязку. Поэтому в конце XVIII в. наступлением на восточные колонии правительство вновь пытается разрешить кризис феодально-крепостнической системы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПУГАЧЕВЩИНА

(1773—1775 гг.)

БАШКИРСКИЕ ВОССТАНИЯ ДО ПУГАЧЕВЩИНЫ[1]

Великодержавный историк с возмущением отмечает: башкиры, вместо того, чтобы прославлять государей своих, «глупых и безрассудных людей» возмущают. Историк «доказывает», что башкиры—врожденные «воры», даже имя этого народа свидетельствует о его враждённых воровских наклонностях: «башкиры», главные воры, получили такое имя от нагайцев. Историография, таким образом, оправдывала грабительские действия правительства и подводила соответствующую «идеологическую базу». Башкиры же были особого мнения насчет того, как следует «прославлять государей»»: башкирские восстания не прекращались в течение XVII и XVIII вв. (в 1645, 1662, 1664, 1677, 1680, 1683, 1704. 1707, 1717, 1735—1741, 1755 гг.).

Из крупных революционных движений башкир надо отметить восстание 1676 г., под руководством Сеита, когда вместе с казаками-киргизами башкиры три года разоряли закамские города. Второе крупное восстание произошло в 1707 г., когда башкиры, совместно с татарами, «многие тысячи людей погубили, а села все выжгли», причем восставшим удалось дойти до Казани. Третье крупное восстание началось в 1735 г. и было подавлено только в 1741 г. Во время этого восстания много «из тех бунтовщи-

---

[1] В своей работе о пугачевщине («Историк-марксист» № 6) я по-меньшевистски трактовал вопрос о фермерстве, т. е. я считал, что фермерство в Америке возникло на «пустом месте». В данном вопросе я повторил Суханова, против которого выступил Ленин в своей работе о сельском хозяйстве в Америке.

Кроме того, я ошибочно считал, что Россия во второй половине XVIII в. переживает только локальный кризис. Такой трактовкой я механически изолировал кризис восточных колоний от кризиса всей крепостнической системы.

ков казнено и побито при сражениях, послано в ссылку в Остзейские места и роздано разным людям жен и детей для поселения внутри России». В течение 1735—40 гг. «померло и побито» 7 455, сослано во флот 3 236, «роздано жен и детей для пересе-

КАРТА ПУГАЧЕВЩИНЫ
Состав. М. Н. Мартынов для III т. «Пугачевщины», изд. 1931 г.)

ления внутрь в России» 8 382, казнено 9 438 башкир. Кроме того, в Башкирии разорили 696 деревень, конфисковали 12 282 лошади, 5 872 коровы и овцы. Огнем и железом Кириллов подавил восстание; он объявил вне закона русских и башкирских беглых, запретил башкирам вступать в какие бы то ни было сношения с татарами, разрешил русским помещикам «покупать» (т. е. захватывать) землю туземцев, запретил туземцам иметь кузницы и т. д. В то же время Кириллов упрекал башкир в «черной неблагодарности». Он писал о том, что «башкирский воровской на-

ПОРТРЕТ ПУГАЧЕВА

род» благоденствовал, жил на пожалованных им землях с великим довольством, одним словом сказать, ни одному из подданных народов такой высочайшей милости и защищения не показано, как вашим воровским предкам». Четвертое восстание произошло в 1755 г. под руководством Батырши Алеева, который

ПУГАЧЕВ

призывал башкир «россиянам никаких служб не чинить, городов, крепостей и заводов строить не допущать». Он предложил мобилизовать лошадей, приготовить сабли, копья, луки, стрелы и «всякие принадлежности, неверных россиян разорять, со всех земель

их выгнать». Батырша предлагал союз казак-киргизам, татарам и призывал к объединению с Бухарой и Ташкентом для совместной борьбы с Россией. Вождь башкир заявил, что ему даже обещана помощь Турции. Восстание началось в назначенный день — 18 мая 1755 г., оно отличается своей организованностью и сформулированной политической программой, требовавшей национальной независимости. Восстание было разгромлено: 10 тыс. башкир скрылись среди казак-киргизов, 1 000 человек было убито, а «из переловленных по наказании кнутом многие сосланы в ссылку на вечную работу, а жены их и дети отправлены были в Москву для раздачи там во владение российским людям». Для подавления восстания было мобилизовано семь полков, 500 ставропольских калмык, «не малое число верных башкирцев и мещеряков» и 2 000 донских казаков. Армии были хорошо вооружены артиллерией в «полном комплекте». Во главе 20 000 карательной экспедиции был поставлен майор Салтыков, срочно отозванный из действующей армии, находившейся в Пруссии. Салтыкову сравнительно быстро удалось подавить восстание «воров, разорителей своего покоя и отечества»: тептяри-бобыли, арендаторы башкирских земель, помогли правительству, обещавшему им часть арендуемой земли. Напомним, что такими же методами царизму удалось подавить восстание в Польше в 1863—64 гг.: польские крестьяне получили ту землю, которою они владели до освобождения.

Во имя чего боролись башкиры? Сотни и тысячи башкирских «челобитий» всегда повторяют одно и то же: «чтобы русских людей, которые на их (башкирских) землях живут, поселясь насильством, с тех земель выслать на прежние жилища, а теми землями владеть им, башкирцам, попрежнему». Они требовали прекращения экспроприации башкирской земли и изгнания колонизаторов. Более активной была роль башкир в пугачевщине.

ВОССТАНИЯ ЯИЦКОГО КАЗАЧЕСТВА НАКАНУНЕ ПУГАЧЕВЩИНЫ

С начала XVII в., в связи с ростом каспийской торговли и сношений с Востоком, начинается колонизация района реки Яика. В средине XVII в. этот район колонизировался крупнейшим купцом своего времени — Гурьевым, который за свой счет построил город и устанавливал торговые сношения с Востоком. Одновременно край заселялся казачеством, которое в значительной части состояло из беглых крепостных и милитаризованной мелкой буржуазии.

ПУГАЧЕВ

Яицкое казачество, как и донское, вело обширную торговлю; главнейшим источником его богатства был рыбный промысел; количество свежей и соленой рыбы и икры, вывозимой ежегодно, определялось суммой до 2 млн. руб. Ежегодно экспортировалось до 150 тыс. овец в Арзамас, Муром, в Симбирскую и Саратовскую губернии; в Ригу, Петербург вывозилось сало. Хлеб казачество получало из Оренбургской губернии, пеньку и лес — из Башкирии, дрова — с берегов Илека, плоды — из Астрахани морем, сукна, шелковые и бумажные материи доставлялись ростовскими купцами. Из разных областей России приходили ремесленники в казачий район.

Не все казаки имели право торговать. Право торговли предоставлялось только уже вышедшим в отставку и записавшимся в гильдию, т. е. богатым казакам. Кроме того, была группа казаков, которая не участвовала в рыбных промыслах и в наряде на армию, но охраняла только границу от киргизов.

Зажиточная часть казачества выставляла на свой счет полки в армию и стражу до Каспийского моря. Каждый наемный казак получал до 1 500 руб. в год., а за десять месяцев похода полагалось до 2 000 и даже 3 000 руб. каждому казаку, служба по охране города оплачивалась по найму в 300—400 р. в год. Отставные и малолетние казаки могли покупать у богатых казаков и чиновников разрешение на рыбную ловлю. Офицеры получали на себя по несколько разрешительных билетов, которые ими продавались. Помещики покупали крестьян и селили их на войсковых землях; таким образом, до пугачевщины на Яике зарождалось крепостное хозяйство.

Со второй половины XVIII в. ограничивались права казачьего «круга», вводилась очередная служба вместо найма, устраивались казенные учуги, (перебой из бревен поперек р. Яика) преграждавшие рыбе доступ из моря по р. Яику, увеличились рыбные «презенты» («подарки»), которые казаки обязаны были доставлять царскому двору в Петербург, запрещалось казакам принимать к себе раскольников. В то же время петербургское жалованье попадало в руки старшинской «партии» и атаманов, которые его распределяли «по своему усмотрению». Казачья масса в 1766—1770 гг. вовсе не получила жалованья; это объяснялось атаманами тем, что жалованье ушло «на войсковые нужды». Когда в 1766 г. казачье войско потребовало отчета, старшинская партия прибегла к угрозам. Правительство же поддерживало «атаманскую партию». Руководитель восставшего казачества Логинов был приговорен к публичному наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке в вечную каторжную работу. Сурово были наказаны также и рядовые казаки, которые подписывались под

ПУГАЧЕВ

жалобой на атаманов: 40 человек были биты в собранном казацком кругу палками и посланы в Гурьев городок на целый год без очереди и без обыкновенной казацкой помощи. Присланный из Петербурга генерал-майор Черепов в 1767 г. предложил своего кандидата в атаманы; когда же казаки стали возражать, по казачьему кругу был открыт огонь.

Новый атаман Тамбовцев, выбранный «единогласно всем кругом» по согласованию с центром, стал обременять казаков новой караульной службой. В 1772 г. казаки восстали: убили генерала Траунберга, присланного из Петербурга, и своего собственного атамана, разгромили дома богатых старшин и выбрали новое казачье управление. Правительство жестоко подавило восстание и наложило на казаков контрибуцию в 70 тыс. руб. (по курсу 1770 г.), причем с бедных казаков взыскивалось по 40—50 руб., а с богатых по 5—10 руб. В результате этого большинство казаков разбежалось, укрылось в Оренбургской степи и осенью 1773 г. присоединилось к Пугачеву.

ВОССТАНИЯ РАБОЧИХ ДО ПУГАЧЕВЩИНЫ

В течение XVIII в. восстания рабочих не прекращались. В 1722 г. при постройке екатеринбургских горных заводов рабочие ушли и оставили генерала Генина одного на необитаемом острове. Многие из крестьян тобольских слобод, работавших на постройках города, оставили свой скот и хлеб и бежали целыми семьями в Башкирию. В 1727 г. рабочие опять отказались выйти на работу. Генин не захотел прибегать к принудительным мерам воздействия. «Принуждать же опасно было, чтобы они не учинили большого сопротивления, не привели бы сами себя оставлением своих пашен в деловую пору в скудность и голод». В 30 и 40-х гг. опять вспыхивали волнения. В 1752 г. крестьяне Выровского завода Н. Демидова выпустили воду из пруда; начальство же они встретили с оружием: выходя с дрекольем из своих жилищ, они останавливали воинские команды. В 1754 г. 1 000 крестьян из черносошных волостей Казанской г. отказались итти на Вознесенский завод, и заводчикам пришлось приостановить работу на многих заводах, благодаря частым побегам и восстаниям. В 1760 году рабочие Н. Демидова опять восстали и отказались от заводских работ до тех пор, «покамест Демидов с ними в деньгах расчета не сделает». Екатерина II отметила в своем дневнике, что в 1762 г. 49 000 приписных крестьян были в «явном ослушании и открытом бунте». Восстание пришлось усмирять вооруженной силой, причем одни рабочие погибали в неравном бою, другие разбегались.

Волнения рабочих не прекращались также в центральной России. Наибольший размах приняло рабочее движение в 40—50-х гг. XVIII в. В 1749 г. фабриканты Болотин и Докучаев жаловались, что из 9 тыс. рабочих у них осталось только 120, почему они просили силой заставить их работать: взрос-

лых — кнутом, подростков — плетью. Крестьяне в свою очередь жаловались начальству, на что правительство ответило так: «десятого бить кнутом и сослать в каторжную работу, а других наказать плетьми и принудить к работе». Так как крестьяне постановили: «указа не слушать, а если их станут брать силой, то не

даваться», то правительство приказало «жилища крестьян жечь, а по крестьянам палить из пушек». Рабочие волнения охватили почти всю тогдашнюю центрально-промышленную полосу. Кровопролитные сражения происходили в 1752 году в Калужском уезде между рабочими фабрики Гончарова и войсками. Трехтысячная армия рабочих имела «пушки, ружья огненного довольное число». Восставшие, кроме того, имели «копья, цепы, дубины и прочее оружие, во многих телегах каменья». Войско открыло по рабочим стрельбу, убитых и раненых было «не малое число». Однако рабочие, «не страшась пальбы, нагло наступали»... Рабочие не только не сдались, но еще потребовали офицера в качестве заложника, разбили Ряжский драгунский полк и захватили в плен полковника. Для освобождения полковника было отправлено шесть полков. Им дана была инструкция: «Не допуская к сражению, жилища сжечь, палить по ним из пушек». Восстание в конце концов было подавлено.

Рабочие на московской фабрике Щеголина боролись в течение десятилетий. Они протестовали против того, что хозяин их «посылает на свои домовые работы», отправляет рабочих «для сыску беглых», принуждает «есть в своей (хозяйской) харчевне дорогой ценой». Рабочие были возмущены тем, что их «бьют плетьми смертно, оковав в железа, держат под караулом». Забастовавшие рабочие объясняют причину своего бегства: «стали мы подданными работниками невольными, а не свободными». Стачки рабочих, начавшиеся в 30-е годы XVIII в., не прекращались в течение всего XVIII в. В 1762 г. князь Мещерский пришел с солдатами на большой суконный двор Щеголина для наказания ученика Андреева за «ложное сказывание», но рабочие не дали «сечь» Андреева и, в «великом озарте ворвавшись в контору фабрики, чинили превеликий шум». Рабочие «чрезвычайной производили озарт, хотели бить смертно мастера и служителей». Сенат распорядился немедленно подавить стачку. В итоге «публичное наказание учинено зачинщикам плетьми и батоги». Рабочие дали подписку в том, что они «своевольно от работ отлучаться» не будут. Рабочие во всех восстаниях в течение XVIII в. выступали с одинаковыми требованиями: они протестовали против приписки к заводам и требовали применения вольнонаемного труда.

Крестьяне из своей среды часто выдвигали самозванцев; так, например, в 1762 г. казанский крестьянин, приписанный к Шуваловским заводам, объявил манифестом, что крестьяне освобождаются. Авторов таких манифестов было не мало.

В настоящее время уже не трудно установить, как зародилась пугачевщина. Пугачева выделили из своей среды яицкие казаки

КАЗНЬ СОРАТНИКОВ ПУГАЧЕВА 21 ЯНВАРЯ 1775 г. В МОСКВЕ
(С картины Музея революции)

и раскольники на реке Иргизе; последние осенью 1773 г. организовали на свои средства первые вооруженные агит-отряды. Почва была до того накалена, что небольшая, хорошо сколоченная группа сумела легко поднять восстание.

ПУГАЧЕВ

В разыгравшихся событиях тридцатилетний Пугачев не был случайной фигурой; его хорошо знали в казацко-раскольничьей среде. Он прошел суровую школу солдатской службы, был беглым. Из показаний судебному следователю видно, что Пугачев был стойкий, самоотверженный и мужественный человек; так Максим Горшков, ближайший сотрудник Пугачева, показал, что Пугачев «от излишнего вина воздерживался и употреблял редко». Иван Почиталин, один из членов военной коллегии, сообщает, что Пугачев «не любил грабительства безвинных людей»; он беспощадно вешал мародеров. Пугачев хорошо знал военное дело: большею частью он сам наводил пушки. По показаниям Падурова, ближайшего друга Пугачева, он был раскольником: казаки выкалывали иконам глаза, а иногда их совсем раскалывали и разрубали, а Пугачев «попущал их на истребление этих икон». Мценский купец Иван Трофимов заявил, что он считает Пугачева донским казаком: разговор Пугачева «это явно показывает: он употреблял вопросительно слово «откель ты?», второе похвалительно — «ладно», и весь его разговор — мерзительный, подлый, а благородного и ученого слова ни одного не слыхивал»...

Даже представители военщины отметили, что «у него было достаточно ума и гения для казака», что «варвар одарен талантами и большим присутствием духа» и т. д.

Когда Пугачев стал «императором», то ему не трудно было показать «царские знаки» на своей груди, т. е. штыковые раны, полученные им от гвардейцев. На допросе он показал, что до восстания он дважды подвергся телесному наказанию: один раз плетью, а затем ботогами. Даже официальными данными он изображается как человек, обладавший талантами организатора, стрелка и артиллериста.

Вскоре вокруг Пугачева собралась большая армия русских крестьян, заводских рабочих и националов.

ХОД ВОССТАНИЯ

22 ноября 1773 г. генерал-майор Фрейман был охвачен паническим настроением: под Оренбургом появилась толпа «изменников», имевшая до 70 орудий и «великое множество пороху и

ядер». Красная армия, по его данным, насчитывала не менее 20 тыс. человек. Во время осады Оренбурга Пугачевым поднялась вся Башкирия. Армия Чики-Зарубина, члена пугачевской военной коллегии, блокировала Уфу и пыталась захватить Кунгур и Челябинск. Его армия действовала до конца марта 1774 г. Одновременно Иван Кузнецов, «главный российского и азиатского войска предводитель», взялся за объединение действий башкир. Его армия оперировала в районе Саткинского и Златоустинского заводов в Уральских горах и по линии Красноуфимск—Кунгур. Иван Наумович Белобородов принял руководство отрядами в районе Екатеринбурга. Пугачевцы имели под своими знаменами десятки тысяч рабочих и крестьян. Дворянство Казанского и Симбирского районов стало переселяться в Москву.

Весною 1774 г. развернулись большие бои из-за Татищевой крепости, которая прикрывала пути в Оренбург, Илецк и Яицкий городок. Пугачевцы храбро защищали эту крепость. Князь Голицын доносил, что он не «ожидал таковой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как сии бунтовщики». Повстанцы были разбиты и понесли большие потери. Этот разгром (24 марта 1774 г.) фактически решил участь Пугачева под Оренбургом. О своей победе правительство поспешило сообщить в гамбургские газеты. Почти одновременно была разбита армия Чики-Зарубина под Уфой и очищен от пугачевцев весь край от Кунгура к Екатеринбургу. Паденьем Оренбурга весною 1774 г. заканчивается первый период пугачевщины.

В подготовке почвы для крупных неудач красной армии, по данным нового исследователя, повидимому сыграл большую роль продовольственный кризис.

Продовольственный вопрос давал себя остро чувствовать в лагере восставших, особенно во время долгого стояния главных пугачевских сил под Оренбургом в Бердской слободе. О снабжении всем необходимым огромного количества народа, жившего в Берде, приходилось усиленно думать и «Государственной военной коллегии», учрежденной Пугачевым, и его специальному продовольственному комиссару — Максиму Шигаеву, самому влиятельному члену в военной коллегии, замещавшему Пугачева в Берде во время его отлучек. Провиант и фураж пугачевцы старались стягивать в Берду решительно отовсюду: с заводов, из-под Самары, из далекой Челябы и т. д. Однако с продовольствием в Берде дело не всегда обстояло благополучно. Так, казачий капрал из Елшанской крепости Тимофей Соколов сообщил: «В сей злодейской толпе проходит недостаток в хлебе по причине той, что ни с которой стороны оного не везут; для чего между злодеев идет

переговорка, что предводитель их намерен отправить партию, тысяч до двух человек, с пушками по Самарской линии к Бузулукской крепости и в окрестные оной жительства для получения провианта. А сам со всею его толпою в том стоит намерении, чтоб взять Оренбург». Рядовые пугачевцы показали, что, живя в Берде, они определенно недоедали.

Продолжительная осада Оренбурга является большой ошибкой Пугачева. Он легко мог бы взять тогда незащищенную Казань—и пойти на Москву. Совершенно правильно отмечает Н. Дубровин, — казенный историк пугачевщины, — что «в понятиях яицких казаков овладение Оренбургом, как главным пунктом края, было первой и самой главной целью».

От Оренбурга Пугачев сперва пошел, было, на Общий Сырт, намереваясь пробраться степью на Яик, но по пути повернул на Сакмарский городок; здесь его армия потерпела поражение. От Сакмарского городка повстанцы направились вглубь Башкирии.

Весною 1774 г. на Вознесенском и Авзяно-Петровском заводах революционная армия получила значительное подкрепление людьми и артиллерией, после чего движение вспыхнуло с новой силой. При помощи горнозаводских рабочих, крестьян и националов Пугачев в июле 1774 г. взял Казань.

Вскоре, однако, подполковнику Михельсону удалось нанести Пугачеву сильное поражение [1]. Будучи разбит под Казанью, Пугачев со своей армией катился вниз по Волге.

В то же время на правом берегу Волги поднялось крестьянство. Пугачев «пошел со своей толпой, которая час от часу умножалась». В Пензе, Алатыре, Саранске, Нижегородском уезде, Цывильске, Шацке, Саратове и в других многочисленных пунктах крестьяне, встречая революционную армию с хлебом и солью, давали вооруженных людей, хлеб, фураж. Они являлись к Пугачеву, прося разрешения набирать людей в революционную армию. Во многих местах народ встречал пугачевцев «в лутчих платьях, с знаменами и показывал радостный вид».

Восстание на правом берегу Волги навело на правительство панику. Князь Голицын в августе 1774 г. донес: «Симбирского и Пензенского уездов чернь вся заразою дышит, сбирается в немалые скопища, истребляет дворянство и делает превеличайшее раззорение...» Помещичьи, дворцовые и экономические крестьяне Курмышского, Ядринского, Алатырского, части Нижегородского и Арзамасского уездов «пришли в великое возмущение

---

[1] За победу Михельсон был произведен в полковники и получил 500 душ крестьян, а офицерам его отряда было роздано 3146 крестьян.

и неповиновение своим помещикам». Нижегородские власти очень опасались за судьбу города, так как мимо города на «судах ежедневно проходило черни многие тысячи». «Яд нечестивого самозванца Пугачева коснулся и Сибири», где поднялись националы, рабочие и крестьяне. Помещичья Россия от Нижнего-Новгорода до южных границ Тамбовской губ. пылала в огне.

ПОДПИСЬ И ПЕЧАТЬ ПУГАЧЕВА

На пути к Казани летом 1774 г. ближайшие помощники уговаривали Пугачева итти прямо к Москве. После же поражения под Казанью Пугачеву не приходилось уже сомневаться ни в своей популярности в массах, ни в быстром, как всегда, восстановлении своей живой силы. И все-таки разгромленная революционная армия не пошла ни на Нижний-Новгород, ни на Москву, а резко повернула на юг. Окончательный удар был нанесен Пугачеву под Черным Яром.

Победа, одержанная Михельсоном 26 августа 1774 г., поставила Пугачева в безвыходное положение: почти со всех сторон он был окружен правительственными войсками, его преследовали кавалерийские части. В начале ноября арестованный Пугачев уже находился в Москве и 10/21 января 1775 он был казнен.

Волга на протяжении от Казани к Нижнему-Новгороду и несколько выше по течению с прилегающими уездами стала ареной движения в июле и августе 1774 г.

ДВИЖЕНИЕ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ВОЛГИ

На правом берегу Волги, в чисто крестьянских районах, где революционное движение имело больший размах, чем принято думать, до основания были разрушены города Алатырь, Саранск, Пенза, где «погибло великое множество дворянства»; также и в Шацкой провинции многие «дворянские фамилии были мучительством истреблены». В Нижегородской губернии, переполненной бурлачеством, крестьяне вешали дворян и приказчиков. Военные представители на местах опасались, что все дворянство может быть скоро истреблено, если не будет оказано немедленной помощи. Здесь «дерзость и буйность простого народа до самого высшего градуса низошла». Ни один дворянин из «благородного корпуса», попавший в руки повстанцев, не избег «мучительств». Везде и повсюду «чернь сего изверга рода человеческого с восклицаниями встречала».

Борьба была решительная и беспощадная: крестьянство «ловило» своих господ, немедленно казнило их на месте или чаще вывозило на казнь в штаб. Зачастую крестьяне нарочно приезжали в город для расправы с помещиками. Керенский помещик Корольков сообщил, что при нападении 7-8 августа «воровской толпы» на Керенск дом его был «выжжен и с пожитками весь без остатку». В Темникове дом его был совершенно разграблен, причем в этом разграблении, «по известиям», принимали участие как дворовые люди Королькова, жившие в этом доме, так и «крестьяне с женами своими, которые нарочно из деревни с тою варварскою толпою для грабежа в Темников прибежали». Такие сообщения исчислялись сотнями.

Какой характер имела пугачевщина на правом берегу Волги? В Воронежской, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской губ. она носила характер жакерии. Здесь крестьянство выступало большей частью немногочисленными отрядами, которые таяли при наступлении правительственных войск и вновь нарастали, как снежный ком. Крестьянство дралось отчаянно и храбро, но оно не имело такой опорной технической базы, как горные заводы. Находясь в менее выгодном положении, оно не было в состоянии укрепиться до прибытия крупных правительственных отрядов. Будучи лишены технической базы, крестьянские отряды рассеивались армией и местными вооруженными отрядами помещиков. Движение крестьян было затруднено еще и тем, что Пугачев со своей армией катился на юг, терпел поражение за поражением, и восстание на правом берегу Волги было лишено руководства из единого центра.

Повстанцы, потерпевшие поражение, пытались прорваться с правого берега Волги на Дон. Осенью 1774 г. Ворона, Хопер и Медведица — по данным новых исследователей — стали главными артериями направления пугачевцев из районов правого берега Волги. Даже через год по усмирении пугачевщины шли донесения о том, что «по рекам Хопру и Медведице во множественном числе мятежники и разбойники».

Почему же донское казачество не присоединилось к пугачевщине? За сто лет от разинщины до пугачевщины на Дону произошли большие перемены в классовой структуре донцев. За это время вырос крепкий значительный слой крупных помещиков. На Дону уже выросло крупное помещичье землевладение и был организован прочный правительственный аппарат. Донское крестьянство и казачество, боровшееся в течение всего XVII и первой четверти XVIII в., уже не было в состоянии подняться после тяжких поражений.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В первые же месяцы восстания пугачевцы организовали военную коллегию, о работе которой мы имеем сведения. Максим Горшков, секретарь военной коллегии, показал, что в военной коллегии никаких письменных судов не производилось: дела разбирались и решались словесно; только «наставления» по армии и «манифесты» давались в письменном виде. Члены коллегии распределяли между собою обязанности: один ведал судебными делами, другой—«интендантством», третий вел делопроизводство, четвертый ведал «агитпропом» (составлял манифесты вместе с другими авторами, и т. п.).

Военная коллегия руководила восстанием, разрабатывала стратегические и тактические вопросы, формировала отряды, снабжала команды продовольствием и военными припасами, старалась производить равномерные обложения между жителями, отпускала семействам мобилизованных провиант из казенных и общественных магазинов. Нуждаясь в деньгах, военная коллегия не всегда бесплатно раздавала соль, но отпускала ее гораздо дешевле казенной цены. Восставшая армия делилась на полки также и по национальному признаку; во главе национальных полков стояли люди, знающие родной язык восставших.

В армиях горных районов была суровая дисциплина. За самовольную отлучку из армии наказывали палками, за побег — смертною казнью и даже уничтожением имущества. От военной

службы освобождали только с особого разрешения; в сомнительных случаях даже подвергали медицинскому осмотру. «В селе К... на двух дорогах,—приказала военная коллегия, — крепкий караул учредить для того, чтобы из здешней армии без письменных билетов в домы свои не разошлись. Если же ныне кто из здешней армии без билетов или хотя с билетами — оных отнюдь не пропускать, а посылать обратно в здешнюю команду». Перешедшим на сторону Пугачева выдавались особые грамоты или удостоверения. От мобилизации освобождали по приговору общего собрания жителей. Так, представители деревни Бияк просили освободить от военной службы Якубова на том основании, что у него большая семья и он ее единственный кормилец, причем деревня обещала дать вместо Якубова другого армейца, если военные власти будут настаивать.

Революционная армия стремилась наладить хозяйство и организовать жизнь тыла. Атаман выбирался на общем собрании жителей, которые давали ему диктаторские полномочия. «Изба», — общественное самоуправление, — брала на учет покинутое имущество помещиков и казны. «Поручается вам смотрение иметь — гласил приказ Осинской «избе» — как над казенными капиталами, так и продажей соли, а деньги принимать под свое хранение, записывая в приходо-расходную книгу без всякой утайки». Военная коллегия приказывала атаману Арапову по Самарской линии «хлеб немолоченный молотить и намолоченный молоть и, смоловши, прислать в армию. Подводчикам деньги будут выданы из казны, и провожатые не должны — под страхом казни — чинить населению никаких обид». Вождь рабочего района, казак Кузнецов, идет дальше: он приказывает «иметь обстоятельное смотрение, дабы в соли обвесу, а в вине обмеру и подмесу чинено не было, под опасением штрафа».

Классовое расслоение среди восставших не могло не влиять на ход революционного движения. Беднота стала выдвигать свои задачи, и руководители, осознав это, поспешили принять некоторые меры для облегчения ее положения. Атаманы распорядились выдать из казенного магазина ржаной муки бедным татарам. В апреле 1774 г. яицкие казаки решаются на революционный акт. «В вашем ведомстве, — пишут казаки калмыкам, — имеются неимущие люди, которым по своим недостаткам пить, есть нечего, то мы, рассуждая, приговорили: если имеются достаточные люди, у кого десять скотин, у того взять одну и немедленно снабдить бедного, а девять ему оставить, а теперь у вас по многим недостатком друг у дружки воровством грабят скот, отчего междоусобные делаются ссоры».

МЕДАЛЬ ПУГАЧЕВА

ПУГАЧЕВ

(С картины неизвестного художника, хранящейся в Историческом музее, нарисованной на портрете Екатерины II, найденной в Оренбургской губ.)

Подчеркивая большую организованность рабочих, мы в то же время должны отметить, что рабочие по своей идеологии ничем еще не отличались от крестьянства.

РОЛЬ РАБОЧИХ В ПУГАЧЕВЩИНЕ

До лета 1774 г., т. е. до крестьянского восстания в Великороссии, в пугачевщине боролись две тактики: «инородческая» и горнорабочая. Башкиры стремились уничтожить заводы и колонизацию Приуралья российским дворянством и купечеством. Киргизы хотели остаться хозяевами на торговом пути Востока с Великороссией. Калмыки боролись за окончательный уход из России, в которой им жить стало невмоготу. Татары воевали с миссионерами, которые именем православного бога дочиста грабили «иноверца». Свою задачу туземцы разрешали тем, что они истребляли не только помещиков, заводчиков и попов, но часто и рабочих и крепостных. Налетая своей кавалерией, башкиры проносились, как разрушительный ураган, уничтожая все на своем пути. Союзы между горнозаводским населением и «националами» были непрочны: как только восставшие уничтожали общего врага, так «националы» принимались уничтожать своего союзника.

Пугачевщина как раз тем и отличается от предыдущих крестьянских движений в России, что в ней впервые выступают рабочие, и основой движения становятся горные заводы. Если бы не горнозаводская помощь артиллерией и снарядами, то пугачевщина немедленно потерпела бы поражение. Крестьянская жакерия в Великороссии, будучи лишена этой помощи, не получила такого размаха, как рабочее и национальное движение на Урале.

Благодаря 230 тыс. заводского населения, среди которых 30% было совершенно лишено земли, революционной армии удалось создать боевую организацию. Хотя крепостной порядок одинаково угнетал все трудовое население, но заводская работа уже тогда выделяла из общей массы рабочих, поставленных в особые социальные условия. Самая заводская работа, даже ручная и даже в крепостных условиях—по верному замечанию одного из историков рабочих крепостной эпохи — давала все же больше пищи для ума, чем земледелие, и должна была умственно поднять рабочих над массой крепостного крестьянства. Дворянская публицистика того времени пыталась изобразить рабочую массу как городскую накипь, разгульную и пьяную, но вместе с тем буйную и социально опасную.

Рабочий крепостной мануфактуры отличается от крестьянина всем своим бытом — таков вывод, к которому приходят наблю-

датели крестьянской жизни со второй половины XVIII в. Это значит, что наряду с образованием безземельного пролетариата начиналось его социальное отложение, та «выварка в фабричном котле», которая в будущем привела к окончательному оформлению рабочего класса. Это социальное отложение наложило свой отпечаток на пугачевщину. Продолжительная коллективная работа на заводах под жесточайшим произволом выковала у рабочих железную волю к согласованным выступлениям, и рабочая масса выделила из своей среды организаторов и вождей восстания.

Хлопуша[1] был прекрасный агитатор, лучший оратор, талантливый полководец, каких, по отзывам екатерининских генералов, было очень мало в императорской армии. За участие в горнозаводских бунтах он был трижды сослан на каторжные работы и четыре раза наказан кнутом; палач вырвал у него ноздри до хрящей. Он формировал армии на заводах и соляных пристанях со сказочной быстротой. Заводы его встречали как своего вождя, давали ему артиллерию, людей и лошадей. Стоило только ему появиться в каком-нибудь месте, как тысячи рабочих восставали, как один человек. Выдающуюся роль в восстании сыграл другой пугачевский полковник — Иван Наумович Белобородов, рабочий медеплавильного завода Осокина в Оренбургской губернии и Охтенского порохового завода в Петербурге[2]. Сбежав с военной службы, он стал заниматься торговлей. В начале 1774 г. он с небольшим отрядом появился на пермских заводах, в короткое время собрал рабочий отряд, который брал завод за заводом, окружил Екатеринбург и долго держал его в тесном кольце обложения. Рабочие окрестных заводов, узнав о приближении Белобородова, высылали ему пушки и людей с казенными заводскими деньгами. Будучи разбит на одном заводе, он внезапно появлялся на другом. Разбитый под Екатеринбургом, он вновь успел собрать значительные отряды.

Крупные заводы феодальных магнатов Демидова и Твердышевых восстали еще прежде появления самого Пугачева. С октября 1773 г. до мая 1774 г. поднялись рабочие более полусотни заводов в Оренбургской и Казанской губерниях. Небольшие за-

---

[1] Хлопуша был крестьянин вотчины тверского архиерея. За бегство из полка Хлопуша был прогнан сквозь строй шесть раз через тысячу человек. После вторичного бегства Хлопуша был наказан кнутом с вырыванием ноздрей; на его лицо было наложено клеймо и он был сослан на каторгу. С каторги он бежал дважды и каждый раз наказывался кнутом. Хлопуше в Оренбурге отсекли голову и для «вечного зрения посадили на кол».

[2] Белобородов — отставной артиллерийский солдат с одной ногой; другую ногу по колено оторвало у него во время семилетней войны с Пруссией.

ОПИСАНІЕ,

Собранное понынѣ изъ вѣдомостей разныхъ городовъ, сколько самозванцемъ и бунтовщикомъ Емелькою Пугачевымъ и его злодѣйскими сообщниками осквернено и разграблено Божіихъ храмовъ, также побито дворянства, духовенства, мѣщанства и прочихъ званій людей, съ показаніемъ кто именно и въ которыхъ мѣстахъ.

Въ городѣ Казанѣ;

Ворвавшись они въ городъ, и входя во храмы Божіи въ шапкахъ со оружіемъ, грабили и выгоняли укрывающихся тамо людей,

А именно:

Въ Казанскомъ Богородицкомъ Соборѣ,
— Владимирскомъ Соборѣ,
— церкви Московскихъ Чудотворцовъ,
— церкви Николая Чудотворца, именуемаго Тольского,
— церкви Николая Чудотворца, именуемаго Ниского,
— церкви Живоначальныя Троицы,
— церкви Воскресенія Христова,
— церкви Варламія Хутынскаго,
— церкви Пресвятыя Богородицы Грузинскія,
— церкви Вознесенія Господня,
— церкви Тихвинскія Пресвятыя Богородицы,
— церкви четырехъ Евангелистовъ,
— церкви Алексѣя человѣка Божія,
— Троицкомъ Өедоровскомъ монастырѣ,
— церкви Рождества Пресвятыя Богородицы,
— Петропавловскомъ Соборѣ, не могши отбить дверей, стрѣляли съ паперти въ окошки,
— городѣ Цывильскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ приходскихъ церквахъ:

Въ селѣ Срѣтенскомъ,
— селѣ Богоявленскомъ,
— селѣ Успенскомъ,
— селѣ Веденскомъ.

Въ оныхъ церквахъ злодѣи не только грабили и убивали, но и святыя иконы кололи и утварь церковную раздирали.

Тожъ самое дѣлали Пензенской провинціи:

Въ городѣ Петровскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы,
— селѣ Чардымѣ, въ приходской церкви.

Нижегородской губерніи, въ Арзамасскомъ уѣздѣ,

Въ селѣ Черковскомъ, въ приходской церкви.

А Алатор-

воды немедленно присоединялись к восстанию, как только приезжал представитель от восставшей армии. Рабочие некоторых заводов, не осмеливаясь действовать, «неотступно просили появившихся в соседних селах злодеев о разорении заводов, и к чему они сами помощниками быть утвердились и вооружались приготовлением сабель, копий и другим оружием». Жители Кунгурского уезда «начали бога славить, что красное солнце, давно скрывшееся под землю, опять восходит на всю вселенную и сможет обогреть их, нижайших сирых рабов». — Они надеются, что восставшие избавят их «от лютых зверей и переломят острые когти злодеям боярам, офицерам и заводчикам». Многие заводы брали на себя инициативу и пересылали от имени «злодейской партии письменные виды о заготовлении провианта и фуража». Очевидцы следующим образом рисуют обычную картину восстания: «Крестьянин Матвеев с другими лицами, — в том числе и прежде бывший выборный, — привезли с собою указ называемого императора. В то время для расчета при конторе было много заводских крестьян. Матвеев, подойдя к конторе, закричал: «Слушайте третьего императора указ». Прочтя этот указ, спросил крестьян: «будут ли они государю служить». Все заводские крестьяне единогласно отвечали: «готовы служить головами!» Потом Матвеев приказал заводского приказчика и конторщика схватить. Крестьяне их сковали и посадили под караул, а затем, по приказанию Матвеева, прекратили заводские работы, порешив итти на службу к третьему императору».

Когда весною 1774 г. Пугачев был разбит под Татищевой крепостью, важным стратегическим пунктом под Оренбургом, горные заводы стали почти единственным прекрасным убежищем для пугачевского штаба. Главной силой Пугачева во второй период восстания, с весны 1774 г., были почти исключительно рабочие. Со взятием Ижевского завода дорога на Казань была открыта. Решение итти на этот город могло состояться лишь после того, как Пугачев обеспечил себе тыл взятием таких заводов, как Воткинский и Ижевский. Казанское заводское начальство, боясь мести, задабривало рабочих обещаниями, наградами и даже волей, если они выступят против восставших; но рабочая молодежь энергично выступила на помощь Пугачеву. Казань сгорела, но большая часть рабочей «Суконной слободы» уцелела...

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННАЯ ТАКТИКА ПУГАЧЕВЦЕВ

Пестрая партизанская масса была вооружена самым разнообразным оружием: дрекольем, косами, посаженными на длинных рукоятках, топорами, медвежьими рогатинами, железными вилами,

дубинами и проч. С такой вооруженной массой регулярная армия могла бы легко покончить, если бы не рабочее ядро, которое доставляло артиллерию. Так, например, под Оренбургом пугачевцы имели 80 пушек, у Челябинска—17, у Казани—30, у Кунгура—30, и т. д. Когда местные отряды требовали пушек, военная коллегия отвечала, что артиллерия завоевывается смелым и решительным наступлением... Иностранные инженеры и военспецы считали, что «разбойничьи» отряды превращались в хорошо дисциплинированные, действующие по принципам военного искусства. Они сравнивали военное искусство военной коллегии Пугачева с искусством Вобана, знаменитого французского военного инженера, руководившего 53 осадами, построившего 33 новых крепости и исправившего 30 старых. Они восхищались меткой стрельбой пугачевских артиллеристов, которые вербовались из среды горняков. По ценным показаниям пленного Швановича, у Пугачева было больше ста пушек со всеми снарядами, при которых было 600 канониров. Кой-где в чисто крестьянских районах встречается артиллерия, отбитая у правительственных войск; обычно же чисто крестьянские районы, отдаленные от горных заводов, были слабо вооружены.

Крестьянская армия имела только копья, реже — сабли. Чаще революционная крестьянская армия была вооружена только колами, малыми ножами, длинными копьями и пиками; встречались дворовые и почти без всякого оружия.

Восставшее крестьянство также применяло военно-технические приемы; стараясь удержать наступающую команду, крестьяне огораживали село «жердями с двух сторон», ставили пикеты, высылали разведчиков, самостоятельно связывались со ставкой революционной армии. Заводский мастеровой «для устращения» правительственных войск делает деревянную пушку на подобие чугунной и т. д.

Переправа через реки организовывалась быстро без проволочки. Обычно из дров и сухого тальника пугачевцы приготавливали множество маленьких и легких плотов («салы»), которые связывались веревкою. Раздевшись, армейцы клали на них свое платье и седла и привязывали плоты к каждой лошади за хвост. Держась за гриву лошади, армейцы по одиночке переправлялись на левый берег Волги.

Надо отметить и слабые стороны, присущие партизанской армии: караул часто не употреблял «ни пароля, ни лозунга», дозоры, разъезжающие в ночное время по пикетам, отвечали на оклик: «казаки». Все это,—по донесениям белых,—дало возможность «без всякой опасности объезжать их пикеты». Однако пра-

вительство серьезно оценивало военную силу восставших: хорошо вооруженный Михельсон делает большие приготовления, прежде чем напасть на революционную армию. Он запрещает раскладывать огни, останавливается от «злодейской» толпы на пушечный выстрел, делит армию на три колонны, укрепляет фланговые колонны конницею, бросает свои силы одновременно на правый и левый фланг восставших.

У пугачевцев была налажена связь между местными армиями, которые подробно информировали друг друга о положении на местах, просили инструкций и помощи, налаживали разведку и связь. Вот несколько примеров.

Атаман Арапов выступил 22 декабря 1773 г. из Бузулука, укомплектовавши свой отряд восставшими крестьянами князей Орловых; крестьяне в большом количестве явились к нему из сызранских владений этих помещиков. Арапов взял Ставрополь, затем Самару. Подавляя огромный важный хлебный район, Арапов доносил центральной военной коллегии о своих успехах в Самаре и давал сведения о движении правительственных войск.

Рабочий Белобородов, сражавшийся в районе Красноуфимска и Кунгура, напоминает о необходимости «приумножить армию», требует для своего корпуса подводы «без прогонов и без малейшего задержания», предлагает вновь собрать разбегавшихся казаков.

Батыркай, действовавший в районе города Осы, приказывает никого не пропускать «без письменных видов», организовать продажу соли, правильно вести приходо-расходные книги, никому «напраслин и обид не чинить».

Бахтияр Канкаев, руководивший восстанием с декабря 1773 г. до июня 1774 г. в районе Уфы, Кунгура, Сарапула, объявляет мобилизацию «башкирцев, мещеряков, татар, черемис и россиян с каждых двух домов по человеку». Канкаев не мало делает для того, чтобы поднять боевой дух восставших: он сообщает, что Пугачеву сдалось 10 тыс. киргизских казаков, которые привели с собой для раздачи в армию бесчисленное множество лошадей, коров и баранов. По его же данным двадцатитысячная армия киргизов идет вслед за ними; при взятии Пугачевым Казани — сообщает он — кровь лилась «по лошадиным щеткам». Москва же уже взята турками, а Пугачеву «пришли в подданство семнадцать губерний».

Агитатор Котельников распространял сведения о том, что Пугачев взял Оренбург, Уфу и ряд других крепостей, отправил в Москву для покорения сто полков, полковник же Белобородов направил двадцать полков на Кунгур. Котельников же рассказы-

вал о том, что Пугачев построил в степи «пороховые и пушечные» заводы, которые делают белый и черный порох, что белый порох «сильно палит», что пушек в революционной армии «великое множество».

Царских офицеров поражало единодушие восставших. Когда правительственная армия предлагала выдать зачинщиков, то рабочие отвечали «единым криком, что у них нет зачинщиков, что все они одной думы в том, чтобы не итти на заводы, что они никого из них не выдадут», и если правительство может всех их взять головами, то они пойдут все «от мала до велика». Восставшие рабочие беспощадно обращались не только со своими классовыми врагами, но и со своими колеблющимися товарищами. Революционные рабочие Рождественного завода были смущены подозрительным поведением рабочих казенного Воткинского завода и требовали от них определенного ответа, угрожая, что в противном случае «они подвинутся на них со всею артиллериею и силою и поступят с ними, как с сущими законными преступниками и возмутителями».

Восставшие заводы выбирали особое управление. Согласно инструкции рабочего Белобородова, руководителем движения должен быть «по общему согласию верный, смелый, из верных рабов, а не из льстецов, в нужных случаях не робкий человек, ибо армия всегда распоряжением храброго человека против неприятеля ободрена бывает». В наказе рабочие поручали выборному начальнику «до самовольства и озорнических поступков не допускать и ослушников наказывать плетьми без всякого милосердия». Управление руководило движением, устанавливало связь со штабом армии, заботилось о вооружении, обучало армию и т. д. «Сей мой именной указ в завод и всему миру мое именное повеление, — обыкновенно писала коллегия от имени Пугачева, — как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно, неизменно, до капли своей крови исполняйте мои повеления; исправьте вы мне, великому государю, две мортиры и с бомбами и со скорым поспешением ко мне представьте, за что будете жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями и денежным жалованьем и хлебным провиантом, и свинцом и порохом и вечною вольностью».

Иван Белобородов предлагает полковому старшине Канкаеву наладить производство пороха. Старшина объехал ряд районов в поисках селитры, но нигде не мог ее раздобыть. Из многих районов башкиры сообщали, что в их «владениях» селитры не имеется.

Кроме ряда мелких заводов, пугачевская коллегия отвела крупный Авзяно-Петровский завод для литья орудий. Поэтому

домой большею частью отпускались лишь приписные крестьяне, а мастеровые, как квалифицированная рабочая сила, совершенно лишенная земли, оставались для литья орудий. Наиболее активной частью восставших были мастера, которые уже начали «вывариваться» в заводском котле.

Готовясь к восстанию, рабочие укрепляли завод, строили новые батареи, устанавливали на наблюдательных пунктах пикеты, снабженные ружьями и артиллерией. Зимой завод окружался валом из хвороста. Для большей безопасности вал покрывался снегом, который обливали водой. Рабоче-крестьянское население было готово нести большие жертвы для того, чтобы победить, и свои тяжелые обязанности они выполняли «почти без чувствования тягости, надеясь на обещанные льготы и вольности».

В среде военной коллегии, состоявшей из представителей казачества, башкир, крестьян и заводских рабочих, существовали разногласия по вопросу о тактике движения.

Заводы дочиста сметались башкирами. Припасы из магазинов растаскивались, дома уничтожались, уголь сжигался, плотины разрушались, фабричные меха портились, воды из прудов выпускались. Подсчитывая число разрушенных заводов, мы видим, что большая часть заводов была разрушена не рабочими, а башкирами. Рабочие и крестьяне постоянно жаловались, что башкиры приводят их в крайнее разорение и «убожество», поэтому некоторые заводы оставались пассивными зрителями или даже активно выступали против пугачевцев.

Пугачевские вожди, оперировавшие в рабочих районах, понимали, какую опасность для восстания представляет мародерство башкир. Полковник Творогов приказывал: «От идущих армий никакого жителям притеснения, разорения, обид, налоги и безвинного кровопролития не чинить, а если кто в таковых обращениях в противных развратных сыщится, то тот не избегнет от полновластной его величества власти смертной казни». Рабочий Белобородов приказал не принимать от мародеров никаких оговорок и немедленно «чинить» смертную казнь. Он так энергично боролся с мародерами, что даже осмелился заковать в кандалы представителя Пугачева, который, приехав к нему для установления связи, занялся грабежами; арестованный грабитель донес Пугачеву, что Белобородов хочет от него отложиться.

Белобородов приказал «русские и татарские команды содержать во всякой строгости и крайне соблюдать, чтобы все были в единодушном усердии к службе», «озорников наказывать плетьми без всякой пощады, а дезертиров — смертной казнью». Он предлагал русских наказывать в присутствии татар и наоборот,

Такая стойкая борьба обошлась Белобородову недешево: его отряд был Пугачевым значительно уменьшен [1].

Заводские рабочие, оторванные от сельского хозяйства, старались наладить производство, брошенное хозяевами. Рабочие Юговского завода просили отдать им в пользование две заводские мельницы, обещав «чинить их и вести приходо-расходные книги». Рабочие Рождественского завода указывали, что они «беспахотные», а разойтись с завода «для сыску себе пропитания не смеют»; они уже чувствуют себя настоящими пролетариями и во время восстания сохраняют завод и работу не прекращают.

Но башкиры увезли с завода всю казну без остатка, деньги же эти были предназначены для раздачи мастеровым и работным людям за заводскую работу; казна была уже не господская, а их, мирская.

Коллегия повстанцев решает дело в пользу рабочих: из казенных сумм покрывается заработная плата.

АГИТАЦИЯ ПУГАЧЕВЦЕВ

Рабочие сыграли не малую роль в составлении манифестов Пугачева. Военная коллегия при составлении манифестов в первое время очутилась в большом затруднении, так как не было грамотных людей. Поэтому грамотными работниками пугачевцы крайне дорожили. Переписка велась и на местных языках. Из некоторых команд с тревогой сообщали, что они не имеют ни одного грамотного человека. Сын помещика Мертваго, взятый в плен, рассказывает о том, как его «экзаменовали», когда его кандидатура выдвигалась на должность писца. Он пишет: «Меня начали экзаменовать, заставляли писать углем на доске, задавали легкие задачи из арифметики, и, наконец, признали достойным занять важное место писца у Пугачева». Грамотные люди выдвигались и из среды националов. Даже грамотных врагов, взятых в плен, пугачевцы назначали на должности переводчиков, переписчиков, «сочинителей» манифестов и т. д. Одним из таких первых «сочинителей» манифестов был заводский рабочий Петров. «Заводский крестьянин Петров писал доношение на одного башкирца в грабеже,—показывает секретарь военной коллегии,—и то доношение по-

[1] В августе 1774 г. Белобородов был отправлен из Казани, где он сдался в плен под псевдонимом Щеплев, в Москву «для совершения над ним здесь смертной казни отсечением головы для устрашения народа, в невежестве поползновения могущего вдаваться». В Казани он был опознан и наказан ста ударами кнута, а в Москве—казнен.

казалось нам разумно написанным, то я, призвав оного Петрова, показал ему написанное, чтобы он выправил». Рабочий Петров написанное зачеркнул и сам составил манифест; Пугачев его похвалил, «что хорошо написано». С этого времени горнозаводский рабочий составлял и выправлял некоторые «царские манифесты», выбирая красивые и подходящие места из «Библии».

Другим таким лицом был Туманов, которого оренбургский губернатор Рейнсдорн описывает следующим образом: «он, Туманов, извергу Пугачеву важный сообщник и, по причине знания татарского языка и российской грамоте читать и писать, всю Башкирию и великое число русских взбунтовал». В числе авторов пугачевских манифестов были также многие казаки, среди которых было больше грамотных, чем среди крестьян и рабочих. Но были среди сочинителей и люди из других социальных групп, вроде, например, Трофимова, мценского купца, вступившего в пугачевщину под псевдонимом Дубровского, который был одной из крупных фигур последнего периода движения и которым также написан ряд манифестов и указов.

В специальном указе, данном в начале восстания, предлагалось опубликовать манифесты «на всех дорогах, мостах, деревнях, на перекрестках, улицах», сообщать их содержание «детям и женам». В апреле 1774 г. рассылка прокламаций усовершенствуется: по Оренбургскому и Сибирскому районам предлагается с манифестов снимать копии в каждой станице.

Агитаторы, распространявшие прокламации («ложно сплетенные пасквили» по определению правительства), должны были вербовать армейцев. Пугачевские манифесты имели очень широкое распространение.

А. С. Пушкин характеризует «возмутительные» воззвания пугачевцев как действительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Эти воззвания действовали сильнее, чем правительственные «публикации», которые писались вяло.

ПРИЕМЫ АГИТАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Если антипугачевская правительственная литература представляла собой пустозвонные канцелярские реляции, то совсем другой характер имело «творчество» местных помещиков. Помещик Струйский, — «поэт», воспевавший Екатерину II, под именем Сапфиры, — обратился к своим крестьянам, приставшим к Пугачеву, с «указом», в котором напоминал о своих правах помещика, владевшего крестьянами, как и его предки ими владели, что «узаконено всей вселенной», а между тем, они, крестьяне, помещиков резали так, «будто зарезывали себе в пищу животное»,

пугачевцев же принимали «не токмо за господ, но яко за царей». В борьбе «за вольность» его мужики «уподобились скоту, огню и чертям»; сам же Пугачев, «бунтуя несмысленных скотов, подлый народ, заблудшую чернь», плавал в крови «благородных людей». При этом Струйский излагал свою политическую программу: чернь не может жить «без начальства, как стадо свиней без пастуха».

Дворянские художники пришли на помощь правительству. В этом отношении интересной является «народная картина» «Как бык не захотел быть быком» (см. стр. 157). Эта картина появилась во второй половине XVIII в. и распространялась во время пугачевщины. Автор осмеивает восставшего мужика и сравнивает его с овцой, которая стригла пастуха, со слепым, ведущим зрячего,— с попугаем, посадившим мужика в клетку, с человеком, надевшим шляпу на ноги, а сапоги на голову и т. д.

Правительство также прибегало к помощи истории.

Центральное правительство, местные власти и дворянство издали ряд воззваний, авторы которых часто обращаются к историческому прошлому. Так, в одном воззвании правительства, например, говорилось: «Содрогает дух наш от воспоминания времен Годуновых и Отрепьевых, посетивших Россию бедствием гражданского междоусобия...». В других воззваниях напоминалось о «злодействах Стеньки Разина». В специальном манифесте, полемизируя с Пугачевым, гр. Панин писал: «бог таким образом учредил человеческое общество, что оно *без властей существовать не может*». Государственный же Совет вынес постановление о том, что «для возбуждения омерзения к Пугачеву должно дом его на Дону, если найдется, или пустое место, где он живал, через палача разорив выжечь и посыпать солью». В Казани была сожжена «харя», т. е. портрет, Пугачева. 13 января 1774 г. был издан сенатский указ о сожжении всех «воровских подметных листов», не читая их и не объявляя народу об их содержании; в особом же секретном циркуляре сенатом предлагалось руководителям местной администрации лично самим снимать перед сожжением копии и отсылать их в сенат. Среди калмыков правительством распространяется «весть о том, что Пугачев подкуплен турками. Это делается, конечно, ради дискредитации вождя движения».

ХАРАКТЕР ДВИЖЕНИЯ

Во имя чего же боролись восставшие? Вековые мечты крестьян великолепно отражены в заявлении дворового Федора Яковлева: Пугачев «землю меряет и заборы утверждает», т. е. произ-

водит черный передел, который еще не закончен — еще «не поставлены столбы». Осуществляя черный передел, крестьянство восстало против всей системы общественных отношений. Это великолепно понял и купец глухой Елатомской провинции, доносивший в августе 1774 г. о том, что «крестьяне совсем отложились от милостивой нашей монархини: невежество касается даже до высоты короны».

Крестьяне же восторженно относились к своему крестьянскому царю: «Пугачев был нам, черни, не злодей, а приятель наш и заступник»; в их глазах — это государь, который старается за крестьянство, отбирает их от господ и освобождает от податей. Крестьянам он «жаловал волю, освобождал от подушного оклада и рекрутского набора».

Восставшая революционная армия в свою очередь беспощадно расправлялась не только с врагом, но и с колеблющимися в своей собственной среде: восставшие угрожали «переколоть всех» тех крестьян, кого они застанут «на помещичьей работе»; запрещали им под смертною казнью «делать повиновение господам»; ослушников они грозили «перерубить и переколоть, сажать на колья или вешать».

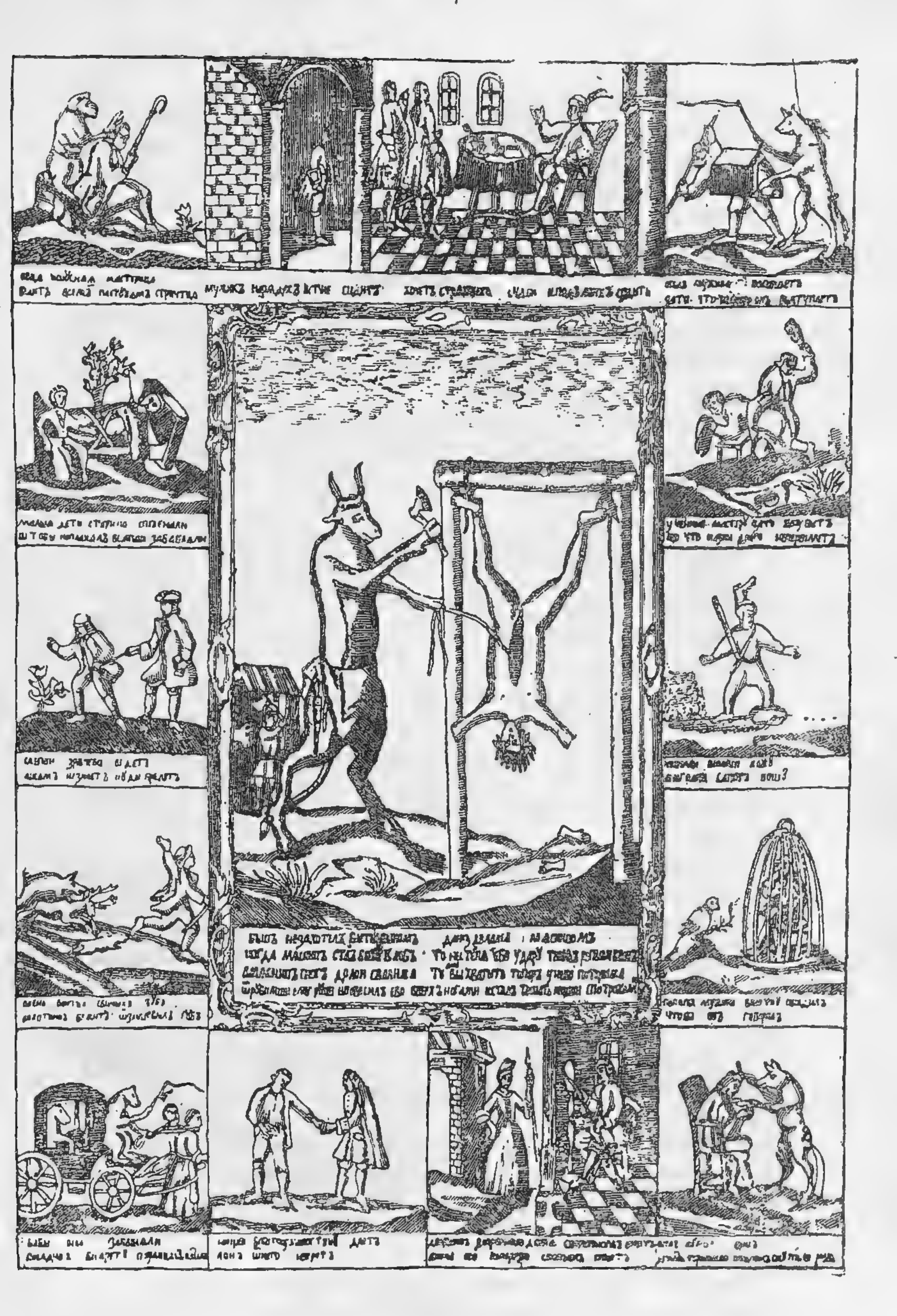
Крестьянство не питало никаких иллюзий: оно великолепно сознавало, что ликвидация помещичьего землевладения связана с беспощадной борьбой; поэтому восставшие обещали «премии» в сто рублей за убийство одного помещика и разорение одного дома, и за уничтожение десяти дворянских домов — тысячу рублей и чин генерала.

В самые трудные минуты восставшие не теряли надежды: во время весенних поражений 1774 г. крестьяне распространяют слух, что Пугачев поправляется, усиливается, и сколько «дворянам и господам не жить, только дело их пропадет». В декабре 1774 г. крестьяне вотчины Голицыной (Пензенского уезда) публично при всем народе кричали «и промежду того крику покойного императора Петра третьего поздравляли и приговаривали: хотя же Пугачев ныне и пойман, но на том де еще не утвердится; а еще де есть у нас на место ево Пометала» [1].

Уже в своем первом манифесте от 17 сентября 1773 г. Пугачев жалует восставших «рекою с вершин до устья, землею, тра-

---

[1] Знаменитый шеф жандармов Бенкендорф в 1826 г. доносил Николаю о циркулирующих среди крестьян пророчествах и предсказаниях: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина. Крестьяне говорят: «Пугачев попугал господ, Метелкин пометет их». Крестьянские толки о Заметайле, как о продолжателе Пугачева, держались очень долго, вплоть до конца царствования Николая, это видно из донесения начальника жандармского отделения.

СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ II, НА СТР. 170

вами, денежным жалованьем, порохом и хлебным провиантом». В следующем манифесте, появившемся через неделю, программа расширяется: манифест обещает «соль, хлеб и одежду с головы до ног». В последних числах сентября 1773 г. манифест обещает восставшим «землю, леса, жилища, покосы с морями, веру и закон»—словом, все то, что «вы желаете во всю жизнь нашу».

В специальном указе Пугачев зовет к себе «заблудившихся, изнуренных и находящихся в печали». В этом же указе, изданном в конце сентября, он выдвигает основную политическую задачу: он освобождает и дает вечную волю «детям и внучатам», т. е. навсегда освобождает крестьян.

На октябрьский манифест уже оказывает влияние раскол; в нем Пугачев обещает «крест и бороду». В мартовском (1774 г.) манифесте подробнее развертывается программа раскола: «от злодеев дворян древнего святых отец предания закон христианской совсем нарушен и поруган, а вместо того от их зловредного вымыслу с немецких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерское брадобритие». Этот документ нашел большой отклик среди десятков тысяч раскольников, которые скрывались от преследования правительства. Главное внимание в манифестах уделяется крепостным крестьянам.

В декабрьском манифесте (1773 г.) дается торжественное обещание, что народ «впредь никакого отягощения не понесет». В этом же манифесте помещики и вотчинники объявляются «преступниками закона и общего покоя, злодеями и противниками, которых следует казнить, а домы и все их имение брать себе в награждение».

Манифесты исключительно направляются против злодеев-дворян, разорителей крестьян; дворян следует ловить, казнить, вешать и поступать с ними так, как они, «не имея в себе христианства», поступали с крестьянами. Восставшие должны помнить, что только истребив дворян, всякий сможет «возчувствовать» тишину и спокойную жизнь, «коя до века продолжаться будет».

В августовском манифесте (1774 г.) пугачевцы обращаются к историческим изысканиям: «злодеи-дворяне поругали и нарушали древний закон, подчинили себе всю Россию в подданство, положили великие отягощения, довели страну до самой крайней гибели». В личном приказе Пугачев объясняет причину необходимости уничтожить помещичьи «жительства»; дворян должна постичь суровая кара за то, что они не хотят расстаться со своими привилегиями.

Иван Грязнов, «полковник» главной пугачевской армии, подробнее обосновывает причину антидворянских выступлений: дво-

рянство привело Россию в изнурение; оно обладает крестьянством, вопреки закону божию, который рекомендует содержать крестьян, как детей; но крестьян они почитали «хуже псов», а компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что в ссылке этого не бывает. Жены и малолетние дети плачут...

Пугачевские указы и манифесты неоднократно указывали, что крестьяне получат вольность и избавление только тогда, когда они «переведут» помещиков; только тогда не будет подушных и прочих податей, рекрутского набора и монопольной торговли предметами первой необходимости.

Восставшие боролись во имя ликвидации феодально-крепостнических отношений за буржуазный, капиталистический путь развития. Борьба за «казачий идеал», — как уже было указано, — выражала собой борьбу за буржуазное равенство.

ХАРАКТЕР БОРЬБЫ НАЦИОНАЛОВ

К «инородцам» пугачевцы обращались со специальными манифестами и указами. В наиболее характерном «манифесте» на татарском языке Пугачев жалует националов «землей, водой, рыбой, топливом, пашней, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим». Националам, как и раскольникам, обещается «закон и вера».

Неодинаковой была роль националов в пугачевщине: башкиры играли большую роль в движении,—против них был направлен главный удар колонизаторов помещиков и заводчиков; второе место занимали татары, страдавшие от «христианизации», приписки к корабельным лесам, заводам, оттеснявшиеся конкурентами, великорусскими купцами из метрополии. Приблизительно такую же роль играли малые народности—мордва, чуваши, марийцы и т. д. Слабее была роль в пугачевщине казак-киргизов. Совершенно верно замечает историк казак-киргизов А. Чулошников, что кризис пастбищно-скотоводческого хозяйства только намечался, опасение потерять свое преимущественное распоряжение торговыми путями Востока и Великороссии далеко еще не было казак-киргизами осознано.

Какой же характер имела борьба националов? На этот вопрос мы частично находим ответ в песнях Салават Юлаева, вождя башкирского движения. Салават Юлаев был поэт, и песни его были связаны с его борьбой:

Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,
Святая родина моя!

Урал, Урал, мой благодатный,
Люблю я вас, любить вас буду!
Про вас и песню я пою.
Родные пажити, кочевья
И благодатный мой Урал;
И если ветер, я заслышу,
Шумит с родимой стороны,
Мне мнится, ветер мне приносит
Весть с родимой стороны,
Весть с любимой стороны.

Для защиты родины он зовет башкир в бой:

Бог великий создал храбрых,
Храбрых воинов своих,
Чтоб они неверных били,
Защищая честь и веру,
Как велит святой Коран.
. . . .
Знаю алчного киргиза
И урусов (русских) не боюсь;
Если ж суждено мне в битве
Жизнь за веру положить,
Меня ждет награда в небе!..

Междуродовая и национальная борьба, с одной стороны, и борьба националов с русскими — с другой, значительно ослабили силы революционного фронта. Борьба калмык с казак-киргизами, татар с башкирами настолько общеизвестна, что распространяться об этом не приходится. Старшина Зулькарпай Юсупов сообщает, что отряд черемисов-мари не хотел слиться с его татаро-башкирской частью. Такие факты не были единичны [1]. Между тем один из начинающих историков недавно отметил, что борьба националов с русским крестьянством была выдумана буржуазными историками, миссионерами и т. д. Этот автор оказывает медвежью услугу марксизму и насилует исторические факты. Царское правительство в течение столетий разжигало национальную вражду; армяно-татарская резня в 1905 г., еврейские погромы и т. п. события не являются исключением только для эпохи империализма. Взаимное истребление народов, организованное царизмом, происходило и в XVI—XIX вв. Царизм неоднократно провоцировал нападения на русское крестьянское население для того, чтобы истребить туземное население. Последнее имело не мало основания для нападения не только на метропольного помещика, но и на русского крестьянина, который волей-неволей поселялся (вернее—его поселяли) на чужой земле националов.

[1] Мещеряк Бахтияр Канкаев вел борьбу за создание интернациональных военных отрядов.

ПОДВЕШИВАНИЕ ЗА РЕБРО

(С картины Музея революции)

УСАДЬБА XVIII ВЕКА

(С картины крепостного художника, хранящейся в Историческом музее)

Движение националов-крестьян имело национально-освободительный характер: они боролись против гнета метрополии. Только горные рабочие, русское и национальное крестьянство до конца боролись за ликвидацию метропольного гнета. Националы-феодалы же часто вступали в союз с русскими феодалами и вместе с ними боролись против закрепощенного крестьянства, которое хотело ликвидировать крепостную зависимость. Националы-феодалы боролись за то, чтобы самим стать неограниченными хозяевами земельных богатств и рабочей силы в Приуралье и Поволжье.

Правильно отмечает М. Н. Мартынов («Крепостная Россия», 1930 г.), что феодальная туземная знать стала отходить от движения, когда пугачевщина обнаружила свой яркий антифеодальный характер и стала раскрепощать крепостную массу вне зависимости от национальности феодалов и крепостных.

«МОНАРХИЧЕСКИЕ» НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Меньшевики считали крестьянское и национальное движение реакционным, между прочим, на том основании, что крестьяне выступали от имени Петра III, убитого своей женой Екатериной Второй[1].

Убийство Петра III было организовано при непосредственном участии английского посла Вильямса. Англия решила убить немецкого князька на русском «престоле», Карла-Петра-Ульриха, который был сторонником союза с Пруссией и Францией—врагов Англии. Даже монархически настроенный историк Н. Д. Чечулин, поклонник Екатерины II, не мог скрыть того факта, что посол Англии Вильямс устроил Екатерине заем в 10 тыс. фунтов стерлингов и «внушал ей мысль принимать от Англии ежегодную пенсию». В мае 1757 г. Екатерина II писала послу: «устройте

[1] Когда Елизавета Петровна, по выражению одного историка, «наираспутнейшая из когда-либо царствовавших женщин, в 1741 г. с помощью гвардии захватила престол, она немедленно назначила себе наследника. Своего же предшественника, малолетнего царя Ивана Алексеевича, со всей его родней, она истребила и объявила своим наследником сына сестры Анны (по крещению Карла-Петра-Ульриха), 14-летнего Петра Голштинского. В конце 1761 г. умерла Елизавета Петровна, о которой придворный историк говорит: «она 20 л. правила самым незначительным образом, была постоянно до бесчестия пьяна, проводила ночи и дни, отдаваясь одним только самым скотским страстям и сослала за это время до 80 000 человек в Сибирь». В 1744 г. Петр женился на принцессе Софии Ангальт-Цербстской, будущей Екатерине II, также привезенной из Пруссии. В 1762 г. сумасбродный Петр был убит гвардией под руководством его жены Екатерины II. Петр умер, не будучи коронован. 34 года после его смерти Павел велел открыть его гроб и короновать торжественным образом разложившееся тело. Сумасбродный Павел был убит своим сыном Александром Первым.

если можно, чтобы мне выдали вперед такую же сумму, какую я получила, т. е. 10 тыс. фунтов стерлингов, и, если возможно, чтобы это было в еще большем секрете, чем в первый раз; нельзя ли это повторить так, чтобы здесь никто не знал, что это для меня». Таким образом, Екатерина получала для себя «дотации» от английского короля. Н. Д. Чечулин оправдывает Екатерину II тем, что в XVIII в. такие подкупы были обычным явлением. «Вы рождены, чтобы повелевать и царствовать, время вам выступить в роли русской императрицы», — пишет английский посол Вильямс Екатерине; он сообщает ей о своем «видении», в котором ему представилась слава ее будущего царствования. Екатерина со своей стороны писала: «сделайте меня императрицей и я утешу вас»; так отвечала она на письмо, в котором посол жаловался на свои дипломатические затруднения. Опираясь на гвардию, Екатерина вместе с Вильямсом организовали заговор против Петра III, который был убит на английские деньги так же, как и Павел после смерти Екатерины. До смерти Петр III успел облегчить положение некоторых категорий монастырских крестьян. Он предписал учредить светское управление для монастырских вотчин и передать всю монастырскую землю во владение крестьян. Екатерина же для привлечения духовенства на свою сторону вновь передала монастырские вотчины во владение духовенства. Убийство царя гвардией и некоторое облегчение им положения крестьян сделали его имя популярным среди яицких казаков и крестьян.

Если яицкое казачество не знало подробностей убийства Петра III, то самый факт не мог пройти мимо них, и они поспешили воспользоваться случаем для того, чтобы дискредитировать правительство. С другой стороны, нельзя не отметить, что выступление Пугачева от имени Петра III свидетельствует об ограниченности крестьянских движений; но все же эта ограниченность не лишает крестьянских движений их революционного характера. Крестьяне боролись под знаменем своего мужицкого царя, который призывал к беспощадному истреблению помещиков и бюрократии; и они честно выполняли приказ своего «царя».

ПОДАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ

Когда Пугачев еще стоял под Оренбургом, правительство мобилизовало все свои силы. Главнокомандующему Бибикову предложено было организовать специальный дворянский отряд; правительство выразило уверенность, что дворянство явится на помощь по первому требованию, так как от этого зависит «собственная их и семей личная безопасность, безопасность их имений

и самая целость дворянского корпуса». Из всех районов страны отправлялись войска, было увеличено число почтовых лошадей по Московско-казанской дороге, прекращена высылка арестантов в Сибирь, арестантов из Казанской губ. перевели в Азов и Таганрог, польских же конфедератов возвращали на родину.

Известие о взятии Казани (летом 1774 г.) произвело в Петербурге большое впечатление: явилось опасение за внутренние губернии и даже за Москву. Экстренное заседание Государственного Совета выработало ряд чрезвычайных мер для подавления движения. Главнокомандующим контрреволюционной армией был назначен гр. Панин, в распоряжение которого были предоставлены огромные силы. О численности армии можно получить представление на основании заявления Екатерины: «против воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли такая армия и соседям была».

В это же время в Московской губ. происходил ряд чрезвычайных дворянских собраний. К экстренным совещаниям привлекались также и представители от купцов, фабрикантов и местных гарнизонов. Исследователь отмечает, что решения о «предосторожностях», принимавшиеся в ожидании Пугачева, по уездам и провинциям Московской губ. в июле и августе 1774 г., носили более решительный характер, чем указания, данные в инструкциях центральной власти; дворяне провинций и уездов проявили деятельность в такой форме и масштабах, как если бы «злодей» со своей «толпой» стоял в те дни у порога каждого уезда. Готовясь к отпору Пугачеву, дворянство считало целесообразным до времени держать истину в секрете от «поселян, утаить отчаянное покушение проклятого Пугачева», «вымыслив разглашение», что «чинимые приготовления нужны для обуздания поляков, разбежавшихся из Сибири и буйствующих теперь в разных провинциях Московской губернии под одним только именем Пугачева» в союзе с ссыльными поселенцами. Дворяне не скрывали, что если не «утаить яростных покушений злодея», тогда, конечно, не удастся и корпуса создать.

В 1774 г. спешно была закончена война с Турцией, в августе этого же года армия с фронта не менее спешно направлялась на «истребление злодейских бунтовщиков» и к концу лета 1774 г. она была сконцентрирована в местностях, охваченных восстанием. Заключив мир с Турцией, правительство постаралось, чтобы «самая чернь поняла всю важность политического события». В первые три дня после объявления манифеста приказано было открыть все петербургские кабаки, причем каждому посетителю разрешалось на казенный счет выпить чарку водки в честь побед Румянцева. Пьянство было невероятное. По окончании попойки правительство

затребовало от откупа сведения о количестве израсходованной водки и получило в ответ столь громадную цифру бочек, что стало втупик. Этими мерами правительство пыталось отвлечь внимание «черни» от происходивших событий.

После турецкой войны дворянство указывало на Суворова, как на самого надежного усмирителя Пугачева. Суворову было поручено покончить с Пугачевым, и он немедленно отправился в Саратов, но не успел захватить Пугачева, так как это сделал уже раньше его Михельсон.

После казни Пугачева Суворову поручено было «успокоить» Башкирию. В течение года он расправлялся с националами и горными рабочими.

Белая армия беспощадно обходилась с восставшими: уничтожала целые деревни, конфисковывала имущество крестьян, дети и жены ссылались «в тягчайшие работы», в деревнях, отказывавшихся выдать «заводчиков», «лютейше» «казнили по жеребию третьего», а остальных секли под виселицами «наижесточайшим образом». В селах ставились виселицы, леса и «глаголы» для «вешания за ребра».

Правительство не могло не признать, что «при усмирении пугачевщины помещики вздумали мстить простому народу и посылали распоряжения об отрезании ушей и носов».

Ликовавшее дворянство требовало крови. Сумароков писал о Пугачеве:

Отбросил ты, разбойник, меч
И в наши предан ныне руки!
То мало, чтоб тебя сожечь,
К отмщению невинных муки.
Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить
Достойного мученья вечно?!
Твоей подобья злобы нет
И не видал доныне свет
Злодея толь бесчеловечна!

При усмирении пугачевщины помещики получили большое скотоводческое имущество калмык и киргиз, огромные владения националов, в частности башкир и татар, и пленных повстанцев превращали в крепостных.

МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ ПУГАЧЕВЩИНЫ

Московский главнокомандующий князь Михаил Волконский в 1762 г. подал Екатерине записку, в которой он подверг суровой критике систему правления до Екатерины II. Он писал:

«везде фавор и старшинство людей определяло, не было выбору способностей и достоинства. Каждый по произволу, по кредиту дворянских интриг хватал и присваивал себе государственные дела». Вторую записку Волконский подал в 1775 г. после усмирения пугачевщины. В этой записке от его либерализма уже и следа не осталось: о роли фаворитов он уже не заикается. В связи с разгромом «злодея Пугачева» он предложил все государство разделить на небольшие губернии, губернаторов назначить из среды «армии генералитета», во всякой губернии для содержания порядка и тишины определить баталион пехоты и два эскадрона гусар и т. д. Проект Волконского был принят без изменений, и Россия была разделена на 50 губерний. Провинциальное дворянство ликовало. Празднества по случаю «открытия» новых губерний и наместничеств находили отклик в «поэзии»:

Где были села, там я вижу грады!
Сей сладкой не лишен и я отрады!
Покой здесь, тишина, нигде нет слез!
Обидчик, клеветчик, как дым, исчез!

Через некоторое время правительство стремилось «ослабить вредные последствия губернской реформы». Власть в губерниях была подчинена генерал-прокурору, который выделился из сената и «стал рядом с ним, но ближе к императрице», т. е. единоличная диктатура была усилена за счет сокращения прав таких «коллегиальных» учреждений, как сенат.

В специальных постановлениях были оговорены «незыблемые права благородного сословия».

Жалованная грамота сопровождалась напыщенным манифестом. Автор манифеста говорил об огромнейших размерах Российской империи, о подвластном, послушном, храбром, неустрашимом, предприимчивом русском народе, который «вкушает плоды»... Затем манифест восхвалял дворянство, имевшее «своих предков, мужей разумных, искусных, храбрых, в трудах неутомимых». Это дворянство с непоколебимым усердием боролось с внутренними и внешними врагами. Восхваляя все доблести «благородного сословия», манифест подчеркнул значение свободы плавания на Черном море и той прибыли, что «приносит земля, сама по себе всяким изобилием изобилующая». В заключение императрица, подписавшая манифест, пожелала всем русским «сугубое утешение в душе своей».

«Жалованная грамота дворянству» в 1785 г. вновь напомнила о реальных правах «благородного сословия».

Без суда да не лишится благородный чести.
Без суда да не лишится благородный жизни.
Без суда да не лишится благородный имения.

Да не судится благородный, окроме себе равными.
Телесное наказание да не коснется до благородного.
Подтверждаем на вечные времена и потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу.
Благородным подтверждается право покупать деревни.
Благородным подтверждается право оптом продавать, что у них в деревнях родится или рукоделием производится.
Благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням.
Благородный самолично изъемлется от личных податей.

В связи с манифестом о «вольности дворянской» дворянско-буржуазная литература создала легенду о том, как «мудрая» Екатерина II освободила в 1785 г. закрепощенное дворянство. Нашим классовым врагам было выгодно поддерживать эту легенду, когда «освобождали» крестьян в 1861 г. В действительности манифест 1785 г. ничего нового не внес в права дворянства. «Благородное» сословие не могло быть освобождено, так как оно никогда не было закрепощено. Манифест укрепил и расширил организационные права дворянских корпораций; дворянство было лучше вооружено в борьбе с крестьянством и получило от своего государства значительные субсидии для грабежа и захвата южного украинского чернозема.

Крепостной поэт, современник жалованной грамоты, не плохо понял классовый смысл «грамоты». Он писал:

В свою ныне пользу законы переменяют.
Холопей в депутаты затем не выбирают,
что могут де холопы там говорить?
Отдать бы им волю до смерти нас морить!

Таким образом, разгром пугачевщины привел к новой жестокой и длительной реакции.

В темном царстве крепостной России прозвучал голос только одного А. Н. Радищева [1], который писал: «Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противостояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться не возможет. Таковы суть братьи наши, в узах содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет! Мы узрим окрест нас меч и отраву! Смерть и пожигание нам будут посул за нашу суровость и бесчеловечие! И чем медлительнее мы были в разрешении их, тем стремительнее они будут во мщении своем!»

---

[1] Он известен своей работой «Путешествие из Петербурга в Москву».

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Три крупнейшие крестьянские движения были направлены против феодально-крепостнических общественных отношений. Они боролись за ликвидацию феодализма и крепостничества и поэтому имели прогрессивный характер[1].

Огромные крестьянские массы поднимались в тех районах, где их закрепощали. Революционное движение начала XVII в. было ответом на закрепощение крестьян в метрополии и южных окраинах страны; разинщиной крестьянские массы ответили на свое закрепощение в колониях Придонья, средней и южной Волги; пугачевщина была движением крестьян и националов колоний Приуралья и Поволжья.

Движущей силой всех трех движений был закрепощенный или закрепощаемый крестьянский производитель, который пытался уничтожить помещика и стать самостоятельным товаропроизводителем.

В революционном движении начала XVII в. крестьяне и казаки выступали совместно с дворянством. Крестьяне и казаки блокировались с мелкими и средними помещиками, дворянство их предавало; но ничему не научившееся крестьянство с ними вновь блокировалось. Наконец против беднейшего крестьянства выступило и зажиточное казачество. В результате, оставшись в одиночестве, беднейшее крестьянство и казачество были разгромлены.

В разинщине большую роль играла голытьба — огромные массы бродяг и беглых, выброшенных из метрополии на окраины. Эти группы боролись не только с помещиками, но и с городской буржуазией, ростовщичеством и кулачеством. Они выступали с частичными лозунгами социального равенства. Радикальные лозунги и действия разинщины нашли глубочайший отклик в угнетенных массах; только этим можно объяснить, почему Разин стал «единственной поэтической фигурой в русской истории» (А. С. Пушкин). Радикализм разинщины также объясняет, почему она сохранилась в памяти веков, в то время как пугачевщина, происшедшая на сто лет позже, почти забыта народной песней. Но частичные, урезанные лозунги социального равенства *не изменили* основного характера разинщины, направленной против крепостничества.

В пугачевщине выступает новый общественный слой — крепостной рабочий. Своей идеологией он стоял не выше крестьянина, но он уже отличался от крестьянина тем, что работал в цен-

---

[1] См. схему на стр. 169.

трализованной мануфактуре, и эта работа дала ему возможность подготовить материальную базу для выступления. Специальные рабочие отряды уже выделялись своей организованностью и дисциплинированностью.

История трех крупнейших крестьянских движений в России решительно опровергает плехановско-троцкистскую оценку крестьянства. Маркс и Энгельс выступали против Лассаля, который считал реакционным крестьянское движение в Германии в 1525 г. Ленин считал «чудовищной, ренегатской» идею меньшевиков о реакционном характере крестьянских движений (Ленин, XX, ч. I, изд. 1-е, стр. 315).

Разгром крестьянских движений имел большие последствия для исторического развития России. Феодально-крепостнические общественные отношения надолго сохранились и задержали развитие производительных сил страны. Разгром крестьянских движений на сотни лет сохранил диктатуру феодалов-крепостников. Крестьянские движения не победили. «Великие крестьянские движения средневековья исходили все из деревни, но ввиду раздробленности крестьян и связанной с этим грубости их, они оставались совершенно безрезультатными» (Маркс).

Оценивая борьбу крестьян, Ленин писал: «В русской деревне всегда происходила и теперь происходит эта великая борьба, хотя не все видят ее, не все понимают значение ее. Когда было крепостное право, вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли» (Ленин, IX, стр. 353, изд. 1925 г.). Почему крестьянство не побеждало? «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели» (И. Сталин).

Крестьянство победит только при помощи пролетариата; победа буржуазии приносила крестьянству в Западной Европе и принесла бы у нас новые формы кабалы, угнетения и разорения. Только победивший пролетариат в СССР впервые обеспечил среднему и беднейшему крестьянству подлинное освобождение и на основе ликвидации кулачества, как класса, и сплошной коллективизации ликвидировал все формы кабалы, угнетения и зависимости.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Схема крестьянских движений

	Крестьянские движения конца XVI и начала XVII в.	Разинщина	Пугачевщина
1. Гегемон движения	1. Беднейшее казачество 2. Крестьянство закрепощенное и закрепощаемое	1. Беднейшее казачество 2. Крестьянство закрепощенное и закрепощаемое	1. Беднейшее казачество 2. Крестьянство закрепощенное и закрепощаемое
2. Движущие силы	1. Те же и 2. Элементы, стоящие вне феодального общества: голытьба, бобыли и прочие деклассированные элементы	1. Те же и 2. Элементы, стоящие вне феодального общества: бобыли, ярыжки	1. Те же 2. Рабочие заводов
3. Союзники	1. Богатое казачество 2. Мелкие помещики 3. Мелкая городская буржуазия 4. Помещики-националы	1. Помещики-националы (временные союзники) 2. Мелкая городская буржуазия	1. Помещики-националы (временные союзники) 2. Мелкая городская буржуазия
4. Попутчики	1. Польская мелкая шляхта	1. Дети боярские	1. Однодворцы
5. Блоки, соглашения между группами	1. Беднейшее казачество с богатым казачеством, с польской шляхтой 2. Казачество вместе с городской буржуазией и мелким дворянством 3. Крестьянство, дворяне и казаки	1. Казацко-крестьянская масса в блоке с мелкой буржуазией 2. Казачество с крупной городской буржуазией в Астрахани 3. Крестьянская масса в блоке с нац. помещиками	1. Казацко-крестьянская масса в блоке с мелкой городской буржуазией 2. Крестьянская масса в блоке с национальными помещиками
6. Основные требования восставших	1. Уничтожение феодально-помещичьего землевладения и господства бояр 2. Националы-помещики против метропольного помещика за расширение своих привилегий 3. Революционные требования под покровом монархических лозунгов	1. Уничтожение феодально-помещичьего землевладения и господства боярства 2. Националы против метропольного помещика за расширение своих привилегий 3. Революционные требования под покровом монархических лозунгов	1. Те же требования 2. Те же 3. Те же
7. Классовые враги	1. Крепостники 2. Крупное купечество 3. Польская шляхта	1. Помещики-феодалы метропольные 2. Помещики национальные 3. Крупное городское купечество	Те же

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

ПРИМЕЧАНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

КАК БЫК НЕ ЗАХОТЕЛ БЫТЬ БЫКОМ (к 157 стр.)

1. Бык не захотел быть быком да и сделался мясником; когда мясник стал бить в лоб, то, не стерпя его удару, ткнул рогом в бок, а мясник с ног долой свалился. То бык выхватить топор у него потщился, отрубимши ему руки, повесил его вверх ногами и стал таскать кишки с потрохами.

2. Овца искусная мастерица велит всем пастухам стритца.

3. Мужик нарядясь в стуле судить хочет стряпчих судей и подъячих судить.

В следующих сценах автор пытается изобразить, как, к каким последствиям приведет «мужичья воля».

4. Осел мужика погоняет за то, что не скоро выступает.

5. Малые дети старика спеленали: чтобы не плакал, всячески забавляли.

6. Слепой зрячего ведет, а сам не знает, куда бредет.

7. Олень боится свиньих зуб, а охотник бежит от зайцевых губ.

8. Бабы осла забавляли, посадив в карету, по улицам катали.

9. Нищий богатому милостыню дает, а он от него не берет.

10. Дворянин за прялицей дома сидит, а жена его на карауле с копьем стоит.

11. Ученик мастеру за то ж убьет ево, что науки долго не переймет.

12. Ногами в шляпе хожу, а на голове сапог ношу.

13. Попугай мужика в клетку посадил, чтобы он говорил.

14. Осел мужика брил, да по неосторожности копытом голову разбил.

К ПОРТРЕТАМ ПУГАЧЕВА

Классовые враги фальсифицировали не только историю пугачевщины, но и искажали портреты Пугачева. К некоторым работам приложены портреты Пугачева: дикая, с огромными глазами физиономия; очень длинные усы спускаются на грудь. На голове нечто вроде казацкой шапки, с верхом, который спускается почти до пояса, за поясом сабля. Такими же являются портреты Разина. К сожалению, мы не имеем ни одного подлинного портрета вождей крестьянских движений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫХОДЯТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

библ. „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ“

Вайнштейн О. — История Парижской коммуны.

Сафаров Г. — История Китая.

Тюменев А. — История рабовладельческих обществ (Греция и Рим)

Косьминский Е. и Гуковский А. — Феодализм.

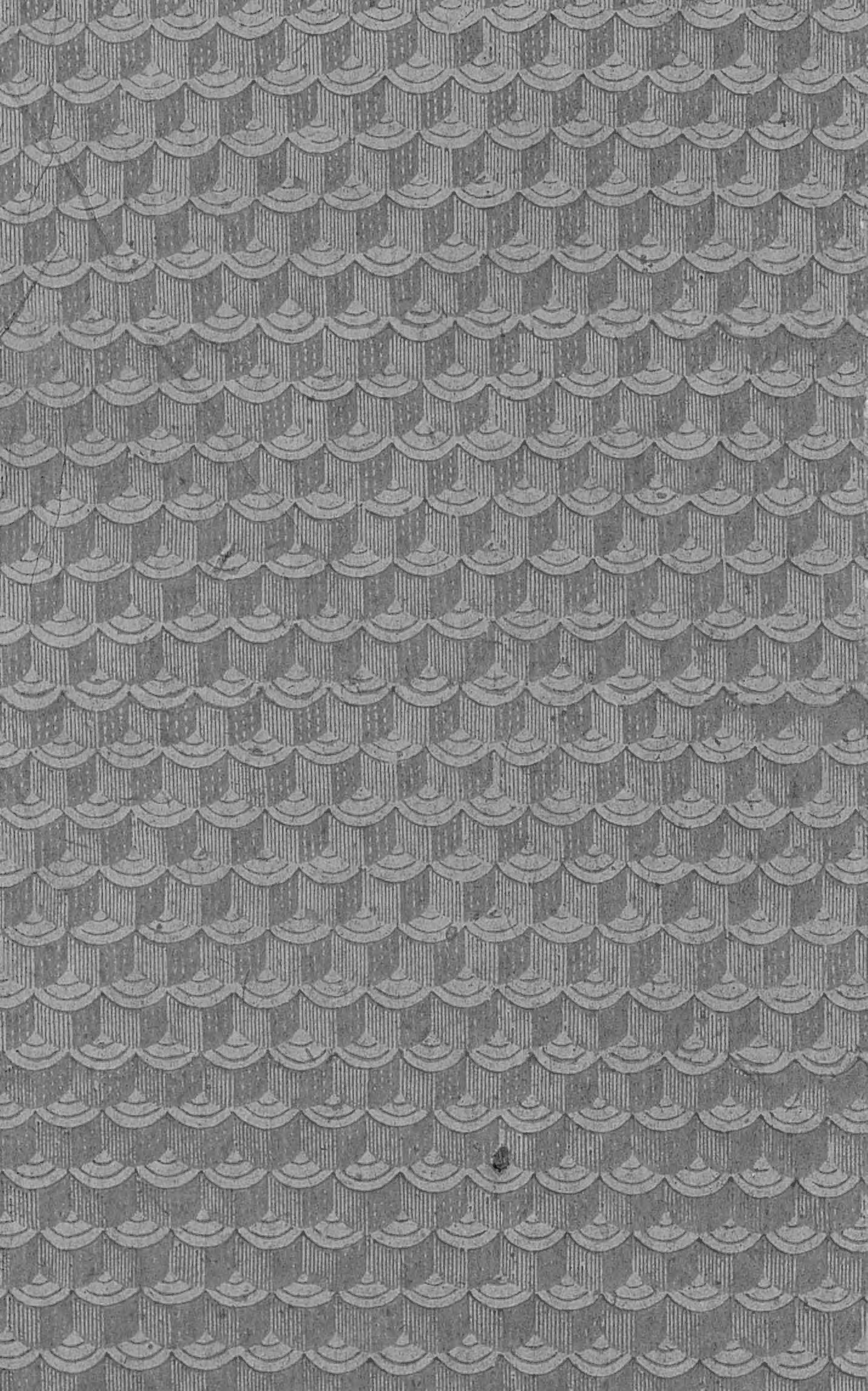
Махарадзе Ф. и Хачапуридзе Г. — История Грузии.

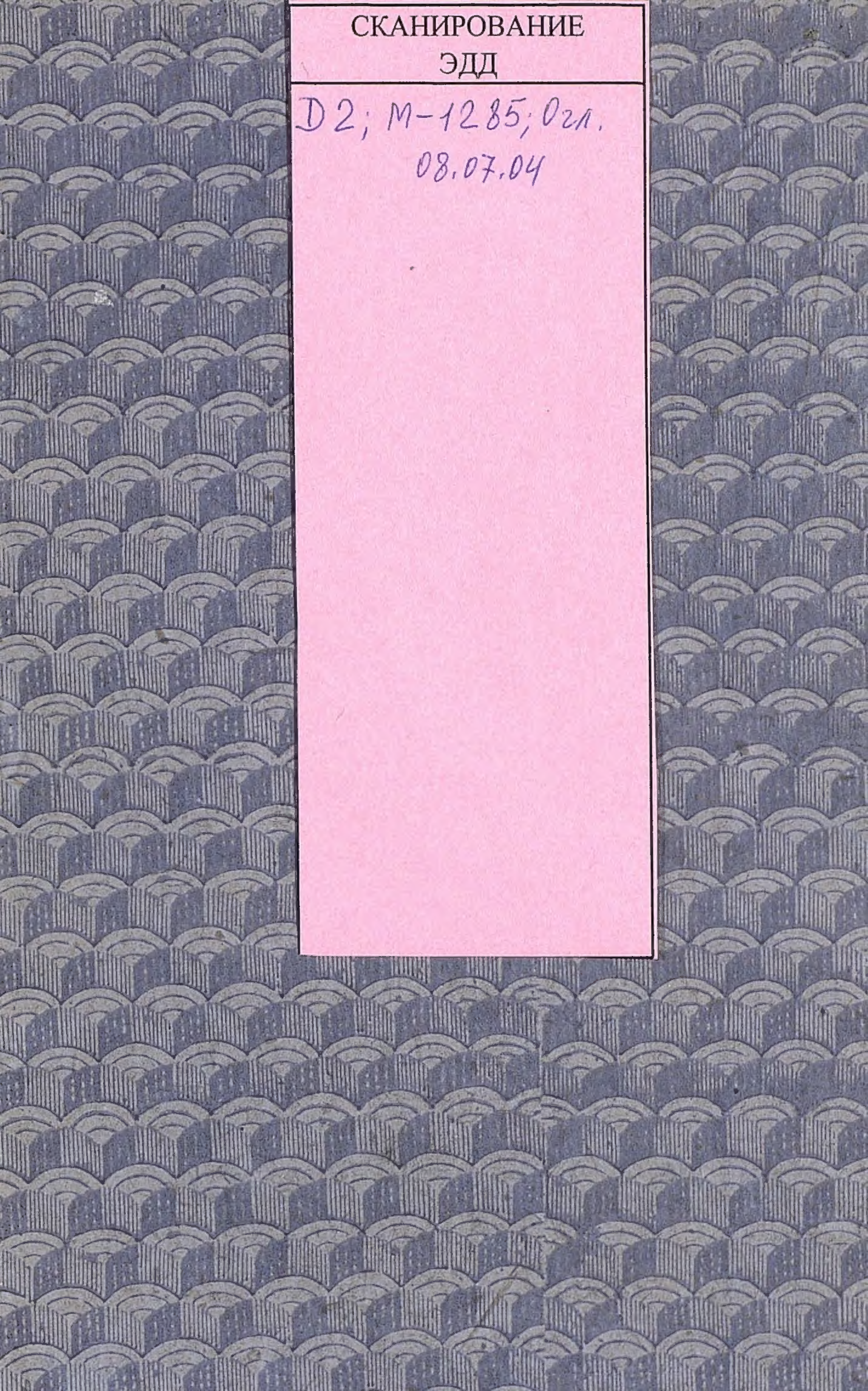
Тахо-Годи А. — История Дагестана.

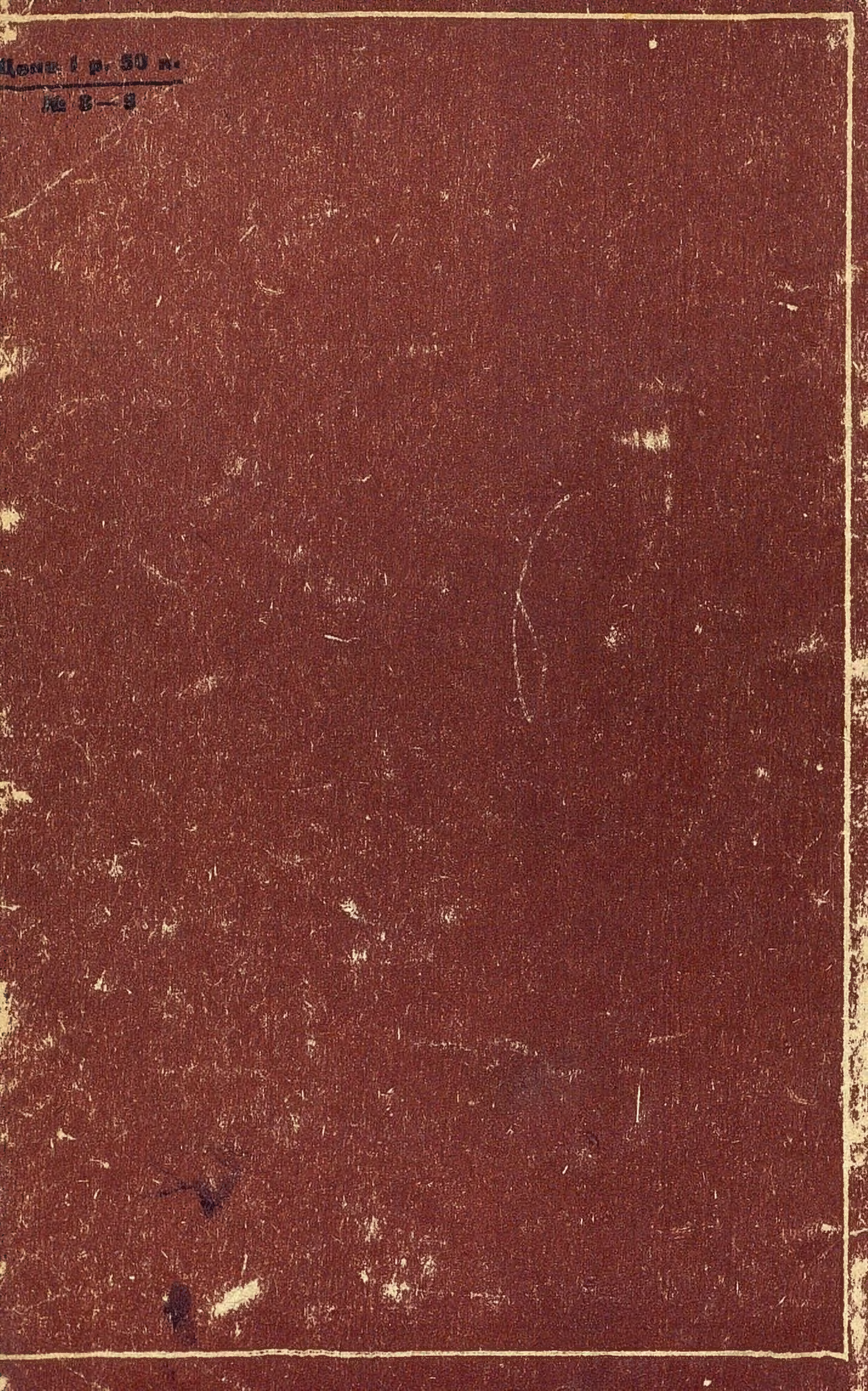
Кузнецов И. — История Чувашии.

Мамет Л. — История Якутии.

Драбкина Е. — Национальная колониальная политика царской России.

Цѣна 1 р. 50 к.

№ 8—9